Ассоциация психиатров, психотерапевтов, наркологов, медицинских психологов Пензенской области

«ОН ПРАВДЫ ВСЕЙ ДУШОЙ ИСКАЛ»

(К 150-летию со дня рождения Константина Романовича Евграфова)

Пенза
2009

В книге представлен историко-биографический очерк, посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося врача, общественного деятеля, основателя Пензенской областной психиатрической больницы и областной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова – Константина Романовича Евграфова. Публикуется его работа мировоззренческого характера: «Беседы с читателем». Книга предназначена для врачей психиатров, психотерапевтов, наркологов, психологов, культурологов, литераторов, краеведов, педагогов, студентов гуманитарных учебных заведений.

Работа К.Р. Евграфова «Беседы с читателем»» печатается по подборке вырезок из пензенской газеты «Чернозем» за 1916 год, подвергшихся правке автора, сохранившейся в музее Пензенской областной психиатрической больницы имени К.Р. Евграфова в единственном экземпляре.

Подготовка к публикации, редакция и вступительный историко-биографический очерк М. Архангородского, О. Макарова.

Печатается по решению правления Ассоциации психиатров, психотерапевтов, наркологов, медицинских психологов Пензенской области по тексту работы К.Р. Евграфова «Беседы с читателем», опубликованной в пензенской газете «Чернозем» за 1916 год, подвергшейся правке автора, сохранившейся в музее Пензенской областной психиатрической больницы имени К.Р. Евграфова в единственном экземпляре.

Константин Романович Евграфов
(историко-биографический очерк)

Константин Романович Евграфов родился 21 мая 1859 года (по новому стилю 2 июня) в городе Арзамасе, Нижегородской губернии, по месту тогдашней службы его отца, Романа Романовича Евграфова.

Об эпохе. Россия в 1859 году еще только стояла на пороге великих событий, изменивших ее самым решительным образом. Н.Я.Эйдельман справедливо назвал эту эпоху «революцией сверху». Плавное течение времени прервалось, произошел резкий тектонический сдвиг, «порвалась цепь великая; порвалась и ударила – одним концом по барину, другим по мужику». Так что вся жизнь нашего героя, родившегося в 1859-м и умершего в 1917-м, пришлась на эпоху реформ и контрреформ, а затем (после очень непродолжительного периода относительного роста в начале царствования Николая II) – революции и контрреволюции. На последние несколько лет его жизни пришлась Мировая война, подобной которой в предыдущей истории человечества не было, апофеоз человекоубийства, а на самый ее конец – новая революция, прикончившая старый мир и положившая начало уже вовсе другой жизни – может быть, даже и более неуютной для честного человека из прежнего времени, но другой, с другим пафосом, с другими масштабами во всем – как в созидании, так и в разрушении, а главное – в масштабах кровопролития.

Теперь о родителях нашего героя. Роман Романович Евграфов родился в 1821-м году (он ровесник Ф.М.Достоевского), а умер в 1894-м году. Евграфов-отец происходил из мещан Владимирской губернии. Этот факт важен, так как Россия была тогда сословным, почти что кастовым государством, и только Октябрь 1917 года отменил сословия, «смахнув в помойную яму истории» заодно и персональные воинские звания и гражданские чины (правда, всего лет на 20-ть, до середины тридцатых годов). В России времен Николая I происхождение из того или иного сословия в личной судьбе любого человека имело значение решающее, даже фатальное. Для того, чтобы вырваться из податных сословий в первой половине XIX века, одних только больших денег или блестящих способностей для этого было недостаточно, мужик все равно оставался мужиком, мещанин мещанином; «кухаркиных детей» к высшему образованию и государственным должностям насколько могли, настолько и не допускали; нужны были еще и особенная удачливость, благоприятное стечение обстоятельств. Надо было «попасть в струю». Роман Романович Евграфов сумел вскочить в кабину «социального лифта», воспользоваться подвернувшимся шансом, который давали ему, надо думать, его личные способ-

ности, поступив на «скотолечебное» отделение Медико-хирургической академии в Москве, успешно его окончив и получив звание «ветеринарного помощника первого отделения». Поступив в 1842 году в гусарский эрцгерцога Фердинанда полк, Евграфов-отец несколько лет прослужил ветеринаром в кавалерии Российско-императорской армии. В 1846 году за выслугой лет произведен в коллежские регистраторы со старшинством (ветеринарам, так же как лекарям и интендантам, воинские звания в старой России не присваивались, они числились военными чиновниками, получали штатские чины, носили не широкие офицерские, а узенькие «интендантские»). В 1849 году, когда Федор Михайлович Достоевский, пережив ужас непосредственного ожидания расстрела, к которому он был вместе с другими приговорен только лишь за «разговоры», расцененные как «злоумышленные приуготовления», следовал по этапу на каторгу, Евграфов-отец участвовал в победоносной венгерской кампании, был, так сказать, душителем «весны народов», общеевропейской революции 1848 года, за что награжден серебряной медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании, 1848-1849 гг.». В 1850 году, согласно его собственному прошению, Р.Р.Евграфов был уволен с военной службы. С этого момента его карьера пошла по административной, позже по административно-полицейской линии. В 1851 году он был определен помощником Арзамасского окружного начальника государственного имущества. В 1860 году переведен на равнозначную должность из Арзамасского округа в Лукояновский (похоже при этом, что либо его семья продолжала оставаться жить в Арзамасе, либо жена была родом из этого города – это можно предположить по той причине, что пятый сын Р.Р.Евграфова, Алексей, 1866 года рождения, числится уроженцем Арзамаса). В 1862 году Евграфов назначен на должность чиновника по наблюдению за порядком в волостях Палаты государственных имуществ Нижегородской губернии. С этой службой он успешно справлялся – во всяком случае, в 1863 году получил благодарность за особое усердие и распорядительность при взыскании денежных сборов с государственных крестьян, в этом же году произведен в коллежские асессоры со старшинством, а еще через два года – в надворные советники, опять же «со старшинством». В 1867 году Палаты государственных имуществ в губерниях были упразднены, в результате Роман Романович два года оставался за штатом; в это время он проживал с семьей в Москве.

В 1869 году Р.Р.Евграфов получил должность Пензенского уездного исправника, что в чем-то соответствует нынешнему начальнику райотдела внутренних дел, но весьма условно, поскольку уезды как административные единицы гораздо крупнее нынешних районов; кроме того, уезд-

ные исправники были практически «начальниками уездов», что означало исполнение обязанностей не только самих по себе полицейских, но и прочих административных. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что карьера Р.Р.Евграфова и в новом качестве была успешной: «Коллежский Советник Роман Романович Евграфов в воздаяние отлично усердной службы Всемилостивейше пожалован в 30 день Августа 1880 г. Кавалером Ордена Св. Владимира 4 степени, каковое пожалование г. Евграфову предоставляет право потомственного дворянства», и далее «на основании вышеприведенных узаконений, внести его, Евграфова, с детьми его, …в третью часть дворянской родословной книги Пензенской Губернии» (ГАПО, ф. 229, оп. 1, д. 1, л 2.). В 1881 году все Евграфовы были «имматрикулированы», т.е. утверждены в потомственном дворянстве. Это был жизненный успех – Роман Романович обеспечил будущее не только детей, но и внуков и правнуков; так, во всяком случае, считалось за 37-мь лет до революции семнадцатого года. Умер Роман Романович в декабре 1894 года, будучи потомственным дворянином, коллежским советником, кавалером орденов Св. Станислава II ст., Св. Анны II ст. и Святого Равноапостольного князя Владимира IV ст. Поместий в пределах Пензенской губернии он не имел, зато имел собственный дом, правда, деревянный.

О матери К.Р.Евграфова, Марии Петровне, мы не знаем ничего, даже ее девичьей фамилии. Есть ее фотография, когда-то (лет 30-ть назад) подаренная Пензенской психиатрической больнице Сергеем Константиновичем Евграфовым, внуком Романа Романовича и Марии Петровны Евграфовых, сыном Константина Романовича. Из документов ГАПО явствует, что она родила, по крайней мере, семерых детей, шесть сыновей и одну дочь. Старший ее сын, Николай, 1857 года рождения, а младший из ее детей, сын Роман, Роман Романович 2-й, 1872 года. Какое влияние оказала мать на формирование личности нашего героя, свидетельств не сохранилось.

Об одном из ее сыновей, пятом по счету, Алексее Романовиче, 1866 года рождения, нами уже упоминалось как об уроженце города Арзамаса, а не Лукоянова. Теперь стоит сказать о нем особо, так как А.Р.Евграфов был весьма заслуженный человек, профессор ветеринарии, кавалер ордена Ленина, удостоившийся персоналии в Большой Советской Энциклопедии. Алексей Романович обучался в ветеринарном институте в Казани и был отчислен оттуда за участие в тех же событиях, что юный В.И.Ульянов, – в знаменитой студенческой сходке 1887 года. Вместе со своим однокашником по Казанскому ветеринарному институту, пензяком Н.А.Мотиволовым, в будущем одним из первых русских социал-

демократов «плехановского призыва», был выслан в Пензу. В Пензе Мотовилов вступил в кружок Благославова (о котором мы еще скажем позднее), а Евграфов среди пензенских конспираторов ни в одном источнике типа «Очерков истории Пензенской организации КПСС» не обозначен. Он по окончании срока высылки (надо полагать, годичной, как и у его подельников Мотовилова и Ульянова) продолжил образование, окончил его в Дерптском ветеринарном институте, служил ветеринаром: сначала мирно – как принято говорить, в народном хозяйстве, а во время Первой мировой войны – в войсках, на манер покойного отца, да и воюя против того же практически противника. О какой-либо революционной деятельности А.Р.Евграфова до октября 17-го нет сведений, но после пролетарской революции Алексей Евграфов, вне всякого сомнения, встал на сторону большевиков; в период Гражданской войны он был начальником Главного ветеринарного управления Рабоче-крестьянской Красной Армии. При этом Евграфов на высшие должности поначалу даже не назначался, а избирался воинским, так сказать, коллективом – был и такой период, правда, очень недолгий, в истории русской армии, когда подобные решения принимались на митингах, а не в кадровом управлении генштаба. О роли кавалерии в той братоубийственной войне можно не говорить, она общеизвестна, так что заслуги А.Р.Евграфова в разгроме белого движения и, соответственно, победе Советской власти в России поболее, чем заслуги многих иных прочих, даже если он был просто «военспецом». В конце сороковых годов ветеринарный врач А.Р.Евграфов, уже профессор, в своей автобиографии указывал, что родился в семье ветеринарного врача Р.Р.Евграфова, что, конечно, было правдой, но, как мы знаем, правдой неполной. Оказаться среди «лишенцев» (хотя с 1936 года, с принятием «Сталинской Конституции», таковых официально в СССР уже не было) – удовольствие не из самых приятных, дворянское происхождение было абсолютной стигмой, тавром; а сообщить, что происходишь из семьи большого полицейского начальника означало вообще черт знает что, результат подобной честности непредсказуем, могли и в Соловки загнать, а уж с кафедры точно «попросили». Умер А.Р.Евграфов в 1953 году, тоже на переломе эпох, как и наш основной герой К.Р.Евграфов.

Теперь о другом сыне Романа Романовича и Марии Петровны Евграфовых, старшем, Николае Романовиче. Николай Романович был нашему основному герою Константину Романовичу практически погодком. Они были близки и по-братски, и по-товарищески.

Вот только с учебой у Николая Евграфова почему-то не заладилось, он окончил лишь шесть классов 1-й Пензенской мужской гимназии. Высшего образования не получил, что существенно ограничивало доступ к

государственной службе, и уж во всяком случае – было важным стопором для карьерного роста. Вряд ли этот факт объясняется его неспособностью – Николай Романович был автором весьма толковой книги, исследовательской работы, посвященной 25-летию Пензенского губернского земства; долгое время он был главным редактором губернской газеты «Пензенские губернские ведомости» (ее неофициальной части); Н.Р.Евграфов много лет был секретарем Пензенского губернского дворянского собрания, сословного учреждения, игравшего важнейшую роль в жизни губернии. Вместе с братом Константином он был активнейшим деятелем Лермонтовского общества, от самых его истоков: в 1895 году избирался председателем правления Лермонтовской библиотеки, в течение ряда лет был среди его непременных членов, входил в «комиссию по заведованию торговлей в складе при народной читальне», являлся «ответственным лицом за исполнением библиотекою установленных правил и правительственных распоряжений»; в период после первой русской революции он стал товарищем председателя правления вновь образованного Лермонтовского общества; долгое время он заведовал библиотекой имени Белинского, общедоступной и бесплатной, бывшей «народной читальней», располагавшейся на Базарной площади, эта библиотека и ныне существует под тем же именем как пензенская городская, на улице Кирова. Все эти обязанности он исполнял наряду со многими другими – член правления Общества взаимного кредита, член попечительного совета 2-й женской гимназии, попечитель 5-го городского начального женского училища, попечитель 10-го и 11-го участков городского попечительства о бедных. С 1904 года Николай Романович был также гласным Пензенской городской Думы. В 1905 году он, вместе с братом Константином, организовал отделение партии октябристов в нашей губернии, от октябристов баллотировался в 1-ю и 2-ю Государственные Думы по городской курии, то есть не «от помещиков» все-таки, а «от буржуев» (опять же вместе с нашим основным героем, Константином Романовичем), но не прошел туда. Типичная «контра», одним словом. Вряд ли сложились бы добрые отношения с Советской властью, если бы он дожил до 1917 года, и у третьего сына Р.Р.Евграфова – Владимира, 1862 года рождения. О нем известно, что он стал предпринимателем, к 1907 году имел при собственном доме на улице Садовой в Пензе столярную мастерскую с числом рабочих 40 человек, а в 1910 году ходатайствовал перед властями об установке в своей мастерской нефтяного двигателя. Тоже «контра», потому как буржуй. Но со всеми Евграфовыми (впрочем, как и со всеми Ивановыми, Петровыми, Сидоровыми и Кузнецовыми), даже монархистами и реакционерами, дворянами и городской/сельской буржуа-

зией, все не так уж прямолинейно, однозначно и просто. Наглядный пример: один из сыновей Николая Романовича – Роман Николаевич, учитель по профессии, явно названный в честь дедушки, в молодости выступившего, так сказать, в роли душителя Венгерской революции, а затем полжизни прослужившего по полицейской части, был участником революционных событий 1905 года, за что отбывал наказание в виде ссылки в Иркутскую губернию, а по возвращении из Сибири состоял под полицейским надзором. Гражданское противостояние явно зависело не только от социального происхождения. Тектонический политический разлом прошел внутри многих семей.

Об остальных братьях К.Р.Евграфова нами сведений не выявлено. О его сестре, Екатерине Романовне, 1863 года рождения, известно, что она обучалась в Пензенской женской гимназии; вышла замуж за бывшего одноклассника К.Р.Евграфова, Александра Матвеевича Молчанова, врача, служившего в г. Хвалынске Саратовской губернии, убитого там же в 1892 году во время холерного бунта (о судьбе доктора Молчанова писали и А.Ф.Кони, и В.В.Вересаев, а также известный художник Кузьма Петров-Водкин, как оказалось, еще и занимавшийся беллетристикой, автор повести «Хлыновск», где и он описал во всех подробностях упомянутые трагические события).

Дети полицейского «полковника» Романа Романовича Евграфова, плебея по происхождению, конечно, не стали аристократами, но принадлежали к привилегированному сословию, были активными его членами, находились на виду у общественности и власти (почти все сведения о семье Евграфовых взяты из справки ГАПО от 1977 года, имеющейся в архиве музея Пензенской ОПБ имени К.Р.Евграфова).

О духе семьи Евграфовых можно судить по следующему воспоминанию Константина Романовича, приведенному его сыном Сергеем Константиновичем: «…Отец (Роман Романович) читал по вечерам вслух старшим детям Гоголя». Но даже без этой характерной детали ясно, что Евграфов-отец был вовсе не бурбоном, не грубым полицейским служакой, а человеком, как минимум, неплохо образованным (всё-таки выпускник академии), просвещенным, уважавшим изящную литературу и интеллектуальный труд и прививший это уважение своим детям. Ясно также, что в этой семье духовные богатства ценились, по крайней мере, не меньше, чем богатства материальные. Также ясно, что этой семье верили в Бога и что вера эта была не напускной, иначе откуда могло появиться то искреннее религиозное чувство, то стремление к исканию Правды (именно Правды с большой буквы), полагаемой в Боге, которые мы обнаруживаем (даже как-то и неожиданно, поскольку атеизм или хотя бы «ре-

лигиозный индифферентизм», для русской интеллигенции конца XIX века был все же более свойственен) у зрелого Константина Романовича – такое может быть привито только раннем детстве, то есть в семье родителей.

Гораздо позже, уже в XX веке, его десятых годах, незадолго до своей смерти, сам Константин Романович писал по этому поводу следующее: «Воспитание, да и в значительной мере истинное образование, невозможно, если в основание их не полагается религиозной истины. Только абсолютный идеал совершенства может уполномочивать воспитателя и учителя на ограничение свободы растущего организма, пока все возможности развития, в нем заложенные, не достигли еще своей высшей меры. Тогда лишь молодое существо получает право на полное самоопределение. Тогда никто не вправе посягать на его свободу, поскольку она не ограничивается равноценной свободой других личностей. Без сомнения, начало религиозного воспитания относится к первым годам детства, т.е. лежит в пределах воспитания семейного. Упадок религиозности в русском, так называемом, образованном или интеллигентном классе есть главное препятствие к постановке школьного воспитания и образования на правильных началах. Школа получает детей, за редкими счастливыми исключениями, с неразвитым религиозным чувством и почти безо всяких навыков к исполнению религиозных обрядов. Способность бессознательно воспринимать красоту, благолепие этих последних и способность к благоговейному сосредоточению, благодаря отсутствию примера со стороны семьи, у детей образованного класса в громадном большинстве случаев отсутствует. Мало того, распущенность и неряшливость личного поведения среднего русского интеллигента не оберегает детей даже от прямо отрицательного отношения к вере и религии. Скептицизм родителей и окружающих уже весьма рано заражает отроков и подростков. Поверхностное отрицание без предшествующей стадии «горнила сомнений» (Достоевский) и напряженного искания истины – вот что лежит в основе индифферентизма русского интеллигента к вере и религии. Этот индифферентизм переходит, благодаря примеру, к детям» (К.Р.Евграфов «Что может дать в настоящее время школа в смысле религиозного воспитания? Доклад 1-му Харьковскому педагогическому съезду», год издания неизвестен, оттиск статьи в архиве музея Пензенской ОПБ им. Евграфова).

Эти слова не только от ума, они еще и от сердца. Семья Евграфовых была верующей, православной, это не вызывает сомнений.

В 1869 году, когда семья Евграфовых переехала в губернский город Пензу, Константину Романовичу было десять лет. Любопытно выяснить, что представляла собой Пенза в период детства и юности Евграфова: «…Улицы ее неровны, мощеных улиц мало, грязь на них почти невы-

лазная. Есть немало красивых больших домов, попадаются и хорошенькие деревянные домики в русском стиле с причудливой резьбой – петухами и коньками… Жизнь в Пензе очень возможна и даже приятна, но если нет очень сильных дождей, которые бы развели уличную пензенскую грязь» (из книги Н.Ф.Юшкова «На пути… От Казани до Царицына», 1877, цитата по сборнику «Факты, события, свершения». К 325-летию г. Пензы», П., 1988, с. 43-44). В конце пятидесятых годов XIX века Пензу населяло всего лишь 25 тысяч жителей, к 1917 году их было около 80-ти тысяч. Стотысячный рубеж Пенза перевалила лишь в 30-е годы XX века, после начала коллективизации и индустриализации. Промышленность до революции была в зачаточном состоянии, но город был, по оценкам современников, хорош. Из гораздо более позднего очерка А.В.Луначарского, 1929 года: «…Губернский центр Пенза безжалостно впитывала в себя всё, что могла впитать из губернии. Она оставила в высшей степени темными все свои уезды. Это сказывается еще и сейчас. Пенза имеет при девяноста тысячах жителей семь больших и разнообразных техникумов. Её главнейшие школы расположены в удобных зданиях. Она имеет громадный театр. За исключением Большого и Экспериментального театров, Москва не знает ни одной такой большой театральной залы. Пенза, так сказать, центр не по округу, как она и была губернским городом не по губернии. В этом есть, разумеется, и положительные стороны; ведь даже в главном городе такого темного истощенного, малоземельного, больного края никак не ждешь увидеть один из (относительно, конечно) цветущих наших провинциальных городов» (цитата по книге «Краеведческие записки», вып. 2, Пенза, 1970, с. 132).

В конце позапрошлого века А.П.Чехов в частном письме шутливо определил Пензу как «мордовские Афины». Чехов был прав – Пенза была городом, обладавшим множеством учебных заведений, но вот высших учебных заведений в Пензе не было вплоть до Великой Отечественной войны, хотя еще в 1786 году Екатериной II повелено об открытии в Пензе императорского университета. Это повеление выполнено не было, как не стали реальностью проекты открытия в нашем городе сельхозинститута (1898) и политехнического института (1914).

Константина Евграфова определили в 1-ю мужскую гимназию сразу по приезду в Пензу, в 1869 году. После 1866 года, года покушения на Александра II со стороны Дмитрия Каракозова, выпускника Пензенской 1-й (в тот момент вообще единственной) мужской гимназии 1860 года, прошло всего три года. Ту же гимназию (и, наверное, в то же время, ибо они были ровесниками и жили в одной семье) окончил Николай Ишутин, двоюродный брат Дмитрия Каракозова, создатель и руководитель знаменитой рево-

люционной организации «Ад» в Москве. В 1860 году окончил ту же гимназию Порфирий Войноральский, незаконный сын княгини Кугушевой и надворного советника Ларионова, тоже известнейший русский революционер, связанный не только с «Большим обществом пропаганды», но и с ишутинцами. Пензенская мужская гимназия славна также и тем, что в ней учился В.Г.Белинский, с которого в России начался атеистический коммунизм (по мнению Достоевского). Было это гораздо раньше, но было.

Шестидесятые-семидесятые года XIX века по всей стране были временем «революционной ситуации». Практически вся учащаяся русская молодежь была тогда охвачена революционным пафосом. Идеи революционного переустройства общества были среди интеллигентных молодых людей господствующими, революционное народничество доминировало повсюду, но в Пензе особенно. Пенза была как бы инкубатором для революционеров.

Одной из причин этого было, конечно, то, что в «провинциальной глуши, которой была в то время Пенза» (выражение К.Р.Евграфова из некролога, посвященного памяти В.Д.Владимирова, старшего врача больницы Пензенского губернского земства с 1874 года), в столице нищей губернии с неумеренно пьющим уже тогда населением (характерная деталь: перед освобождением крестьян губернию охватила волна не только аграрных, но и «питейных» бунтов – население грабило и громило винные лавки, поскольку «распространился слух, что вино в питейных домах должно продаваться по дешевым ценам, а нынешняя продажа водок по возвышенным ценам есть злоупотребление откупа»; и те и другие бунты подавлялись с применением войск, причем лозунгом бунтовщиков было, среди прочего, «Умрем за Бога и царя!»), в губернии, в которой с момента ее основания не были казнокрадами разве только два-три губернатора из целой их череды (наиболее одиозен Александр Алексеевич Панчулидзев, – классический образец начальника губернии эпохи Николая I, когда, по выражению Белинского, «даже простого полицейского порядка» не было; Панчулидзев стал героем не только фельетонов в «Колоколе» Герцена, но и художественных произведений, среди которых наиболее известна повесть «Белый орел» Н.С.Лескова, определившего Панчулидзева как «меломана и зверя»; из персоналии в «Пензенской энциклопедии», М., 2001, с. 432: «…Но в историю России А.А.Панчулидзев вошел как «пензенский властитель», взяточник и мздоимец, устроивший «чиновничье управление губернией на свой лад»), в Пензе, служившей местом ссылки вольнодумцев и бунтарей из столиц и более или менее крупных городов (к примеру, в Пензенскую губернию был в свое время сослан Н.П.Огарев; Герцен – в Пермь, а Огарев – в Пензу; четыре года он

служил «актуариусом» в канцелярии Панчулидзева; а таких огаревых, да и таких разиных и пугачевых в Пензе было не сотни, а многие тысячи, начиная с самого момента ее основания – первопоселенцами Пензы стали ссыльные участники «медного бунта» 1662 года, всеобщего народного восстания в Москве, направленного против организованной царем произвольной «порчи» медной монеты путем уменьшения ее веса, приведшей к резкому обесцениванию денег и, соответственно, к обнищанию населения; против их воли бунтовщики были поверстаны в стрельцы и в служилые казаки и посланы на южную границу государства, на борьбу с «Диким полем», ордами степняков, ногайцев и черкесов, в число которых с полным основанием можно включить и «черкасов» – донских и гребенских казаков, формально говоря, русских и православных, но разбойников не хуже «черкесов» – казаки принимали участие в «большом Кубанском погроме» Пензы в 1717 году; первопоселенцы Пензы – жертвы, кажется, первой в отечественной новой истории «массовой чистки» столицы нашей Родины, города-Героя Москвы); так вот, в этой самой Пензе, где только молчалины и процветали, поколение за поколением молодые люди с нормально устроенным позвоночником (без холуйского прогиба посреди спины) не могли найти, так сказать, социально-приемлемого применения своим силам, своим талантам, своей нормальной житейской активности.

В пореформенную эпоху крупные центры России (не говоря уж о ее столицах) были охвачены лихорадкой «грюндерства». Это явление, с которым Россия вновь столкнулась совсем недавно, на новом переломе эпох, – основание всяческих коммерческих предприятий-однодневок (или не однодневок, это уж как повезет), сопровождающееся выкачиванием денежных средств из населения или казны, на чем ловкачи делали миллионные состояния. Революционер П.А.Кропоткин, князь из Рюриковичей, чье право на русский престол было, как шутили в его подпольном кружке, большим, чем право Александра II, основоположник, наряду с Бакуниным, мирового анархо-коммунизма, так описывал эпоху детства и юности нашего основного героя: «После освобождения крестьян открылись новые пути к обогащению, и по ним хлынула жадная к наживе толпа… Акционерные компании росли как грибы после дождя; их учредители богатели. Люди, которые прежде скромно жили бы в деревне на доход от ста душ, а не то на еще более скромное жалование судейского чиновника, теперь составляли себе состояние или получали такие доходы, какие в прежние времена перепадали лишь крупным магнатам». Но даже для такого не больно уж богоугодного дела, как быстрое и неправедное обогащение, в нашей глухой провинциальной дыре не было никаких условий, хотя бы потому, что в Пензенской губернии, где промыш-

ленность традиционно основывалась на мануфактурном производстве в помещичьих имениях, «введение» капитализма привело даже к сокращению объема произведенной продукции и к сокращению количества рабочих мест при той же практически производительности труда; промышленный подъем в нашей губернии начался только после воцарения Николая II, «при Витте», во второй половине 90-х годов, когда поколение, к которому принадлежал Евграфов, приближалось к сорокалетию (а как известно, «в сорок лет денег нет – и не будет»), но даже перед началом Первой мировой войны, в том самом 1913-м году, на который ориентировались еще очень долго, в Пензе насчитывалось 33 промышленных предприятия, на которых было занято всего лишь 2.300 рабочих, половина из которых трудилась на писчебумажной фабрике Сергеева (884 человека) и фабрике гнутой мебели Ускова (485 человек), так что столярная мастерская В.Р.Евграфова с числом рабочих в 40 человек не была по пензенским масштабам таким уж и мелким предприятием – таковых, с числом рабочих до 50-ти, насчитывалось тогда в городе всего лишь две дюжины – 24 штуки. В губернии преобладало нищее крестьянское население, жившее сугубо натуральным хозяйством, «от земли», со своих несчастных нескольких десятин, в большинстве не таких уж и плодородных. Пензенские крестьяне жили еще и кустарными промыслами, тоже сельскохозяйственными – типа чесания пуха, вязания сетей, но особого достатка они им не приносили.

Добавим также, что пензенское крестьянство и мещанство было темным, невежественным, забитым… Жизнь в городе и губернии была в каких-то ее проявлениях даже постыдной. Стоит почитать еще одну вещь Н.С.Лескова – «Загон». Там описаны мужики, жители села Николо-Райское, Городищенского уезда (правда, не совсем пензяки, а недавние «переведенцы» из Орловской губернии), которых «барин» пытался осчастливить бесплатными каменными домами, но они своих курных изб так и не покинули, а навязанные им строения превратили в отхожие места. «Интеллигентная» часть пензенского общества с точки зрения «науки» и во вполне патриотическом духе обосновала в специальной брошюре правильность подобного поведения: оказывается, сажа в национальных наших курных избах обладает самыми разнообразными полезными свойствами, в том числе лечебными, особенно при употреблении ее внутрь в хлебном вине… Нравы были дикими: предводитель губернского дворянства генерал-лейтенант Арапов (Благородным Собранием он заведовал как в предреформенное, так и в пореформенное время, и при Панчулидзеве, с которым ходил в первых приятелях, и при многих других губернаторах, уже «либеральных бюрократах») спускал вниз по Лекарской

(ныне улице Володарского), наверху которой он жил, своих охотничьих собак и радовался, наблюдая за тем, как горожане спасаются от собачей своры; покусанным же во время травли потом вручали денежную компенсацию, чем, как утверждают, многие пользовались, специально подставляясь под зубы любимых псов одного из отцов губернии. Понятия человеческого достоинства не существовало ни для «больших», ни для «малых сих». Оно понятно, ведь совсем недавно, буквально вчера, иной пес реально стоил дороже человека. Пространства, на котором инициативный человек мог бы развернуться, в Пензе и губернии не было даже в период господства капитализма в России, как раз совпавшего с годами жизни нашего Евграфова. Таких людей, как наши земляки, казалось, можно было только резать, как волк в овчарне (и при этом они еще будут кричать: «Умрем за Бога и Императора!»), или стричь как овец, но ведь с паршивой овцы, известно что, – лишь шерсти клок… Население и без того было нищим, с него можно было только спустить последнюю шкуру, что бы кто не говорил сейчас, какие бы кому благостные картины не мерещились через полтора столетия…

Впрочем, Евграфов принадлежал к особенному поколению образованных русских людей. Им было **стыдно,** и они искали **Правды**.

Вот как описывает это поколение современный историк: «…Юноши и девушки отказывались не то что от блестящей или хотя бы благополучной житейской карьеры и комфортного быта (это они просто презирали, такой отказ им не казался жертвой), но и от горячо любимой науки, потому что занимать наукой «в такое время» считалось эгоизмом». Нравственный кодекс этого поколения был чрезвычайно высок… Николай Александрович Морозов (1854 года рождения, землеволец и народоволец, член исполкома «Народной воли», участник покушений на Александра II, много лет проведший в заключении в Петропавловке и Шлиссельбурге, в последующем выдающийся ученый, химик, физик, математик, историк, избранный в 1932 году почетным членом Академии наук СССР) в воспоминаниях так передавал свои тогдашние чувства: «Разве не благо погибнуть за истину и справедливость? – думалось мне. – …Разве мы карьеристы какие, думающие устроить и свои дела, служа свободе и человечеству? Разве мы не хотим погибнуть за истину?» (П.Косенко «Неэвклидовы параллели», Алма-Ата, 1988, с. 50-51). Ф.М.Достоевский, самый близкий Евграфову русский писатель, так описывал в конце 70-х года любимого своего героя Алешу Карамазова: «Он был юноша отчасти уже нашего последнего времени <того самого – конца 70-х, когда юный Евграфов жил в Петербурге и там видел Достоевского, роман закончен в 1880 году>, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищу-

щий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью» («Братья Карамазовы»). Из Достоевского (набросок предисловия к «Бесам»): «Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. ***Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду***» (цитата по книге И.Волгина «Последний года Достоевского», М., 1990, с. 35).

Много позже, в 1916 году, К.Р.Евграфов вступил в публичную дискуссию с неким г. Феоктистовым (о чем мы расскажем подробнее несколько позже) – в пензенской газете «Чернозем», печатном органе Пензенского губернского земства, наш Евграфов отвечал на следующий пассаж Феоктистова: «Давно прошли времена наивного народничества, когда не стремления и идеалы самого народа ставились во главу угла, а его, часто вымышленные самим идеологом «интересы», и когда наиболее ретивые заботились о народе, как о животном…». Евграфов встал грудью на защиту «партии, вдохновителями и организаторами которой были «Отечественные записки» с Н.Михайловским, Щедриным, Некрасовым, Елисеевым, Златовратским и др.; к которой принадлежала значительнейшая часть лучших земских и общественных работников первых двух десятилетий существования Земства»; он заявил: «Хотя я лично считаю народничество в основном его заблуждением, хотя народники – мои, так сказать, идейные враги, я самым горячим образом протестую против такого обвинения по адресу тех, чьи убеждения были искренни, служение своим идеалам честно и мужественно».

Из воспоминаний об отце Сергея Константиновича Евграфова, сына Константина Романовича: «Будучи в классе четвертом гимназии К.Р. не избежал общей тогда среди молодежи кружковщины; и у него, совсем мальчика, однажды, нам неизвестно по какому поводу, был произведен обыск, не давший ничего для начальства, но произведший страшный переполох по всему городу: в семье исправника вдруг обыск». Сын характеризует отца в юности: «Будучи в молодости весьма радикальных убеждений, замешанный, как мы слышали, вместе с известным Чайковским в один из процессов конца царствования Александра II…».

Чайковского Н.В. (1850-1926), в далеком пока будущем главу белого «Северного» правительства, организованного англичанами в Архангельске в 1918 году, и ряда других подобных «правительств», умершего в эмиграции, Евграфов, конечно, не знал, да и не мог знать. «Известный Чайковский», чей кружок существовал в основном в Петербургской Медико-хирургической Академии, покинул страну еще в 1874 году, ког-

да Евграфов был, собственно говоря, ребенком и жил в Пензе. Трудно представить, что Евграфов знал и Войнорaльского, хотя именно последний, уже будучи судим «за политику» и отбывши наказание, находясь под строгим надзором полиции в имении матери в селе Варварино (Богородское тож), Городищенского уезда нашей губернии, сумел установить связь с московским подпольем и петербургским «Большим обществом пропаганды» (начало которому положил кружок «чайковцев») и стал одним из главных организаторов «хождения в народ» в трех соседних губерниях – Пензенской, Саратовской и Самарской. Упомянутый младшим Евграфовым «один из процессов конца царствования Александра II» – это знаменитый «процесс 193-х», длившийся до 1878 года, сопровождавшийся массовыми арестами пропагандистов и прославившийся тем, что очень существенная часть арестованных по данному делу «фигурантов» либо погибла, либо сошла с ума еще в период предварительного следствия. Мог ли Евграфов вообще оказаться среди подсудимых по «процессу 193-х» – это вопрос, на который ответа у нас нет (чересчур молод, неизвестно, достиг ли он возраста уголовной ответственности к моменту деяния, если таковое было в реальности), но факт остается фактом: в 1874 году несколько однокашников Константина (то есть более или менее его ровесников) и преподавателей мужской 1-й гимназии были арестованы по обвинению не только в политической неблагонадежности, но и в прямом участии «в преступной пропаганде среди народа», то есть в уголовном преступлении (ГАПО, ф. 58. оп. 1, д. 54). Всего же по этому делу в Пензе и губернии было репрессировано не менее 30-ти человек. Константина Евграфова среди них не числится, как, впрочем, и Николая (была такая мысль, что причиной, по которой старший из братьев Евграфовых не сумел закончить гимназию, была его политическая неблагонадежность, но, похоже, что ошибочная).

Сын К.Р.Евграфова, Сергей Константинович, указывает в своих воспоминаниях: «К этому же времени относится страшная простуда К.Р., навсегда сгубившая его слух и зрение, и жестоко подорвавшая силы всего организма, и вынудившая тогда же поездку на Кавказ для лечения». Факт начавшейся в подростковом возрасте серьезной болезни Константина Евграфова в какой-то мере подтверждается документами – в ведомости об окончании гимназии указывается и на его отличные способности, и на частые пропуски занятий по болезни.

К этому же времени он относит начало стихотворного творчества Евграфова. Отношение к плодам художественного творчества, вообще говоря, дело вкуса: может нравиться, а может не нравиться. Нам важнее подчеркнуть, что творческая жилка у Евграфова вообще-то имелась;

страсть к созданию художественных текстов наличествовала; а был ли литературный талант – это уже другой вопрос. Не всем «везет» с талантом к рифмоплетению, к сложению стихов, далеко не всем. Но среди тех, кому бог его не дал, тоже попадаются вполне приличные особи, и даже не такие уж бесталанные в других областях человеческой деятельности, к примеру, в той же медицине, да мало ли еще в чем… Из стихотворения Константина Романовича:

Для бурного сердца, для юных годов,
Покой ненавистен, как тяжесть оков,
И пошлое счастье, довольство рабов,
Для дали широкой забыть я готов
……..
Господь Всемогущий! Творец всеблагой!
Ужели мир создан рукою скупой?
Зачем же гоненья, проклятья
И стоны под звуки цепей,
И слезы везде, без изъятья,
И горе царят у людей.
Ужели не хватит простора,
Не хватит нам Божьих даров,
Нельзя нам прожить без раздора,
Без плети, тюрьмы и оков?

Из воспоминаний сына: «В гимназии же у К.Р. зародилась та любовь к художественной литературе, о которой мы говорили выше, любовь к классическим созданиям поэзии, в частности к классикам древней Греции и Рима. У них в гимназии одно время преподавателем латинского языка был какой-то чудак-священник, восторженный старик, поклонник Гомера, Горация и Овидия», заразивший своего воспитанника любовью к литературе. Сам Евграфов вспоминал в более чем зрелом возрасте, уже на шестом десятке своей жизни: «Он был влюблен в мир классической Греции и Рима, и мы, дети, чувствовали эту любовь, и не смеялись, и не вышучивали его, хотя может быть он и был комичен, когда с вдохновенным лицом, вскочив на кафедру, забыв и нас и все окружающее, грамматики и синтаксисы, и министерские программы, он читал латинские стихи; он переживал сам гармонию их языка и неподражаемую вечную силу и красоту человеческого слова. И в его голосе, мимике и устах мы слышали уже не мертвые слова мертвого языка, а живую, трепещущую личность владыки вселенной – древнего римлянина; мы чувствовали неподражаемый лаконизм и законченность выражений… Наш чудак-учитель своим восхищением перед действительно прекрасным гением классиче-

ских языков давал нам чувствовать у классических писателей силу языка, то есть неподражаемую правдивость и адекватность слов мыслям и изображаемым вещам, и его энергию и скульптурность: non multa, sed multum, – ничего лишнего… И мы, благодаря нашему чудаку-учителю, начинали чувствовать, что изучение мертвых языков не мертвая схоластика; что тут вечно живая реальность; преложение переживаний человеческой психики через наш физический организм, наши органы речи, и отражение их и самой психики народа в звуках и формах языка. Мы делали тогда первые шаги к бессознательному усвоению реальнейших и необходимейших элементов знания человека – познанию самих себя, элементов человеческой психологии… Наш учитель не резонировал: он восхищался, он любил то, чему учил, и скрытая ценность объекта, достойного любви, сама могла уже в первый благоприятный момент озариться яркой интуицией, полным сознательным постижением природы этого объекта. И вот многие из его учеников являются поклонниками классицизма и его сторонниками, и уж во всяком случае, не будут судить о нем так пошло и тривиально, как это еще недавно было у нас в моде, с точки зрения буржуазной купли-продажи» (Евграфов «Подсознательная сфера и художественное творчество», Пенза, 1912, с. 60-62).

В 1877 году Евграфов с серебряной медалью окончил первую Пензенскую мужскую гимназию, получив четверку лишь по математике, но, как отмечали экзаменаторы, блестяще проявив себя в гуманитарных предметах, особенно в древних языках (ГАПО, ф.58, оп.1, д.60), после чего сразу же поступил в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Выбор профессии медика тоже был характерным для его поколения «семидесятников». В семидесятые годы позапрошлого столетия «идейные» юноши и девушки, «начитавшись Чернышевского», шли во врачи для того, чтобы служить своему народу и быть ближе к нему. Были, конечно, и «безыдейные», презираемые «белоподкладочники», но медицинские факультеты последние или не выбирали, или выбирали реже других факультетов – профессия медика была тяжелой и физически и морально, опасной (к примеру, врачи Пензенской губернии умирали от разных заразных заболеваний, подхваченных у пациентов, чуть не ежегодно, а в годы эпидемий особо опасных инфекций – у нас это была регулярно повторяющаяся холера – умирали сразу по несколько человек за период эпидемии); кроме того, она была профессией, как у нас издавна заведено, мало оплачиваемой по сравнению с другими интеллигентными профессиями, и, увы, не очень престижной.

Петербургская Медико-хирургическая академия была тогда, пожалуй, лучшим в России медицинским ВУЗом. Но и она тоже была поражена «ре-

волюционной заразой» – существенная часть ее студентов участвовала в нелегальных организациях, причем самого радикального, террористического, «цареубийственного» толка. Еще один наш земляк, народоволец Николай Клеточников, казненный после 1 марта 1881 года, именно в 1877 году недаром ведь поступил в ту же Медико-хирургическую академию. Не встречаться друг с другом Евграфов и Клеточников просто не могли: «землячества» были свято соблюдаемой традицией, к тому же Евграфов был причастен к кружку соратника Клеточникова – Войнорaльского (другого нелегального политического кружка в Пензе в первой половине и середине 70-х годов просто не было), хотя, конечно, предполагать наличие какой-то близости, личной или политической, между Евграфовым и Клеточниковым трудно.

Евграфов, в свою бытность студентом Медико-хирургической академии учился очень хорошо, закончил ее с отличием, хотя были трудности, связанные со слабым его здоровьем. Из воспоминаний сына: «Усиленные занятия в академии не делают, однако, из него уединенного отшельника и сухого педанта. В нем живы товарищеские чувства, он принимает сам активное участие в студенческих волнениях, за что нередко платится гауптвахтой; неустанно следит за литературой, посещает литературные вечера и между прочим навсегда памятный для него вечер, на котором читал Ф.М.Достоевский; увлекается театром и выдающимися артистическими силами, блиставшими тогда на Петербургской сцене».

Константин Романович во время учёбы в Петербурге оказался в том месте, где зародилась и развивалась так называемая «петербургская школа психиатрии». Первая кафедра психиатрии в России открыта в 1857 году именно в Медико-хирургической академии, ей заведовал выдающийся русский психиатр Иван Михайлович Балинский, которого ко времени обучения там Евграфова уже сменил профессор Иван Павлович Мержеевский, воспитавший целое поколение отечественных психиатров, что называется, первого ранга. Достаточно сказать, что будущий академик Владимир Михайлович Бехтерев закончил ту же Медико-хирургическую академию, и всего-то на четыре года раньше Константина Романовича. Известный в последующем русский психиатр Владимир Иванович Яковенко был однокурсником Евграфова. В психиатрической клинике Академии работал в то время ординатором Иван Алексеевич Сикорский, потом видный русский психиатр, профессор Киевского университета имени Святого Владимира. С Сикорским у Евграфова, уже в бытность последнего психиатром, сложились вполне дружеские отношения – во всяком случае, в архиве музея Пензенской ОПБ имени К.Р.Евграфова имеется письмо Ивана Алексеевича Константину Романовичу личного характера, в частности Сикорский сообщает Евграфову о смерти своей жены.

В студенческие годы Евграфов психиатрией вплотную вроде бы не занимался. Он в студенчестве был особенно близок профессору В.А. Манассеину, специалисту по внутренним болезням, не психиатру и не невропатологу. Биографы отмечают то, что Вячеслав Авксентьевич сам в свое время отметился участием в студенческих волнениях. Он, будучи с 1876 года ординарным профессором кафедры частной патологии и внутренних болезней ВМА, придавал громадное значение этиологическому и терапевтическому влиянию психических факторов (профессор Мержеевский, другой учитель Евграфова, в свою очередь, считал психические расстройства следствием соматических нарушений). Манассеин «с гуманистических позиций, свойственных боткинской школе, выступил в защиту медицины от высказанных Геккелем (последователь Ч.Дарвина, его популяризатор, отчасти вульгаризатор) обвинений в том, что, излечивая неполноценных людей, медицина якобы играет отрицательную роль в естественном отборе» (из персоналии в последнем советском издании Большой медицинской энциклопедии). Но самое главное, чем был известен студенческий кумир и патрон Евграфова, – это общественная деятельность: Манассеин был организатором нескольких фондов помощи студентам, врачам и их семьям (самый знаменитый «Манассеинский рубль»). Он был основателем и редактором общероссийского журнала «Врач», известного своей «боевитостью». Кажется, именно Манассеин был первым русским «врачом-общественником» – это понятие дожило до советских времен. Константина Романовича в последующем, через много лет, уже в начале пятидесятых годов XX века, Т.И.Юдин в своей капитальной монографии «Очерки истории отечественной психиатрии» тоже назвал «известнейшим общественным психиатром».

В архиве музея ОПБ имени К.Р.Евграфова имеется письмо Манассеина к Евграфову 90-х годов XIX века, в котором он благодарит за материальную помощь, оказанную последним как благотворителем.

Профессор Манассеин принял участие в судьбе Евграфова, когда тому понадобился совет старшего товарища. По рассказу С.К.Евграфова: «За время пребывания в академии К.Р. переживает очень длительный тяжелый душевный кризис, может быть даже и нервную болезнь, и вынужден на целый год оставить занятия, так как его непосредственный учитель проф. Манассеин высылает его в Пензу, дабы переменой обстановки и жизни возвратить нормальное течение душевной жизни».

Сергей Константинович утверждает, что «причиной этого кризиса было все то же искание правды религиозной, метафизической и жизнен-

ной». Наверное, это так. Но следует напомнить и то, что 1 марта 1881 года в Петербурге был убит Александр II, что повлекло за собой массовые аресты, череду судебных процессов, административные высылки и прочие правительственные мероприятия. Медико-хирургическая академия, только что переименованная в Военно-медицинскую, была оплотом народовольцев, два первых ее курса попросту были распущены, все их студенты были отчислены.

Убийство самодержца, помазанника Божия, батюшки-царя, Отца, не могло не потрясти глубоко верующего Евграфова, поклонника Достоевского. Тогда многие вдруг как бы опомнились, одна эпоха в одночасье сменилась другой, студенческие сходки перестали восприниматься как подростковая шалость, за которую полагается всего лишь гауптвахта на несколько суток; шутки, ранее тоже опасные и чреватые, кончились окончательно.

Александр III начал политику «контрреформ», репрессивный аппарат был модернизирован, усилен, создана пресловутая «охранка»; гайки закручены. Революционная деятельность надолго заглохла, во всяком случае – в смысле реальных практических шагов, «технической стороны революции». Политическая активность перешла в другое русло – мирного переустройства жизни, что называлось «культурничеством», либо политикой «**малых дел**», и довольно активно осуждалось в исторической литературе советского периода как «капитулянтство перед реакцией». Эпоху Александра III современники характеризовали как «мрачную», «душную», «беспросветную», «Победоносцев над Россией простер совиные крыла» (А.Блок).

Второй раз в жизни Евграфов оказался в 1881 году в опасной близости со «стонами под звуки цепей», «плетьми, тюрьмами и оковами». Поневоле задумаешься о смысле жизни, стоит ли рисковать ею ради таких достаточно отвлеченных материй, как справедливость, правда, добро. Вопрос сложный, подростковый оптимизм его стихов сменяется «бесконечным пессимизмом» (выражение С.К.Евграфова):

Непроглядна, как ночь, и темна, как она,
Наша тянется жизнь. День за днем,
Ночь за ночью, идет. А дорожка одна,
И светла, и ясна, да не сыщешь ее.
Пропадают у нас силы гордые,
Честность, бодрость и смелость ума...
И идем мы без цели, без веры в себя
Дожидаясь, чтоб жизнь разрешилась сама...

В ожиданьи тихонько подходит могила.
И становимся мы перед нею с вопросом:
Для чего и зачем нас судьба породила,
Для чего и зачем нас душой наградила?

Сын цитирует не дошедшую до нас рукопись отца: «Кризис был ужасен: я дошел почти до безумия, ибо как Ницше не мог остановиться, по крайней мере внутренно, а не в поступках, на полдороге»; в поступках, выходит, остановиться он мог, но в мыслях не получалось. «Тетради стихотворений этого периода изобилуют отрывками из неосуществленной драматической поэмы о Фаусте и Мефистофеле, стихотворениями, темой которых являются глубочайшие вопросы человеческой жизни, ее цели и смысла, добра и зла» (из воспоминаний С.К.Евграфова).

В.М.Бехтерев в студенческие годы оказался в психиатрической лечебнице из-за депрессии, великий психиатр В.Х.Кандинский угодил туда же молодым врачом… У Евграфова обошлось без госпитализации: «Как бы то ни было, кризис прошел, страдания были преодолены, и К.Р. продолжил свои занятия в Академии» (из воспоминаний С.К. Евграфова).

В 1882 году Константин Евграфов окончил ВМА и получил Свидетельство о ее окончании (диплом выдавался позже, «по изготовлении»).

Вставал вопрос о будущем месте работы. С.К.Евграфов свидетельствует, что отец получил предложение профессора Манассеина остаться при Академии, но отказался от него. Причиной этого называется «веление долга идти в глушь, в провинцию, нести туда свет знания, нести помощь «малым сим», «униженным и оскорбленным» страдальцам духом и телом».

Евграфов возвращается в Пензу, где свободных вакансий не оказывается, он работает сверхштатным ординатором в губернской земской больнице, то есть денег за свой труд не получает, живет за счет родителей, что для человека, мужчины, вступившего в пору возмужалости, и не очень правильно и очень неудобно. Евграфов пытается приискать места.

17 сентября 1883 года Константин Евграфов написал прошение об определении его в военно-медицинскую службу на должность младшего врача в 160 пехотном Абхазском полку, дислоцированном в Пензе. 6 октября 1883 года от Военно-Медицинского инспектора был получен отказ на прошение Евграфова: «Уведомляю, что прием вольнопрактикующих врачей на военно-медицинскую службу временно приостановлен, т.е. примерно до марта месяца 1884 года согласно предписанию Главного Военно-Медицинского Управления за № 10672 от 27 августа 1883 года». Обращался ли Евграфов по данному вопросу повторно, когда истек ука-

занный выше срок («примерно до марта месяца 1884 года»), мы не знаем. Скорее всего, нет, иначе в ГАПО сохранились бы какие-то следы, хотя это тоже не факт.

4 октября 1884 года К.Р.Евграфов становится штатным ординатором психиатрического отделения Пензенской губернской земской больницы (бывший Дом умалишенных Богоугодных заведений Приказа общественного призрения). Выбора особого у него не было – штат губернской больницы был ограничен. Из «Списка лиц, служивших в ведомстве Министерства внутренних дел в Пензенской губернии» за 1884 год известно, что старшим врачом Губернской земской больницы являлся тогда В.Д.Владимиров, а ординаторов в губернской больнице было всего четверо: М.В.Сбоев, И.Н.Новиков, В.А.Шторх и А.В.Репрев (В.Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 88). Сбоев в октябре 1884 года выбыл, на его место пришел Евграфов. Сбоев был ординатором психиатрического отделения, ну и Евграфову ничего другого не оставалось.

Владимир Дмитриевич Владимиров (1837-1903) – старший врач губернской земской больницы с 1874 по 1897 год. На смерть Владимирова Евграфов отозвался некрологом в № 1 за 1904 год журнала «Русский врач»: «В.Д. был личностью далеко незаурядной; но эта талантливость и оригинальность ума принесли покойному, как сплошь и рядом у нас, русских, много горя от ума. Выбитый из академической среды, лишенный возможности удовлетворить страстному стремлению учить и делиться своими знаниями, В.Д. долго – почти всю жизнь – страдал от несправедливости судьбы, забросившей его в такую провинциальную глушь, которой была в то время Пенза! … В.Д. собирал вокруг себя молодых врачей и студентов и не скупился своим временем, если видел хоть малейшее желание работать… Как многие даровитые русские люди, В.Д. был крайне строг к научной работе; русская застенчивость не позволяла ему выступать с мелкими работами в печати, и только товарищи, близко наблюдавшие его деятельность, могут засвидетельствовать, какого крупного и оригинального хирурга врача лишился Казанский университет, не сумевший удержать его в своих стенах» (В.Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 64).

В психиатрию шли, в общем-то, не особенно охотно – в те времена служба психиатра была и намного тяжелее любой другой врачебной службы, и оплачивалась она плохо, да и психиатрическая врачебная работа сама по себе людей попросту пугала. П.Б.Ганнушкин в 1918 году говорил: «Психиатрия ещё во многих вопросах – и практических и теоретических – далеко ещё не заняла определённого места, определённой позиции. Необычные для остальной медицины аксессуары, которые ещё

необходимы в нашей специальности, – запертые двери, элементы насилия, постоянная опека над больными и т.д., ещё отпугивают людей, даже высоко интеллигентных, но не желающих вдуматься в существо дела, от психиатрии. Психиатров часто боятся, за ними оказывается какая-то власть, сущность и границы которой понимаются совершенно неправильно. И если это наблюдается ещё и теперь, то 30, 40 лет назад всё это было ещё ярче, ещё более бросалось в глаза. Только в будущем можно рассчитывать, что психиатрия – благодаря усилиям психиатров – во-первых, и благодаря общему прогрессу, благодаря более высокой культуре, во-вторых, потеряет ореол чего-то таинственного, чего-то страшного, с одной стороны, чего-то курьёзного и нелепого – с другой, а сделается одной из отраслей медицины...». Кроме того, психические расстройства однозначно воспринимались как неизлечимые, а работа психиатра как неблагодарная, бесплодная, не дающая врачу ощущения пользы от нее, в отличие от других областей медицины, находившихся тогда на явном подъеме – в первую очередь хирургии, которая в буквальном смысле творила чудеса. Профессор Генрих Шюле, немецкий психиатр, автор руководства по психиатрии, переведенного на русский язык (это издание 1880 года было в библиотеке Евграфова), писал именно в связи с этими настроениями: «Не излечение излечимых, а воспитывающий душу уход за неизлечимыми – вот что составляет лучшее украшение души. В этом главное начало той деятельности, которая делает дома для умалишенных рассадником благороднейшей любви к человечеству» (цитата по книге Т.И.Юдина «Очерки истории отечественной психиатрии», М., 1951, с. 96).

Именно в восьмидесятые годы XIX-го века в России в психиатрию пришло целое поколение прекраснейших врачей новой формации. Их тогда уже назвали деятелями общественной психиатрии. Они были именно деятелями в самом лучшем смысле этого слова. В основном их деятельность протекала в рамках тогдашнего местного (губернского и городского) самоуправления, именуемого земствами. Они были земскими психиатрами, земскими врачами; и даже те, кто работал на государственной службе, в университетах и академиях, в так называемых окружных лечебницах или в других ведомствах, тоже были земскими врачами, потому как это имя стало нарицательным и приобрело особый смысл, до сих пор не забытый, имевший самую положительную окраску – смысл беззаветного служения своему народу. Их, если говорить именно о психиатрах, было по всей стране всего-то не более сотни (то есть меньше, чем сейчас в одной только нашей Пензенской области), но они были воистину родоначальниками, патриархами, отцами-основателями русской психиатрии в большинстве её губерний.

К этому поколению принадлежали москвичи Сергей Сергеевич Корсаков, Владимир Петрович Сербский, петербуржец Владимир Михайлович Бехтерев, Петр Петрович Кащенко – эти фамилии известны у нас в стране, пожалуй, каждому, но были десятки, даже сотни других – тот же уже упоминавшийся однокашник Евграфова, В.И.Яковенко, В.Ф.Чиж, тоже вышедший из школы Мержеевского, москвич Н.Н.Баженов, да мало ли их. Но и за пределами России именно в это десятилетие, даже пятилетие, родились: швейцарец Эжен Блейлер, автор самого термина «шизофрения» и ее концепции, австриец Юлиус Вагнер-Яурегг, первый, кто нашел эффективный метод лечения прогрессивного паралича – маляриотерапию, и доказал, что, по крайней мере, это психическое расстройство, бывшее в то время и наиболее распространенным и наиболее инвалидизирующим, можно излечить полностью и бесповоротно, француз Пьер Жанэ, выдающийся психотерапевт, стоявший вместе с Шарко у самых истоков психотерапии, а самое главное – два великих немца, один австрийский, другой германский, Зигмунд Фрейд и Эмиль Крепелин.

Выбор Евграфова не был таким случайным, каким он может показаться (освободилась-де вакансия, на нее и поступил). Он всю жизнь интересовался проблемами, так сказать, метафизическими. Занятие психиатрией давало возможность вникнуть в проблемы человеческого духа. Занятия психиатрией имеют ведь и какое-то отношение к психологии – отрицать это невозможно, хотя у самих психиатров слово «психология» вызывает, как минимум, скептическую усмешку, а слово «психологизация» – просто бранное. В нашей губернии Евграфов, пожалуй, был первым человеком, обладавшим крепкими настоящими профессиональными познаниями в психологии, он был психологом не только в расхожем бытовом смысле этого слова. Пензячка по рождению Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889-1963), впоследствии психолог с мировым именем, основатель целого направления научной психологии – зоопсихологии, по окончании 1-й женской пензенской гимназии ведь хотела поступать именно в медицинский институт, чтобы заниматься именно психиатрией, у нее в сознании прочно ассоциированной с психологией, и именно благодаря лекциям Евграфова, которые она слушала в разных собраниях, у нее этот интерес пробудился. Из стихотворения Константина Романовича, судя по тексту, относящегося к концу его жизни:

Мне говорят: «Над книгами согбенный
Зачем проводишь жизнь свою?
Недолго уж, недугом изнуренный,
Останешься ты в жизненном строю.

Не все ль равно, сойдешь ли ты в могилу,
Познаньем больше умудренный?
Пройти весь круг познанья не под силу,
Не все ль равно, велик ли путь пройденный?

Познанья океан, срок жизни же так мал…
А в мире бесконечном,
Где нет концов и нет начал,
Творится новое в движеньи вечном.

Тебе ль, тебе ль, червяк презренный,
Обнять творенье до конца,
Мир безграничный и нетленный,
Служащий ризою творца?»

Увы! Не мне! Я в том с печалью сознаюсь…
Но все ж и на краю могилы
Я к вечной мудрости стремлюсь,
Доколе не иссякнут жизни силы…

Евграфову «поиски вечной истины» были не просто интересны, он этим жил. В поисках Правды с большой буквы, на самом деле, проходило все его существование – с подросткового возраста и до самой смерти. И в этом нет ни капли сомнений, это не просто пафосные слова из некролога, это правда («правда» с маленькой буквы).

Ну, а психиатрическая практика – это тоже своего рода практическая философия, даром что ли один из первых немецких психиатров – Гейнрот – именно так и называл свою специальность: «врач-философ». Но и было еще одно: в 80-е года позапрошлого века пришла, как мы уже говорили, пора подъема психиатрии по всему миру, и в России тоже, так как мир цивилизовался, да и Россия становилась, хоть и со скрипом, цивилизованной страной. А степень цивилизованности любого народа определятся, среди прочего, и гуманностью его отношения к психически больным, самой беззащитной части любого социума, иногда беззащитнее детей и стариков. Но человеколюбие – штука дорогая, требующая немалых материальных затрат от всего общества.

В конце 70-х годов (а кое-где и в середине 90-х) состояние медицинской и социальной помощи психически больным в России, даже в губерниях, где земства были организованы почти полтора, а то и три десятка лет назад, было воистину ужасным. Вспомним один лишь факт, попав-

ший в тогдашние русские газеты: в одном из провинциальных русских «заведений для сумасшедших» двух «безумно буйствующих» поместили в «изолятор» и забыли там. Забыли надолго, а когда вспомнили, то обнаружили, что один из запертых умер, а другой вынужден был обгладывать, вместе с крысами, его труп, чтобы самому не умереть с голоду…

Порядки в Пензенском «сумасшедшем доме» за 20-ть лет до Евграфова отражает следующий текст: «Инспектор врачебной управы доктор медицины статский советник Холмский в рапорте от 12 августа 1865 года на имя губернатора говорил о «настоятельной необходимости переустройства дома умалишенных». Инспектор отмечал, что «особого распределения больных по роду и виду умственного их расстройства не установлено, равным образом для больных не отведено вовсе особой палаты, в которой они могли находиться днем и проводить время в каких-либо занятиях... Малочисленность прислуги, – продолжал инспектор, – скудное жалование *исключает всякую возможность правильного надзора за умалишенными в смысле кроткого, человеколюбивого обхождения с ними*». В рапорте отмечалось и «пренебрежение правилами воспитания умалишенных», но прямых сведений о физическом насилии над ними в рапорте Холмского нет (В.Г.Мучкин, «К истории психиатрии в Пензенской губернии в доземский период XIX века», с. 682).

История развития помощи психически больным в нашей губернии началась, конечно, задолго до Евграфова, однако именно Евграфова по праву считают отцом-основателем нашей больницы и всей психиатрической службы в Пензенской губернии. Почему? Описание дома умалишенных Пензенской приказной больницы «По сторонам темного коридора устроено по нескольку малых камер, светлых, сухих, довольно опрятных» – это из официального документа Приказа общественного призрения (ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 47, л. 40). В работе профессора Пастарнацкого (Посторнацкого) «К вопросу о домах умалишенных в России» (1887 г.) имеется следующее описание приказного сумасшедшего дома: «В Пензе: имеется только 8 так называемых «тёмных» комнат для буйных... В этих комнатках нет никакой вентиляции; днём проникает сюда самое незначительное количество света через окошечко, находящееся в потолке комнаты; ночью же комнаты вовсе не освещаются... Больные мочатся и испражняются на пол» (цитата по книге П.И.Якобия, «Основы административной психиатрии», 1900 г., с. 3). Пензенский автор В.П.Алексеев подтверждает: «Малый объём помещения... К этому недостатку присоединялся ещё и другой, не менее важный в гигиеническом отношении, а именно: плохое освещение дома, которое могло быть устранено только при перестройке здания» («Несколько слов о доме умалишенных в Пензенской губернской

больнице», газета «Пензенские губернские ведомости» № 228 за 1895 г., фотокопия в архиве музея Пензенской ОПБ имени К.Р.Евграфова).

Как и по всей России, количество призреваемых в Пензенском доме умалишенных постоянно увеличивалось: к примеру, в 1852 году на 30-ти койках размещалось 44 человека (переполнение почти в полтора раза). И хотя с построением в 1856 году частной, так называемой «Киселёвской», богадельни, под размещение психически больных был занят первый этаж здания на Садовой, места всё равно не хватало – даже на тех, кто там находился. Тем более не хватало коек на всех нуждающихся в помещении в психиатрическое учреждение. Мало что изменила формальная передача в 1865 году медицинских учреждений Приказа общественного призрения вновь образованному в 1864 году губернскому земству.

Николай Романович Евграфов писал в 1894 году: «...Главная задача земства за все 25 лет заведывания больницей <губернской земской, куда входило и «психическое» отделение, или «дом умалишенных»> была направлена на возможно лучшую постановку дела подачи медицинского пособия нуждающимся в нем, в доставлении им удобства в помещении и в улучшении их содержания, настолько насколько позволяют это средства земства... ***Долго господствовало в обществе воззрение на больных умопомешательством, как на лиц, для которых представляется безразличною окружающая их обстановка. А потому неудивительно, что первое время своей деятельности земство как бы игнорировало отделение умалишенных и проявляло свою заботу о нем лишь ассигнованием потребной на его содержание суммы*** <курсив наш, ред.>. К концу семидесятых годов количество «призреваемых» в отделении умалишенных губернской земской больницы достигло на тех же площадях 111-ти человек среднесуточно («Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства», с. 219-220). Причем это были больные, расцениваемые как неизлечимые, то есть самые одичавшие. И располагались они в крайне неудобном корпусе, коридор которого с обеих сторон был замкнут нужниками. Можно представить, что это было за помещение! П.И.Якобий написал по поводу подобного архитектурного решения в психиатрическом заведении, приписываемого, кстати говоря, им И.М.Балинскому: «Я видел старый Кёнигсфельден, но ничего подобного Нижегородской больнице не видал. Один из ординаторов охарактеризовал ее адом: нет, это не ад, это отхожее место в аду, или ад в отхожем месте, трагический и вонючий» (П.И.Якобий, «Основы административной психиатрии», Орел, 1900, с. 7). А дух времени требовал активных действий: «...Время нарождения земства было эпохой, может быть несколько туманных, недостаточно определенных, но чрезвычайно интенсивных стремлений гумани-

тарного характера... В земства шли, несомненно, лучшие люди страны; первой заботой всех земств являются не материальные интересы, как это им предписывает закон, а чисто гуманитарные, а именно школы и больницы. В преобладающем большинстве случаев земство самостоятельно, под влиянием разоблачений того, что совершается в его «психическом отделении», приходит к решению произвести психиатрическую реформу, и приглашает психиатра, который таким образом является техническим советником и исполнителем желаний и намерений земства, а вовсе не нравственным руководителем, и еще менее инициатором» (П.И.Якобий, «Основы…», с. 45-46).

«Получив медицинские учреждения Приказа, земства оказались поставленными в очень тяжелое положение... Организацию медицинской помощи населению земству надо было начинать заново и создавать почти из ничего... Тем не менее воодушевленные демократическими идеями врачи-разночинцы создали за короткое время в земских губерниях самобытную, превосходящую все создававшиеся веками формы организации Западной Европы, медико-санитарную организацию с максимально возможной в те времена общедоступностью медицинской помощи» (Т.И.Юдин «Очерки истории отечественной психиатрии», с. 89-90). Можно поспорить насчет превосходства земской организации психиатрической помощи в России «над всеми создававшимися веками формами организации Западной Европы», этому спору, в его крайней полемической заостренности, собственно говоря, и посвящена книга П.И.Якобия «Основы административной психиатрии». Вряд ли, судя по его многочисленной письменной продукции (отчеты по лечебнице, докладные записки, проекты и т.п.), с утверждением проф. Юдина согласился бы и К.Р.Евграфов. Более чем сомнительна также принадлежность всех «воодушевляемых демократическими идеями» земских врачей именно и непременно к «разночинцам». И уж точно не был разночинцем автор следующего документа, во многом определившего дальнейшее развитие психиатрического дела в России. Это циркуляр Министра внутренних дел губернаторам от 11 ноября 1879 года № 8608, опубликованный в «Правительственном вестнике» 24 ноября 1879 года, № 263: «...Вступив в управление вверенным мне министерством, я обратил между другими делами особенное внимание на положение губернских домов умалишенных, с давних пор уже озабочивающее М.В.Д. Заведения эти …большей частью и остаются в прежнем неудовлетворительном состоянии, причем в сем случае немаловажное значение имело *господствовавшее много лет воззрение на больных умопомешательством как на лиц, кои являются бременем для общества и для коих представляется безразличною окружа-*

ющая их обстановка. Между тем не подлежит сомнению, с одной стороны, что большинство этих несчастных не всегда находится в состоянии безразличного отношения к своей обстановке, а с другой, что хорошие гигиенические условия и соответствующая требованиям психиатрии обстановка составляет одно из главнейших условий для их выздоровления. За сим уже по одному чувству человеколюбия, а еще более во внимание к тому, что при надлежащем попечении о душевнобольных значительная доля их может вновь сделаться полезными членами общества, дальнейшее оставление дела призрения умалишенных в его нынешнем положении не соответствовало бы ни мероприятиям Правительства о народном здравии, ни благотворным заботам в этом со стороны земских учреждений. Обсуждая меры к улучшению этой отрасли государственного благоустройства, я пришел к тому заключению, что первый шаг в этом направлении должен состоять в улучшении для помешанных помещений, устроенных преимущественно в давнее время, при господстве иных взглядов на этого рода больных, и представляющих, скорее, места заключения, чем заведения для призрения. Вместе с сим, я не мог не принять в особое уважение того, что в деле призрения умалишенных устройство для них помещений сообразно с требованиями психиатрии требуют значительных единовременных затрат, трудно исполнимых в отдельном земстве при настоящем положении вещей. Посему и дабы поставить это дело в иные, более благоприятные условия, которые изменили бы направление оного в самом основании, я остановился на мысли о необходимости оказать земствам деятельную со стороны Правительства помощь, о чем и входил с представлением в Комитет Министров, полагая сделать такое воспособление земским учреждениям на счет особого на сей предмет источника. По положению Комитета Министров, предложение мое о том, 24-го минувшего октября, удостоено Высочайшего Его Императорского Величества одобрения и постановленные Комитетом правила касательно назначения земствам пособий в размере 50 % действительно употребленных ими сумм на улучшение домов для умалишенных, распубликованы в указе Правительствующего Сената от 3-го сего сентября. Поставляя о том в известность Ваше Превосходительство, позволяю себе выразить уверенность, что при столь значительном воспособлении со стороны Правительства и при известном сочувствии земства к порученным им делам по благотворительной части, дело призрения умалишенных, составляющее один из насущных вопросов земской деятельности, получит в близком будущем желаемое разрешение» (цитата по книге П.И.Якобия, «Основы административной психиатрии», с. 26-28). Указ 1879 года дал выход из тупика, подтолкнул развитие практической пси-

хиатрии в рамках земской медицины. Революционное брожение шестидесятых годов разрешилось не только состоявшимся в начале восьмидесятых цареубийством, но и настоящей революцией, именуемой реформой психиатрической помощи в России, причем «революцией сверху».

В декабре того же года Пензенское земство направило в Министерство внутренних дел собственный проект расширения психиатрического отделения губернской земской больницы, разработанный академиком Мильгреном. Тогда же была по-настоящему осознана необходимость приглашения в Пензенскую больницу врача, специалиста по душевным болезням, вакансия была выделена, начали подыскивать человека ее замещение. Таковым оказался статский советник Михаил Васильевич Сбоев, работавший в психиатрическом отделении губернской земской больницы с 1882 по 1884 год. Доктор Сбоев начал с признания необходимости: 1) озаботиться улучшением состава ухаживающего персонала и его материального положения; 2) приобрести для занятий больных инструменты для разных ручных работ, игры, шахматы и т.п., а также газеты, журналы и книги; 3) заменить больничные халаты обыкновенным платьем, так как вид людей, одетых в халаты, производит крайне дурное впечатление на вновь поступающих больных; 4) отвести квартиру врачу в самом отделении, чтобы он мог всегда наблюдать за больными» (И.А.Арямов, «Краткий исторический очерк деятельности Пензенской психиатрической лечебницы. К сорокалетию существования», Пенза, 1922., с. 8). Н.Р.Евграфов прибавляет к вышеперечисленным четырем тезисам, выдвинутым Сбоевым, еще и пятый, принадлежащий ему же: «Освободить медицинский персонал отделения от занятий по больнице (до этих пор фельдшера дома умалишенных должны были дежурить в больнице, присутствовать при операциях, так что в своем отделении занимались только в свободное от других занятий время, отчего, конечно, еще более увеличивался произвол прислуги над больными)» («Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства», с. 229). Земское собрание отреагировало – ассигновало 100 рублей для приобретения газет, журналов, инструментов и игр; поручило управе постепенно заменить «сумасшедшие халаты» обычным платьем. А вот «что же касается до квартиры врачу, то собрание, признавая со своей стороны крайне необходимым, чтобы помещение врача было при отделении, постановило иметь в виду устройство такового при постройке новых зданий» (там же, с. 229). В 1884 году доктор Сбоев, так и не дождавшись квартиры при больнице, уехал в Харьков.

Константин Романович Евграфов, сменивший Михаила Васильевича Сбоева в должности штатного ординатора психиатрического отделения,

как уже указывалось выше, 4 октября 1884 года, свою реформаторскую деятельность начал с ходатайства перед губернским земским собранием: «...Улучшить персонал служителей в отделении, для чего увеличить жалование служителям до 8 руб., а служанкам до 7 руб., при готовой пище и одежде от заведения; причем ввести для них однообразную обмундировку, как это принято во всех благоустроенных домах для умалишенных. Для усиления же надзора за служителями и больными должно определять в надзиратели более способных людей, с назначением им жалования не менее 20 руб. в месяц (до этого 12 р.)... Изменить одежду больных, заменив халаты обыкновенным носильным платьем... Увеличить количество мебели, чтобы больные не садились и не валялись на полу... Увеличить сумму, отпускаемую на приобретение книг, игр, инструментов и материала для рукодельных занятий до 180 рублей... Приобрести хотя бы самые необходимые инструменты для исследования больных». Кроме того, Евграфов просил о назначении второго ординатора, указывая, что в отделении находится более 170-ти больных. С приглашением на будущий год второго ординатора «по непосильности для одного лица лечения всех призреваемых и даже наблюдения за ними» не согласилось: «При отсутствии многих удобств помещения правильное лечение для большинства этих больных, впавших уже в животный идиотизм, ...при настоящих условиях... приглашение другого ординатора не является неотложным до устройства новых помещений для дома умалишенных» («Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства», с. 230-232).

К.Р.Евграфов, по описанию И.А.Арямова, потребовал от земства, чтобы питание больных в отделении было таким же, как во всех остальных отделениях губернской больницы, т.к. «выяснилось, что питание душевнобольных поставлено крайне неудовлетворительно: они получают пищу в два раза меньше, чем соматические больные, между тем возбуждённые душевнобольные совершают большое количество движений, тратят громадное количество энергии и поэтому нуждаются в усиленном питании, иначе им грозит смерть от истощения и упадка сил; кроме того, большое число больных поступает в отделение в таком истощённом состоянии, что первая забота врача заключается в усиленном кормлении их» (И.А.Арямов, «Краткий исторический очерк деятельности Пензенской психиатрической лечебницы», с. 8). Н.Р.Евграфов уточняет, что данный вопрос и звучал несколько по-иному, и возник гораздо раньше – еще до поступления на службу К.Р.Евграфова и даже М.В.Сбоева. Он был поставлен после осмотра медицинских заведений губернского земства в 1881 году инспектором врачебной управы перед губернатором: «...Больным <в общесоматических отделениях земской больницы> отпускается

по 1-му фунту мяса на человека; но для таких же больных дома умалишенных почему-то считается возможным выдавать только по ½ фунта мяса. Соображения, по которым это допущено, мне неизвестны, но, по моему мнению, они во всяком случае лишены научного значения и идут в разрез с практикою в других заведениях для лечения и призрения психически больных». Начальник губернии о таковом сообщении инспектора врачебной управы уведомил губернскую земскую управу, которая внесла его на обсуждение собрания; при этом управа высказала, что она не может согласиться с мнением врачебного инспектора о недостаточности мясной порции для психически больных на следующих основаниях: порция эта была установлена губернским земским собранием по совету бывшего старшего врача, доктора Розенталя, а врач, заведующий домом умалишенных, кроме ординарной порции, может назначать еще и прибавочные: молоко, мясо, белый хлеб и чай». («Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства», с. 236-237). Далее, в 1886 году, возник скандал, так как управою (земской) было замечено, что в психиатрическом отделении за счет появления значительного числа дополнительных порций пищи стоимость суточного содержания одного больного увеличилась с 11 копеек в 1881 году до 13,78 копейки в году текущем. Вот тогда-то Константину Романовичу и пришлось «с научной точки зрения» доказывать тот самоочевидный факт, что людей нельзя морить голодом, даже если они обнаруживают психическое расстройство. К.Р.Евграфову удалось добиться введения «трактирно-порционной системы», что привело к тому, что на одного душевнобольного начали тратить 12 копеек в сутки. Стоимость содержания соматического больного в земской больнице осталась прежней – 15 копеек (Там же, с. 237-238). Евграфов 10 декабря 1889 года представил в управу докладную записку, в которой сообщал, что «психиатрическое отделение губернской земской больницы по количеству больных, достигшему в настоящее время до 200-т с лишним человек, превышает все другие отделения, вместе взятые». Несмотря на это, – говорил Евграфов, – «весь порядок дома умалишенных соображается с общими больничными порядками, и управление продолжает оставаться в руках старшего врача больницы, хирурга по специальности». По утверждению Евграфова, «такой порядок управления заведениями для управления заведениями для душевнобольных признан как отечественными, так и западноевропейскими представителями психиатрической науки не только непригодным, но и вредными для преуспевания психиатрических отделений». В декабре 1895 года Земское собрание обсудило итоги VI съезда земских врачей, заслушало вопрос губернской управы об устройстве в больнице паровой прачечной и электриче-

ского освещения. В присутствии инспектора А.А.Никитина и старшего врача В.Д.Владимирова была зачитана записка К.Р.Евграфова, где он в очередной раз обращался с просьбой «отделить психиатрическое отделение от общей больницы, хотя бы в административно-врачебном отношении и в некоторых частях хозяйственного управления». «Такое разделение, - говорил Константин Романович, - принято уже во многих губернских земствах, приведенных к тому практикой и опытом». Самостоятельного управления Евграфов добился, но хозяйство осталось общее, в распоряжении старшего врача больницы (Годин и соавт. «Путь в полтора столетия». с. 86, 107).

В 1908 году Евграфов вновь возвращается к обсуждению того же вопроса: «...Если бы психиатрическая больница была совершенно отделена от соматической, то... и продовольствие на одного больного было бы несколько дешевле. В настоящее время самый дорогой элемент продовольствия – мясо – делится между той и другой больницей не поровну, как требовала бы справедливость, а сначала для соматической больницы из лучших частей туши сваренного мяса вырезаются порции правильной формы (так называемая «разваренка»), без жира и сухожилий, и тогда уже остальное мясо отпускается в отделения психиатрической больницы. Между тем известно, что питательность мяса, например, из филейной части не одинакова с таковой же брюшных мышц или реберных. Следовательно, при получении порции мяса в сыром виде, или при 24-х золотниках в вареном, душевнобольной получает меньше питательных веществ, чем больной соматической больницы. Эту недостающую часть мы должны возмещать, выписывая в большем размере другие порции, то есть удорожать стоимость пищевого довольствия на одного больного» (Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1908 год, с. 95).

Но ведь надо было следить еще и за тем, чтобы младший персонал не объедал больных: «Необходимо улучшить пищу прислуги, чтобы уменьшить соблазн пользоваться частью пищи больных... Необходимо, чтобы основная порция были совершенно одинаковы как для больных, так и для прислуги. Нельзя, например, заставлять прислугу соблюдать посты... противу ее желания, так как большинство больных этих постов не соблюдает, а опыт показывает, что попытки обязательного введения постного режима в Рождественский, Успенский и Петровский посты вызывает всегда ропот и недовольство прислуги» (Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1908 год, с. 64-65).

Из воспоминаний С.К.Евграфова: «Какую борьбу за улучшение быта и здоровья своих больных приходилось выдерживать К.Р. на одних

земских собраниях! Чтобы получить хотя бы ничтожное увеличение кредитов на улучшение больницы, ему приходилось годами ратовать перед земским собранием, годами добиваться каждого нового, маленького постановления земства. И с каким трудом давалось ему это, свидетельствует его рассказ о том, как в ответ на его настоятельные убеждения, доклады и отчёты гласные земства говорили: «Вашим больным нужно раз или два в год печь пироги со стрихнином, вот тогда и не нужны будут новые кредиты». «Правда, – продолжает мемуарист, – это было в мрачную дореволюционную эпоху девяностых годов прошлого столетия. Но и после ответы земского собрания на его доклады были если не столь же откровенно циничны, то столь же малоутешительны для больных и служащих. Однако у К.Р. руки не опускались никогда, и медленно, терпеливо и постепенно он по капельке добивался улучшения как самой больницы, так и положения служителей, фельдшеров, надзирателей».

Из речи Я.М.Фридлянда, произнесенной им на заседании Пензенского медицинского общества в память Евграфова в октябре 1917 года: «…Свое влияние в земских кругах он никогда не использовал для своих личных целей, для «улучшения своего материального и экономического положения», и очень туго шел на ходатайства в этом направлении для товарищей врачей, но зато всю силу своего влияния пускал он в ход, целые дни просиживал он за длиннейшими докладами, по целым дням во время земских собраний бегал за гласными и часами убеждал то того, то другого «влиятельного» человека, чтобы провести проекты расширения дела психиатрической помощи населению, чтобы добиться улучшения положения низшего и служительского персонала лечебницы. Теперь немногие представляют себе, какие трудности приходилось преодолевать при проведении через земские собрания прежних времен, лет двадцать пять – тридцать назад нововведений в психиатрическом деле...» (газета «Пензенская речь» № 55 от 27 ноября 1917 года).

Евграфов и в самом деле не давал покоя гласным земства. Методично, если не день за днем, так уж точно неделя за неделей, он выступал перед ними: 12 декабря 1890 года губернское собрание, не без участия Евграфова, посчитало, что «…необходимо дать гг. врачам-психиатрам возможность пользоваться при лечении самым действительным способом врачевания, выработанным наукою, а именно: применением физического труда…». С этой целью управа «полагала бы полезным для начала организовать мастерские: 1) мужскую и женскую швейные; 2) сапожную; 3) столярную», а 19 декабря 1890 года на земском собрании обсуждался вопрос о постройке четырех зданий для помещения душевнобольных (Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 86). При подобной настой-

чивости поневоле скажешь про «пироги со стрихнином», но так шутить с Евграфовым было невозможно. Евграфов эту шутку как шутку не воспринимал, помнил ее всю жизнь и вряд ли простил «шутника».

Совершенно никуда не годный служительский (санитарский) персонал, набираемый из низов общества, прямо с улицы, грубый, невежественный, пьющий, и поэтому абсолютно непредсказуемый, малоуправляемый и продажный, был проклятьем больницы – и все это из-за скупости земства, положившего нищенскую плату санитарам и санитаркам при по-настоящему каторжных условиях труда и отсутствии каких-либо социальных гарантий на случай увечья, более чем возможного в условиях крайней скученности в беспокойных, буйных отделениях. В 1910 году первоначальный оклад жалования мужской прислуги составлял 9 рублей в месяц, женской 7 рублей 25 копеек. При этом младшие служители должны были постоянно жить при больнице, где для этого не было сколь-нибудь сносных условий, а дежурства у них продолжались от 12 до 17 часов с перерывом для сна, и так в течение недели, после чего они имели один свободный день (24 часа). Отпусков не полагалось. «В помещениях для прислуги нет даже возможности предоставить каждому лицу отдельную койку; они настолько малы, неудобны, не изолированы от шума и беспокойства со стороны отделений, что нет возможности спокойно уснуть» (К.Р.Евграфов, «Делегатский доклад 10-му съезду врачей и представителей уездных земств Пензенской губернии», Пенза, 1910, с. 177-180, отдельный оттиск в архиве музея ОПБ им. Евграфова). Неудивительно, что за год младший персонал менялся иногда на 200 процентов, но никогда не меньше 150-ти, 175-ти процентов.

Экономия денежных средств на жалование персоналу, как младшему, так и среднему, и даже врачебному, была явно чрезмерной. Надзиратели (фельдшера) в 1900 году получали 33 рубля, врачи-ординаторы около 120 рублей, заведующий лечебницей – 200 рублей в месяц (при готовой квартире с отоплением). Большие проблемы были с ординаторами: ежегодно менялось от одного до трех врачей; только к 1907 году их, если считать от 1895-го, когда была введена должность третьего ординатора, в больнице побыло в должности ординатора психиатрического отделения 16-ть человек. Люди на этой работе не удерживались, что объяснялось очень просто: «В Пензе получаемое врачами-психиатрами жалование... значительно ниже окладов в других земских и городских психиатрических лечебницах, почему ординаторы Пензенской лечебницы при первой возможности и оставляют службу в Пензе, переходя в другие земства» (Отчет за 1900 год, с. 36-37).

Евграфову пришлось долго доказывать земству, что не следует эко-

номить ни на врачах, ни на среднем, ни на младшем медперсонале. Указания Евграфова на то, что «сравнение служителей психиатрической лечебницы с сельскохозяйственными рабочими неправильны», что «психиатрическую прислугу можно сравнить только с таковой соматической больницы, но даже к последней предъявляются меньшие требования», что «даже хмуро-недовольное выражение лица служителя недопустимо в психиатрическом отделении», земством игнорировались; речь велась о наградах, поощрениях, создании общежитий, предоставления жилья семейным, страховании, назначении пенсий по выслуге лет, к примеру: «… Оклад 23-27 рублей надзирателя и 18-22 рубля надзирательницы много желающих не привлекает из контингентов фельдшеров и акушерок, тем более, что служба трудна и ответственна, жить приходится без семьи, без первых обычных житейских удобств. Особенно печально то, что у нас большинство квартир для надзирательского персонала совершенно не имеют необходимейших удобств, крайне малы, не изолированы достаточно от отделений и от помещений других лиц, а большинство квартир не отвечает даже скромным гигиеническим требованиям. Отсутствие периодических прибавок за выслугу лет и отсутствие пенсии и эмеритуры делают будущность лиц надзирательского (да и врачебного и служительского!) персонала вполне безотрадной, и мысль об этой будущности, о грозящей впереди потере работоспособности, конечно, вовсе не располагает к бодрости духа и спокойному труду» (Отчет за 1899 год, с. 33-34); и так практически в каждом годовом отчете. Земство не последовало и просьбе Евграфова ходатайствовать перед воинским начальством о «ясной, как Божий день, необходимости освобождать от призыва на военную службу тех, которые прослужили в психиатрической лечебнице в течение года» (Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1915 год).

Но на строительство деньги нашлись. Евграфов пришел в лечебницу в октябре 1884 года, а уже в 1885 году началось строительство четырёх новых корпусов психиатрического отделения: двух одноэтажных и двух двухэтажных. Строительство одноэтажных корпусов было закончено в 1888 году, а двухэтажных – в 1890 году. Правда, «...все эти четыре павильона, построенные по министерскому плану, представляют крайне нецелесообразное устройство, холодны, неудобны в смысле надзора и требуют... значительного большого числа прислуги... вентиляция более чем недостаточна».

В 1891 голодном году (они регулярно приключались в нашей губернии, как и по всему Поволжью, правда, не такие страшные как в традиционных «голодных губерниях» типа Саратовской и Самарской, да и

до трупоедения до 1921 года дело вроде бы не доходило) при психиатрической лечебнице силами больных были организованы прежде всего огородные работы, и как лечебное средство, и как сильная материальная поддержка лечебнице. В этой работе Евграфову помогал фельдшер Яков Дмитриевич Сергиевский, который «сумел целесообразно использовать силы душевнобольных и поднять культуру огорода на должную высоту»; «В последние годы жизни К.Р. огород вполне обеспечивал лечебницу овощами и даже была возможность продавать на сторону» (В.Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 98).

Для размещения психически больных приспосабливаются предназначенные для других целей здания – в 1902 году каменное здание, строившееся под прачечную, «оказавшегося для этой цели непригодным»; «далее следуют приспособленные в 1906 году два зимних холерных барака»; «наконец, последний зимний барак приспособлен в 1909 году из только что отстроенного в ожидании холеры барака» (К.Р.Евграфов, «Делегатский доклад 10-му съезду врачей…», с. 174-175).

В марта 1912 года был сдан в эксплуатацию корпус, спроектированный архитектором С.И.Макаровым (при консультативной помощи Евграфова) специально под психиатрическое отделение. Корпус был самый современный, не хуже чем в Европе. Пензенский репортер описал его так: «Здание имеет 40 сажен длины и рассчитано на 65 человек больных; высота комнат 6 аршин. Центр здания трехэтажный, внизу машинное отделение, где имеются два котла – один паровой котел низкого давления для централизованного нагревания воды для всех имеющихся в здании ванн и водоразборных раковин. Отопление центральное, водяное, низкого давления. Отопительные приборы находятся внутри здания и состоят из гладких радиаторов, помещенных в нишах каменных стен, которые запираются специальными гладкими железными дверцами, с особым замком «психиатрического типа». Наверху комнаты для надзирателей со всевозможными удобствами, как, например, особой плитой для разогревания кушанья и отдельными шкафами для каждого служителя. В нижнем этаже левого крыла здания расположены квартиры служителей. Освещение везде электрическое. Все выключатели с особыми ключами, скрытыми в медных трубках. Имеется паровая камера для просушки одежды после гуляния больных. В окнах вставлены 12-милиметровые корабельные стекла. Камеры для одиночных больных устроены так, что нигде нет выступающих острых частей – все полукруглое, все смягчено для предотвращения возможности ушибов и поранения буйных больных. Мебель, постели и паркетный дубовый пол в этих камерах особого типа и устройства, точно так же, как и дверь с закругленными краями, которая

состоит из двух половинок с прокладкою внутри, для устранения возможности одиночному больному слышать шум в общих помещениях. Везде, конечно, образцовая чистота, прочная мебель, прекрасно оборудованные железные кровати с хорошим постельным бельем…» («Пензенские Ведомости» № 74 от 20 марта 1912 года).

Во всех ежегодных отчетах Евграфов отмечает крайнее неудобства самого расположения лечебницы, оказавшейся практически в самом тогдашнем центре города, к тому времени разросшегося и «разбухшего» почти до ста тысяч жителей: «Теснота на усадьбе, чересполосица с соматической больницей и хозяйственно-административными зданиями обоих учреждений вносят в жизнь лечебницы много стеснительных условий... Мимо и между павильонами постоянно происходит движение подвод, рабочих, массы живущих и работающих, бегают ребятишки; они и посторонняя публика подходят к окнам отделений и заборам садиков, вступают с больными в неуместные разговоры, передают недозволенные вещи, иногда дразнят больных. Точно также и внутри отделений теснота» (Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1909 год, с. 79). Теснота, духота и запах нечистот летом; теснота, чад от керосиновых ламп, холод и запах нечистот зимой – раз за разом повторяется в отчетах. Земство прислушивается, дает кредиты. Строится артезианский колодец, водонапорная башня, водопровод, ассенизационные колодцы заменяют канализацией. В новом корпусе установлено паровое отопление. Павильоны освещаются электричеством, исчезает забота о бесчисленных керосиновых лампах. Даже телефон появляется в психиатрической лечебнице не позже, чем в общесоматической больнице – в 1902 году.

То, что сейчас принято называть «инфраструктурой», в нашем лечебном учреждении было создано именно благодаря К.Р.Евграфову. Без малого восемьдесят лет больница существовала в тех зданиях, которые были радикальным образом перестроены и тем самым приспособлены под содержание психически больных либо заново построены при активном участии Евграфова и по его инициативе. Эти заслуги Евграфова были отмечены Пензенским губернским земством: «Доклад Губернской Управы по поводу службы врача заведующего психиатрическим отделением Губернской больницы Константина Романовича Евграфова. 4 октября сего года исполнилось двадцать лет службы врача Пензенского Губернского Земства, статского советника Константина Романовича Евграфова, который заведует психиатрическим отделением больницы Пензенского Губернского Земства. При назначении К.Р.Евграфова в 1884 году ординатором психиатрического отделения дом умалишенных

занимал старый большой корпус и верхний этаж корпуса Красного Креста. Все категории больных содержались вместе, буйные, неопрятные рядом с покойными и выздоравливающими. Одним словом это был «желтый дом» доброго старого времени дореформенный сумасшедший дом. С вступлением К.Р.Евграфова в должность ординатора начинаются, год за годом, по настойчивым его предъявлениям управе и Собранию улучшения в деле призрения душевнобольных, а вместе с тем, начинается не только призрение, но и лечение душевнобольных; с этой целью организуются работы в помещениях и на открытом воздухе, развлечения, больным предоставляется возможно широкая свобода; результатом является постепенное повышение процента выздоравливающих душевнобольных. Заслуги г.Евграфова перед психиатрией признаны наукой, и он избран в члены несколькими учеными психиатрическими обществами. С 1896 г., по выдвижении психиатрического отделения в самостоятельное учреждение, К.Р.Евграфов назначается заведующим его, с правами директора лечебного заведения. За время долголетней, тяжелой и ответственной службы на жизнь и здоровье г.Евграфова были неоднократно покушения со стороны больных, и дважды он получил значительные поражения, при чем последствием одного из них был разрыв барабанной перепонки в ухе. Константин Романович, приобретая в обществе заслуженную известность отличного врача, тем не менее обремененный служебными обязанностями, возрастающими каждый год вместе с числом душевно-больных, коих теперь призревается 420-430 человек, принужден был отказаться от частной практики. Губернская Управа, проработав с Константином Романовичем рука об руку шесть лет, в конце своих полномочий и по случаю исполнившегося 20-летнего неутомимого и самоотверженного его служения земству на пользу обездоленной части человечества, имеет честь засвидетельствовать о таковом его служении перед лицом Собрания: признание Собранием его службы высокополезной вследствие его опытности как врача и *глубоко христианского отношения к больным* как человека; о представлении его к почетной награде за отличие по службе, проходившей при особо тяжелых условиях, всегда отличавшейся прекрасным ведением врачебного дела призрения и лечения душевно-больных. Почетная награда, по мнению Управы, могла бы выразиться в представлении и К.Р.Евграфова к чину действительного Статского Советника. О назначении К.Р.Евграфову единовременной денежной награды в размере 1000 рублей» (фотокопия документа имеется в архиве музея Пензенской ОПБ им. Евграфова).

Евграфовская настойчивость, как мы видим, воспринималась земством вполне адекватно. От него давно уже перестали отмахиваться как

от назойливой мухи. Перестали и глупо шутить с ним. Какие там «пироги со стрихнином»; о них, если они когда-то и поминались где-то и кем-то, давно забыли (все, кроме самого Евграфова). Земские деятели никогда не были меркантильными эгоистами, они четко понимали, чего хочет Константин Романович, и высоко ценили его «глубоко христианское отношение к больным как человека». Другое дело, что Пензенское земство было небогатым, как и вся губерния, лишних денег у него никогда не было, а предметов для заботы всегда хватало. Чем могли – помогали, предпочитая, как у нас водится, моральное стимулирование материальному. К примеру, 15 декабря 1904 года земское собрание постановило: «В ознаменование 20-летия высокополезной и самоотверженной деятельности Константина Романовича на пользу дела призрения и лечения душевнобольных, поместить в кабинет психиатрического отделения… портрет его с соответствующей надписью» (В.Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 130).

Надо заметить, что Евграфов по своей должности имел к тому же такой официальный статус, без наличия которого в тогдашней России людям приходилось терпеть шутки гораздо более наглые, чем «пироги со стрихнином»: несмотря на то, что он числился по учреждению, принадлежавшему вроде бы органу общественного самоуправления (губернскому земству), Евграфов с конца 90-х годов XIX века имел чин статского советника, V класс Табели о рангах, что соответствовало упраздненному еще при Павле армейскому чину «бригадира», что выше полковника, но ниже генерал-майора, форма титулования «Ваше высокородие», так Евграфова и именовали в официальных бумагах. Кроме того, 8 января 1914 года «статскому советнику К.Р.Евграфову <чин «действительного статского» ему так и не был присвоен, очевидно, занимаемая должность этому чину не соответствовала> высочайше пожалован орден Святого Владимира». К слову, сам Евграфов никогда «не чинился» и не чванился, чин ему был нужен, но только для придания веса при общении с представителями государственной власти (он сам где-то упоминает об этом). И его сын, Сергей Константинович, был удивлен, когда узнал об орденах отца в конце 70-х годов XX века, он писал Иосифу Наумовичу Абезгаузу и Галине Михайловне Сергеевой, занимавшимся тогда организацией музея психиатрической больницы и работавшим в архивах, и не только в госархиве Пензенской области: «Это явилось для меня полной новостью. Никогда никакого разговора об этом у нас дома не было, и никогда никакого ордена отец не носил, да их у него и не было, так как и после его смерти их не осталось» (из письма от 14 июня 1976 года, в архиве музея ОПБ имени К.Р.Евграфова). Однако на известной фотографии, где Евгра-

фов изображен с тогдашним пензенским губернатором Лилиенфельдом фон Тоалем при открытии 12-го корпуса больницы (1912 год) на шее у Евграфова висит орденский крест (судя по всему, ордена св. Анны 2-й степени, знаменитой по Чехову «Анны на шее»). Несомненно, орденами Константин Романович награждался (как многие врачи губернской земской больницы, тоже имевшие чины, что давало право на соответствующие чинам ордена), но орденские знаки Евграфов, наверное, не выкупал (тогда их не вручали, кресты и звезды заказывались в соответствующих магазинах за свои собственные деньги); а крест на шею, для официального торжества полагающийся непременно, можно было взять у какого-нибудь знакомого и напрокат.

Несколько слов о семье Евграфова. Женился он в 1886 году. У нас имеется фотокопия Свидетельства о браке: «Дано сие Ординатору-врачу, состоящему при Пензенской Губернской Земской больнице Константину Романовичу Евграфову в том, что он, Евграфов, сего 1886 года Июня второго дня Пензенского уезда села Кривозерьевки во Владимирской церкви повенчан первым браком с девицею, дочерью Коллежского Секретаря Федора Алексеева Доремидонтова Анною Федоровною Доремедонтовою… Села Кривозерьевки Владимирской церкви Священник Григорий Кус…ий <фамилия неразборчиво>. Псаломщик Василий Астрологов».

Тем самым Евграфов породнился с семьей Федора Дормидонтова, бывшего смотрителем Губернской земской больницы. Эта должность, смотритель, перескочила в земскую эпоху из старых времен, досталась по наследству от Богоугодных заведений Приказа общественного призрения. Смотрительская должность не имеет аналогов в настоящем времени, смотритель обладал вроде бы полнотой власти административно-хозяйственной и распорядительной по всем вопросам, за исключением чисто медицинских. За последние отвечал старший врач. Между старшим врачом и смотрителем, как известно, в бывших приказных больницах шла борьба за власть. Еще в начале XX века бытовало слово «смотрительщина», обозначавшее явление, при котором смотритель возобладал над старшим врачом, подмял его под себя. Правда, должность смотрителя коллежский советник Федор Алексеевич Дормидонтов занимал в 1878 году, когда Евграфов был еще студентом Медико-хирургической академии; а в 1884 году, когда наш герой решал, где ему трудиться в дальнейшем, смотрителем Губернской земской больницы являлся Илья Тарасович Арефьев, числившийся по сословной принадлежности крестьянином (сведения из книги: В.Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 75, 88). Кроме того, ничего похожего на «смотрительщину» в истории Пензенской губернской больницы, а также Пензенской психиатрической

лечебницы не упоминается; в последней К.Р.Евграфов крепко держал в своих руках практически всю полноту власти, отказываясь делиться с ней даже со старшим врачом, кто бы им не являлся.

С Анной Федоровной Константин Романович прожил 31 год; после его смерти она работала библиотекарем психиатрической лечебницы.

Единственный сын К.Р. Евграфова, Евграфов Сергей Константинович, родился 12 мая 1893 года, окончил ту же 1-ю гимназию, затем Казанский университет; на Мировую войну призван не был (скорее всего, как единственный сын в семье), при Советской власти он работал в книжном магазине, «начав с младшего продавца и кончая директором», преподавал русскую словесность в фельдшерской и фармацевтической школах, учительском и педагогическом институтах, «лет пятнадцать был лектором по распространению политических и научных знаний» (в кавычках цитаты из письма С.К.Евграфова О.М.Савину, в книге: О.М.Савин «Родник воды живой. Пензенской областной библиотеке имени М.Ю.Лермонтова 100 лет», Пенза, 1992, с. 233); Сергей Константинович занимался еще и краеведением, печатался в областных изданиях. Потом переехал в Ростов-на-Дону, к дочери, там и умер там в 1979 году. По отзывам людей, его знавших, был обаятельным и высокообразованным человеком, боготворившим отца.

Специальным постановлением Земского собрания имя Константина Романовича было в 1912 году присвоено, как уже говорилось, только что отстроенному новому 12-му корпусу Психиатрической лечебницы. О постановлении земства, естественно, все давно забыли, но название «Евграфовский корпус» до сих пор в обиходном употреблении сотрудников пензенской психбольницы.

Но, несмотря на постоянное строительство, «скученность», бич психиатрических заведений по всей России, остается постоянно. Учреждение все время перегружено: в 1890 году среднесуточное число больных 222, в 1895 году – 335, в 1900 году – 372, в 1905 году – 435, в 1910 году – 503, в 1915 году – 607. Это при том, что максимальное число сметных коек не поднималось выше 500-т. Потребность в психиатрической помощи, как лечебной, так и чисто призренческой, была очень велика. Скученность в отделениях приводила к большому числу происшествий – в основном нападений больных друг на друга, на персонал, даже на врачей, а кроме того побегов, неудавшихся и удавшихся. К примеру, в 1912 году их было всего 288 – и это при общем числе пользованных за год 972 человека. Случались и очень серьезные происшествия, включая убийства больным больного, больным служителя, служителем больного. Больница, увы, отнюдь не стала «психиатрической аркадией».

Убогость материальной базы лечебницы бросается в глаза по всем документам: «Что замки в психиатрической лечебнице плохи, это несомненно. Я был бы весьма благодарен Земству, если бы оно ассигновало рублей 500-600 для замены их замками, которые нельзя отпереть гвоздиком, проволокой или щепкой. Но я не решался ходатайствовать об этом, у лечебницы имеется гораздо более настоятельных нужд» (из Объяснительной записки К.Р.Евграфова в Губернскую земскую управу, Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1907 год, с.54). Бывшие холерные бараки, именуемые, как где-нибудь в Шотландии или Баварии, «павильонами» (это слово в тогдашней психиатрии имело особый, «прогрессивный» смысл) – нищета, явная нищета.

Психиатрическая помощь в Пензенской губернии (как и по всей России, впрочем) всё время находилась в состоянии кризиса. Выход из него видели в создании системы «семейного патронажа», против которого Евграфов высказывался категорически против: «...Пока не создан правильно поставленный надзор со стороны государства – психиатрическая инспекция... отдача душевнобольных в чужие семьи за деньги равносильна узаконению самого худшего вида рабства и эксплуатации нового вида белых невольников. Нельзя быть настолько наивным, чтобы допускать возможность правильного надзора и попечения об этих неполноправных существах со стороны надзирателя-фельдшера, живущего в патронажном селении, ...или со стороны врача, наезжающего один – два раза в месяц. О контроле со стороны грубого деревенского общественного мнения нечего и думать: всякий психиатр знает отношение простых людей к сумасшедшим из наблюдений за вновь поступающими в психиатрическую лечебницу служителями и служанками, и те усилия, которые администрации учреждения приходится употреблять, чтобы бороться против грубого обращения с больными, склонности служительского персонала к произволу и насилию, а также склонности поживиться за счет больных, их порций, вещей и т.д. И это в больнице, при постоянном надзоре со стороны врачей, дежурных надзирателей и надзирательниц, в числе одного надзирателя на 20-30 душевнобольных» (Отчет за 1909 год, с. 17).

Пензенская губерния из-за материальной стесненности не могла себе позволить, по мнению гласных губернского земства, даже такой «роскоши», как психиатрическая сельхозколония, хотя колонии разного типа существовали уже во всех соседних губерниях, а кое-где они были действительно «роскошными». Начиная с 1899 года, К.Р.Евграфовым этот вопрос перед земством ставился методично, с указанием на необходимость ее создания, хотя бы и самой экономной, во-первых, с целью приближения психиатрической помощи к населению северных уездов Пензенской

губернии (нынешняя территория Мордовии почти целиком), во-вторых, как необходимого компонента системы психиатрической помощи в губернии. Только в 1912 году был выделен земельный участок под строительство загородной лечебной психиатрической колонии в Инсарском уезде Пензенской губернии (сейчас Мордовия), и принято решение о выделении кредита на это строительство. Но он так и не было выполнено.

Тем не менее, Евграфову многого удалось добиться, и к 1917 году в Пензенской губернии существовало соответствующее требованиям науки и психиатрической практики медицинское учреждение на 500 коек, в котором сложился крепкий коллектив психиатров-единомышленников (Н.С.Мошков работал с 1900 года, З.И.Олейникова с 1904, И.Н. Мостовенков с 1907, А.П. Глубоковский с 1908, В.Л.Греке с 1909, В.Н.Бражас с 1913 года), существовал костяк средних медработников и даже более или менее устойчивый корпус младших служителей, «довольно большое ядро» которых сохранилось даже после гражданской войны (Отчет по Пензенской психиатрической лечебнице за 1916-1921 годы, Пенза, 1922, с.21.).

Т.И.Юдин писал: «К.Р.Евграфов, заведуя всегда переполненной, крайне экономно содержимой больницей, он все же поддерживал в ней режим полного нестеснения» (Т.И.Юдин «Очерки истории отечественной психиатрии», с. 257). К.Р.Евграфов, хотя это имя сейчас и подзабыто, в психиатрическом сообществе своей эпохи пользовался широкой известностью и уважением. Тот же Юдин говорит о «таких крупных психиатрах, как К.Р.Евграфов» (там же, с. 174). Ю.В.Каннабих выстраивает ряд русских психиатров, которые следовали одной руководящей идее в вопросах содержания и лечения больных: организации правильного врачебного наблюдения и, следовательно, но-рестрента, а также работы на воздухе и в мастерских... – Синани, Мальцев, Ковалевский, Рагозин, Максимов, Буцке, Яковенко, Говсеев, Каменев, Чечотт, Евграфов, Вырубов, Якоби, Кащенко» (Ю.В.Каннабих, «История психиатрии». М., 1994, с. 392). Любому человеку, сколь-нибудь знакомому с историей отечественной психиатрии, эти имена говорят очень много.

Одной из первых в России (если не самой первой) при Пензенской психиатрической лечебнице была создана психиатрическая амбулатория, прообраз психоневрологического диспансера – это произошло, во всяком случае, не позже 1901 года: «Психиатрические амбулатории имелись еще <кроме Пензы> лишь в Полтаве и Уфе», этот факт особо отмечается Т.И.Юдиным (Т.И.Юдин «Очерки истории отечественной психиатрии», с. 258). Была образцовым образом поставлена терапия трудом, созданы на пустыре и на месте бывшей каменоломни сад и огород, а также разнообразные ремесленные мастерские, даже приносившие доход в казну

земства. Лечебница старалась разнообразить быт больных, считая организацию досуговых мероприятий мощным терапевтическим фактором: «Вечера с чтением, с туманными картинками, спектакли... Несколько литературно-вокальных вечеров с туманными картинками... На Святках, по обыкновению, была устроена елка с раздачей подарков всем работающим больным и угощением всех присутствующих чаем, фруктами, лакомствами и холодными закусками... Танцы до первого часа ночи под звуки небольшого приглашенного для этой цели оркестра... В теплое время года для больных устраиваются пикники в ближайшей роще... Прогулки в рощу за цветами... Поодиночке или группами прогулки в город, в городские лавки, народный театр... Отпуска к родным в сопровождении этих лиц или прислуги практикуются с каждым годом все в большем размере « (отчет по психиатрическому отделению больницы Пензенского губернского земства за 1902 год, с. 68). Во всех годовых отчетах отмечается эта сторона жизни учреждения, благодаря чему и создавался упоминаемый Евграфовым «дух» лечебницы, благодаря которому она только и может именоваться лечебным учреждением: «Чем менее врач вооружен средствами психического воздействия, тем хуже и успехи лечения, тем меньше больных лечебница возвращает в общество здоровыми… Требуется не роскошь, а достаточная полнота… всех средств психотерапии хотя бы простых и недорогих. Никто не вздумает отказать хирургу в операционной или рентгеновском кабинете; но никто будто не подозревает, что отказ психиатру в средствах психического лечения вполне равноценен такому отказу. Одним из таких средств психической терапии является устройство общих собраний для развлечения больных… К сожалению, у нас в лечебнице нет ни одного достаточно просторного зала, где возможно было бы правильно устраивать каждое воскресенье такие недельные собрания больных… Повторяю, устройство обширного зала на 350-400 человек есть настоятельнейшая потребность ближайшего будущего» (Отчет за 1908 год, с. 91-93). «Аппетиты» у Евграфова были большие, но и их «удовлетворили», выстроив «Евграфовский корпус» с его просторным двумя залами дневного пребывания, а специальное клубное помещение для пациентов было создано только в конце 30-х годов, на месте бывшей конюшни, и зал там был гораздо меньшей вместимости.

Больные посещали «электро-театр» (кино), Летний театр в парке Белинского, где лечебница имела даже специальный абонемент на 20-ть мест на спектакль. Будучи человеком верующим, Евграфов громадное значение придавал и духовному окормлению пациентов (в подавляющем своем большинстве православных, если судить по годовым отчетам). Посещение церкви он считал обязательным, сетовал на малую доступность

для больных храма, расположенного в основном корпусе соматической больнице, «рядом с хирургическим отделением». Посещение городской церкви было неоспоримым основанием для предоставления отпуска из лечебницы, а для сознательных больных – даже без сопровождения персонала. Это тоже проявление «духа» учреждения, может быть, и несколько патриархального. Евграфов писал, что «семейный патронаж» на нынешнем этапе должна и может заменить «другая семья – психиатрическая лечебница» (Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1909 год, с. 17-18).

К.Р.Евграфов писал: «Считая персонал лечебницы самым важным терапевтическим фактором в деле лечения душевнобольных, я не могу не удивляться тому, что при обсуждении результатов различных способов лечения, каковы, например, постельный режим, система открытых дверей, no-restraint в смысле уничтожения изолирования и т.д. – эти способы обсуждаются обыкновенно вне связи с живым фактором – свойствами персонала лечебницы, сознательное и бессознательное внушение, исходящее постоянно от всех лиц персонала, начиная с директора и кончая последним рабочим при лечебнице, «кухонным мужиком», – это фактор первостепенной важности, создающий то, что называют «духом» лечебного заведения. И этот общий дух, без сомнения, гораздо важнее тех мелочей, которые называют «режимами» и «системами». Можно и безо всякого restraint`а так задавить личность страдающего человека бездушным формализмом и педантической систематичностью, что больной предпочтет сменить роскошную лечебницу со всевозможными «последними словами науки» и «режимами», на лечебницу, пусть с решетками на окнах, но без леденящих цепей формализма» (Отчет по психиатрическому отделению Пензенской губернской земской больницы за 1902 год, с. 35-36).

Требуя от своих сотрудников «не службы, но служения делу» (З.И.Олейникова. «Воспоминания о К.Р.Евграфове», без даты, рукопись, архив музея ОПБ им. Евграфова), Евграфов требовал от них человеческого отношения к больным людям. Врачи, видящие в своем пациенте не страдающую человеческую личность, а «предмет для аутопсии с целью установления диагноза» не пользовались его уважением – и это сказано предельно мягко. Любое доктринерство вызывало у Евграфова как минимум иронию: «...Незаметно для авторов, пишущих и спорящих о dementia praecox, они ипостазируют болезнь, отделяя ее от организма, придавая ей какое-то абсолютное и независимое значение, а своим классификациям и спорам важное и якобы «научное» значение. Жизненных результатов от этого никаких, кроме разве того, что эти споры отнимают время, которое можно и должно было бы посвятить изучению

больной личности и посильному облегчению ее субъективных страданий и ее укреплению в борьбе против болезнетворного влияния» (Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1910 год, с. 9-10). Из выступления К.Р.Евграфова в прениях на 2-м съезде отечественных психиатров в Киеве (1905 год): «...Хоть и старая, но вечно юная истина – врач должен видеть в больном не объект для приложения физико-химических, бесконечно многочисленных в наше время средств, а индивидуальную страдающую личность с включением всей гаммы психических ее отправлений, а не одну материальную сторону болезненных явлений. К сожалению, взгляд на больных как на объект приложения новейших средств, физических способов и столь модных «режимов» – слишком распространенное в наше время явление. Врачи, особенно молодые, воодушевленные верой в действительность этих способов, констатируя известную «болезнь», применяют их, не давая себе труда изучить сложные явления страдающей личности... Практическая медицина остается «искусством» в силу того, что в тысяче сложных явлений врач должен разобраться быстро, чтобы помочь страданию; тут при строго научной подготовке необходима в значительной мере интуиция. Она тем более необходима, чтобы быстро понять личность страдающего. Сочувствие, раскрытое сердце, идущее навстречу больному» (Труды второго съезда отечественных психиатров, происходившего в г. Киеве с 4 по 11 сентября 1905 года. Киев, 1907 с.314-315).

Как уже указывалось выше, психиатрическое отделение, оставаясь подразделением губернской земской больницы в хозяйственном отношении, получило административную самостоятельность; заведующий получил фактически права главного врача отдельного учреждения, но часть хозяйственных служб осталась общей – аптека, контора, кухня, прачечная, дезинфекционная, церковь (последнюю Евграфов считал непременной необходимостью для психиатрического учреждения). Произошло это реально в 1896 году. К тому времени психиатрическое «отделение», даже не именуясь лечебницей, по количеству коек уже давным-давно обогнало больницу общесоматическую. С 1906 года учреждение начало именоваться в ежегодных отчетах Психиатрической лечебницей Пензенского губернского земства: «...Сохранять наименование громадного учреждения для душевнобольных, имеющего свыше 500-т кроватей, «отделением больницы Пенз. Губ. Зем.» после того, как оно выделено Губернским земством в самостоятельное во врачебно-административном отношении учреждение, по существу дела неправильно... Пензенское земство во время войны... <русско-японской> едва не лишилось старшего врача психиатрической больницы, так как военное ведомство не нашло воз-

можным освободить его от призыва на том основании, что он заведует не «больницей», а «отделением». А по букве закона освобождаются от призыва лишь старшие врачи «больниц», хотя бы в них и было всего 30 кроватей, а не 500-т, как в психиатрической. Ходатайство земства перед Министерством об освобождении старшего врача от призыва также было отклонено на этом основании» (Отчет по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства за 1910 год, с. 85-86).

З.И. Олейникова свидетельствовала: «К.Р. был противником «рестрента» <стеснения> во всех его видах. Все меры стеснения, полученные в наследство от «желтого дома», были им ликвидированы. В острых отделениях широко использовался постельный режим и гидротерапия в виде длительных ванн. Была широко развернута трудотерапия во всех отделениях, оборудован ряд мастерских, на территории больницы устроен сад и огород для работы больных. К.Р. обращал большое внимание на дифференцированное размещение больных, чему помогала павильонная система больницы, поборником которой был К.Р.».

Зинаида Иосифовна рассказывает: «Расширяя больницу, К.Р. считал, что наличие только одной больницы недостаточно, что, как бы она не была велика, одна больница не может обеспечить потребности всей губернии, вследствие удаленности от нее отдаленности от нее, расположенной на юге губернии, многих уездов. В течение 14-ти лет К.Р. вел неустанную борьбу за создание второй психиатрической лечебницы, психиатрической колонии на 500-т коек в северных, наиболее удаленных уездах Пензенской губернии. Это, по его мнению, приблизит психиатрическую помощь к населению, и вместе с тем позволит разгрузить больницу в Пензе от хроников. «Постройка новой больницы будет первым шагом к децентрализации психиатрической помощи» – говорит К.Р. в одном из своих отчетов. Дальнейшее расширение городской больницы К.Р. считал нецелесообразным. В 1912 году К.Р. наконец, после многолетней борьбы, добивается принципиального согласия Земского Собрания на постройку лечебницы-колонии в Инсарском уезде. Но осуществления своего проекта К.Р. не дождался. Говоря о различных видах психиатрической помощи, К.Р. никогда не предлагал Земству устройство патронажа, который, по его мнению, может привести к эксплуатации больного… В противовес патронажу, К.Р., верный идее децентрализации психопомощи, в одном из своих докладов рекомендует Земству отчислять в особый фонд деньги, предназначенные на устройство патронажа, и употреблять их на постройку уездных психбольниц на 100-150 коек… Немало потратил энергии К.Р., доказывая Земству нецелесообразность взимания платы за лечение психически больных, которые вследствие этого задержи-

ваются на местах и тем самым теряют шансы на выздоровление… Создание амбулатории для душевнобольных при больнице является по существу первым шагом внебольничной психиатрической помощи, выросшей впоследствии в диспансер. К.Р. во всей своей деятельности, во всех высказываниях вслух шел в ногу с самыми прогрессивными течениями русской психиатрической мысли. Многие высказанные им идеи не потеряли актуальности до настоящего времени».

К.Р.Евграфов постоянно добивался наведения должного порядка в отношениях с земскими врачами и врачами государственных ведомств при направлении последними больных в губернскую психиатрическую больницу. Пытался Константин Романович отладить взаимодействие и с администрацией губернии, что всегда было, надо это отметить, крайне трудным. Из выступлений К.Р.Евграфова на 2-м съезде отечественных психиатров в Киеве в 1905 году: «…На 1-м Съезде… я потребовал минимума законных норм, регулирующих жизнь и деятельность психиатрических больниц… Никто не сомневается в необходимости «закона» для правильности течения жизни, а именно – более свободного от неожиданностей и произвола в развитии этой самой деятельности, освобождая ее от разных неуместных пут. А всякий провинциальный товарищ знает, сколь тяжкие и многие путы налагаются на жизнь и деятельность психиатрических лечебниц, сколь часто вторгается в ее жизнь постороннее вмешательство, и как нередко плоды долгих трудов, быть может, не одного врача, клавшего свой труд, уничтожаются в один момент при смене администраторов, представителей земского самоуправления и т.д. Именно, чтобы дать свободную жизнь психиатрическим лечебницам, и нужен минимум законоположений, как регулятора этой жизни... Я хочу только пояснить примером, ярко иллюстрирующим крайнюю необходимость точного устава на случай столкновения врача с администрацией. Однажды в той больнице, где я служил, был отпущен больной в город. Там он поссорился с пьяным солдатом, был взят в участок, где чинами полиции ему были нанесены тяжкие повреждения. На это обратили внимание, и губернатор назначил строжайшее расследование. Следователь, не желая обвинить действительного виновника – полицейских служащих – отыскал старинный, не упраздненный закон, по которому предписывалось, чтобы больные всегда находились «за крепкими стенами и железными решетками с добрыми приставниками из отставных солдат». На основании этого законоположения виновником избиения оказался врач, отпустивший больного. Только пример Казанской правительственной больницы, где существовали отпуска, спас врача от суда. Такие столкновения врача при нынешнем положении вещей возможны всегда. Во всех куль-

турных странах есть точно формулированные уставы заведений для душевнобольных. У нас, в России, где больные не только лечатся в больницах, но и живут десятками лет, такой устав особенно нужен (Труды второго съезда отечественных психиатров, с.97-98, 103-104).

Очень долго единственным опытным врачом-психиатром оставался в Пензе К.Р.Евграфов. Больных на каждого ординатора никогда меньше ста не приходилось, а порой 200-250. Нагрузки на врача-психиатра в Пензенской лечебнице были явно чрезмерными, наверное, поэтому сохранившиеся истории болезни малоинформативны в клиническом плане: первичные осмотры в несколько фраз, психостатус квалификационный, в два предложения, дневники раз в месяц, «Сост. преж.» либо «Без пер.», обоснование диагноза отсутствует; в конце стандартно – либо «выписан в улучшенном состоянии в сопровождении родных», либо «умер».

Резкое различие с нынешним имеется и в диагностике – как в употребляемой номенклатуре диагнозов, так и в соотношении дементных и психотических форм диагностированных психических расстройств за счет явного преобладания деменций. Трудно сказать даже, какой из принятых тогда классификаций душевных заболеваний, пользовались К.Р.Евграфов и его сотрудники. Явно прослеживаются изменения в диагностике с течением времени: вместо бытовавших в 90-х годах XIX века Paranoja acuta et chronica, Paranoja hallucinatoris, Dementia secundaria post melancholia, Amentia acuta, Insanitis moralis; с начала 90-х годов появляются «конституции» – «психопатическая конституция», «психопатическая конституция с действиями под влиянием импульсов», «дегенеративная конституция», психопатии – «истерическая и дегенеративная психопатия с импульсами краж (клептомания)», «истерическая и дегенеративная психопатия (сумасшествие)», неврозы – «истерический невроз, во время преступления сумасшествие». Есть и такие диагнозы как «неуравновешенный субъект, склонный к аффектам», «неуравновешенный субъект с дефектом нравственных чувств», «признаки дегенерации, но душевной болезнью не страдает», а то и попросту: «припадок болезни, доводящий до умоисступления», а также «умоисступление», так сказать БДУ, и «одна из степеней прирожденного безумия, осложнившаяся во время преступления болезнью, доводящей до беспамятства». С 1908 года появилась Dementia praecox. К.Р.Евграфов не придавал «точной» диагностике особенного значения: «Личность исследуют, над ней экспериментируют единственно с целью с целью установить диагностику: Dementia praecox или Psychosis manio-depressiva? А какой терапевтический результат? Или какая положительная в каждом конкретном случае разница для прогноза? ...Вопросы, не имеющие ровно никакого значения или какой-

либо почвы для разрешения, в роде классификации душевных болезней или пресловутой dementia praecox и psychosis manio-depressiva становятся во главу угла и ведут за собой ожесточенные споры» (Отчет за 1910 год, с. 10-11). В прениях на 2-м съезде отечественных психиатров в Киеве (1905 год) Евграфов высказался за такую классификацию психических расстройств, которая бы представляла бы «наименее неудобств для практических нужд» и «наименее стесняла индивидуальные воззрения пользующегося ею» (Труды второго съезда отечественных психиатров, с. 76). Неудивительно поэтому, что 75 названий болезней и состояний фигурируют в отчетах по Пензенской психлечебнице в качестве того, что сейчас называют медицинским критерием невменяемости.

Несколько слов о проблемах судебной психиатрии в широком смысле этого слова. И земские деятели, и врачи земских психиатрических заведений полагали, что государственные нужды должны удовлетворять государственные учреждения, а не органы местного самоуправления. Они не считали своим прямым долгом выполнение таких задач, как проведение судебно-психиатрических, военных и трудовых экспертиз, исполнение принудительных мер медицинского характера в отношении признанных невменяемыми лиц. Указанные обязанности однозначно воспринимались земскими психиатрами как незаконно возложенное на них дополнительное бремя: «...Не следует забывать ни на одну минуту о необходимости избавить земство от не принадлежащей ему обязанности, теперь фактически противозаконно на него возложенной, – а именно обязанности принимать в свое психиатрическое учреждение больных с целями судебной экспертизы, заключаемых по 95 и 96 ст. уложения по Суду, арестантов, переводимых из тюрем вследствие обнаружения у них признаков психической болезни, а также лиц военного ведомства, помещаемых для испытания или лечения. Ибо лечение, испытание или призрение лиц этих категорий, равно как и душевнобольных, направляемых администрацией в лечебницу ввиду их предполагаемой опасности для общества, составляя предмет государственной необходимости, должно и относиться не к ведению органов местного самоуправления, а органов общей, то есть государственной, компетенции. Поэтому следует ежегодно повторять земские ходатайства об издании специального законодательства, определяющего точно и ясно пределы земского попечения в деле призрения и лечения душевнобольных и о скорейшем снятии с земского бюджета непосильного бремени по части призрения опасных и преступных хроников, испытуемых, арестантов, военных, железнодорожных и иных душевнобольных, находящихся на государственной службе или помещенных с каким-либо иными, а не просто лечебными целями» (Отчет за 1908 год, с. 22). По подсчетам К.Р.Евграфова,

больные «статейные», «арестанты», испытуемые от суда, которых всех вместе он именует «преступными больными», составляли в разные годы от 8-ми до 11-ти процентов всех пациентов лечебницы. Эта цифра казалась ему очень высокой, громадной: «Более 10 % всего количества больничных дней приходится на долю категорий больных, ...помещаемых с целями, не имеющими ничего общего с целями лечения» (Отчет за 1902 год, с. 52).

Евграфов указывает на особенности упомянутых пациентов, среди которых закономерно оказывается «известное число лиц «привычно-преступных», имеющих от природы преступную, извращенную психическую организацию, требующую особых мероприятий, совершенно неосуществимых в земском лечебном учреждении...»; «Такие субъекты попадаются и среди не арестантов душевнобольных и являются истинным бичом для заведения и приносят ему много хлопот, огорчений и несчастий. Для таких субъектов отделение <психиатрическое>... может быть только пагубным, а отнюдь не полезным... Как неуравновешенные, сверх имеющейся уже у них дегенерации и патологического склада личности, они легко заболевают тюремным помешательством» (Отчет за 1907 год, с. 59).

Указывает К.Р.Евграфов также и на особенности действующего законодательства, регламентирующего принудительное лечение: в частности, Приложение № 4 (чаще именуемое Примечанием № 4) к ст. 95 Уложения о наказаниях предусматривало возможность выписки из психиатрического стационара («освобождения из дома умалишенных») только в случае «выздоровления» от психического расстройства, да и то не ранее чем через два года «после выздоровления». Написано по этому поводу с 1845 года было много, но отменено это было только с окончательной «отменой» Российской Империи осенью 1917 года. Еще одна проблема связана с организацией принудительного лечения, побеги «статейных больных» привлекают иногда пристальное и взыскательное внимание начальства: «...По поводу побега одного из статейных больных (А. Самышкин, Imbecillitas congenetiva) г. Начальник губернии сделал предложение Губернской Управе о более тщательном окарауливании арестантов и необходимости извещать о побегах их Губернскую тюремную инспекцию. Губернская управа потребовала от меня объяснения... Мной был представлено в Управу следующее: «...Об «окарауливании» арестантов не может быть и речи, даже с точки зрения существующих законоположений и правительственных распоряжений; тем более не может быть об этом речи с точки зрения психиатрической науки и практики... Психиатрическая лечебница переполнена; переполнение ее, как я постоянно указываю в своих отчетах, в высшей степени затрудняют надзор и уход за больны-

ми и ухудшает их состояние... Устранить совершенно побеги больных невозможно, это показывает опыт лучших лечебниц, заграничных и общественных, в том числе и Правительственных Окружных лечебниц... Что касается до побега Алексея Самышкина, то, прежде всего, он не арестант, а заключенный по приговору Суда по ст. 95 Уложения о наказаниях, то есть лицо, преступление которого аннулировано приговором Суда и которое помещено впредь до излечения; следовательно, лицо, подлежащее всецело общему порядку содержания и лечения по правилам врачебной науки и принятого в заведении режима... Число таких заключенных в лечебнице довольно значительно и доходит иногда до 45-ти человек, размещаемых, смотря по их состоянию, в различных отделениях, не исключая и спокойных. Принимать по отношению их какие-либо исключительные меры было бы даже фактически невозможно, не говоря уж о том, что такие меры совершенно недопустимы со специальной точки зрения... Вновь ходатайствую о постановлении в известность губернской администрации... относительно переполнения лечебницы и неимения в ней мест для приема арестантов; помещение таковых при данных условиях... предполагает и невозможность специального надзора за ними» (Отчет за 1913 год, с. 78-81). Слово «окарауливание» употреблено по отношению к психиатрическому заведению, пытающемуся поддерживать у себя режим «но-рестрента» и «оупен-дор-систем». Начальство продолжает воспринимать психиатрическую лечебницу как «бастилию», куда можно заключить человека, даже не спрашивая согласия врачей.

Правда, все до поры: «...Побег испытуемой арестантки Метальниковой и последовавшие вскоре побеги уголовных арестантов Юдина и Андреева доставили администрации лечебницы немало неприятных минут и повлекли за собой административные кары. Дежурный врач Е.А.Копыстинский, временно приглашенный за недостатком ординаторов исправлять должность, был выслан из пределов Пензенской губернии; надзирательница, дежурившая в наблюдательном отделении, где была помещена арестантка Метальникова, едва не лишилась места и получила выговор от Губернской земской управы за то, что не хранила ключ от выходной двери при себе, а положила его в кабинете; одна из дежурных по наблюдательному отделению хожалок была предана суду и посажена в тюрьму; просидев несколько месяцев в тюрьме, она была судом признана невиновной и освобождена. По распоряжению г. Начальника Губернии была образована комиссия под председательством г. Вице-Губернатора, в составе непременного члена по земским и городским делам, врачебного инспектора, старшего врача соматической больницы и секретаря губернского правления для расследования причин по-

бегов арестантов из психиатрической лечебницы и изыскания мер против них. На основании заключения комиссии г. Начальник Губернии сделал Губернской управе следующее предложение: «...Опасных арестантов помещать исключительно в буйное, наблюдательное и беспокойное отделения, откуда они не могли бы бежать, и отнюдь не были переводимы в спокойные отделения... Просим Губернскую Земскую Управу войти с ходатайством в Губернское Земское Собрание приискать соответствующее помещение для важных арестантов, переводимых из тюрем как душевнобольных; если же такового не представится возможным найти, выстроить особый корпус для помещения 4-5 арестантов, в котором могли бы быть приняты особые меры в виде секретных замков во всех дверях, найма особого служителя или переодетого городового, или тюремного надзирателя...» (отчет за 1907 год, с. 45-46).

Метальникова, урожденная Сторожева, Татьяна Петровна, 1887 года рождения, из рабочих, обучалась в Пензенской женской гимназии, исключена из 3-го класса последней «за политическую неблагонадежность». Рано вышла замуж – за Н.И.Метальникова, члена Пензенского комитета с.-р., которым, собственно, и была вовлечена в нелегальную политическую деятельность, вскоре переродившуюся в банальный разбой. В 1904 году (17-ти лет от роду) и в 1905 году (18-ти лет) арестовывалась, была выслана в Сибирь, в мае 1906 года вернулась на родину, в Пензу. Примкнула к боевой группе анархо-коммунистов (последователей Кропоткина), руководимой бывшим семинаристом Г.С.Великопольским, подпольная кличка «Вильгельм», он же «Вилька». Уже в августе (20-го числа) 1906 года группа участвовала в разбойном нападении, «экспроприации» почты, шедшей со станции Пачелма Нижне-Ломовского уезда на станцию Керенск (ныне Вадинск), во время которой был убит почтальон. Метальникова и другой организатор «экса» А.В.Гумилевский были схвачены, помещены в тюрьму и вскоре осуждены к смертной казни через повешение. Метальникова была несовершеннолетней – 19-ти лет, правда, она была эмансипирована, так как вышла замуж, но 21-го года она не достигла, так что вряд ли ожидала смертного приговора. В июне или июле 1907 года помещена в Пензенскую психиатрическую лечебницу, откуда и бежала. Побег Метальниковой изложен в Отчете за 1907 год так: «М-ова (политич. арестантка Psychos histerica). Переодевшись в неизвестно кем доставленное платье и похитив ключ от выходной двери, находившийся в кабинете у дежурной надзирательницы, ночью скрылась из отделения и с больничной территории, не будучи замечена караульными, поставленными вне больничной территории по распоряжению администрации. Не разыскана» (там же, с. 44). Сам Евграфов находился в тот момент в отпуске, а на

Евгения Августовича Копыстинского, в будущем довольно известного белорусского и украинского психиатра, работавшего тогда в Пензенской общесоматической больнице, согласившегося из любезности некоторое время замещать отсутствующего ординатора психиатрической лечебницы, обрушилась тяжелейшая кара: «В Пензе врач Копыстинский, дежуривший в день побега из больницы находившейся на испытании Метальниковой, был Пензенским губернатором уволен без всякой мотивировки – выслан из пределов губернии с воспрещением въезда в целый ряд местностей Империи. В той же пензенской больнице тот же губернатор распорядился поставить караульных с ружьями у ворот больницы и между двориками для прогулок» (Баженов, с. 133-134). Надо отдать Евграфову должное, он не боится оппонировать губернатору, спорит с Его Превосходительством и заставляет последнего прислушаться к своим резонам. А резоны, собственно говоря, все те же, что раньше и что позже, обращение внимания на реальную картину жизни психиатрической лечебницы, не имеющую ничего общего с представлениями обывателя, хотя бы и в высоких чинах, о непреодолимых стенах и крепких запорах в «психиатрических бастилиях». Картин из жизни, к примеру, такие: «...Дети прислуги соматической больницы вносят столько грязи, шума, хулиганских выходок, что положение совершенно невыносимо. В летнее время маленькие хулиганы залезают на заборы садиков, дразнят больных, бросают в них камнями, передают папироски, спички и т.п.; кучи этих детей, предаваясь даже вполне законным детским развлечениям, выражают свое удовольствие такими визгами, что не выдержат и здоровые нервы, не только больные» (Отчет за 1912 год, с. 132). Из другого отчета, 1907 года: «...Сторонние люди имеют полную возможность приходить в соприкосновение с больными, иметь с ними переговоры, передавать им в окна и через заборы недозволенные предметы, например деньги, водку, даже ножи... Если ежегодно уходит из состава прислуги 180 и более процентов прислуги – главного элемента присмотра и ухода – по отношению к штату, то ясно, что прислуга не может быть удовлетворительной. Без повышения окладов, без улучшений условий труда, без квартир, без пенсий по инвалидности старости лучшего персонала прислуги привлечь на службу нельзя. Усилить карательные меры по отношению к прислуге, как показывает опыт, означает вместо последней, держащейся на месте прислуги приобрести с улицы новую, неизвестного, но приблизительно того же достоинства, но только не имеющую опытности уволенной... Надеяться на сокращение побегов и иных несчастных случайностей путем улучшения запоров на дверях – по меньшей мере неосновательно... Раз уж вступать на путь усиления тюремного колорита в психиатрическом учреждении, ...наиболее действенным способом, конечно, ока-

залось бы возвращение к старинному способу – сажанию больных с подобными наклонностями в железные клетки, или сковывание по рукам и ногам и приковывание железной цепью к стене...» (Отчет за 1907 год, с. 49-55). Евграфов указывает на то, что Тюремное управление ни с кем не согласовывало перевода ни Метальниковой, ни Юдина и Андреева, что бежавший в августе Андреев уже находился в лечебнице в июле того же года, при этом признаков душевного расстройства не обнаружил и был выписан в тюрьму, что его повторное помещение в больницу 22 августа было авантюрой тюремного начальства, которой наше учреждение не в силах противостоять. Кроме этого, он протестовал против «превращения лечебницы в тюрьму»; объяснив, весьма толково и, как нам представляется, неопровержимо, практическую невозможность обустройства в Пензе рекомендуемого к созданию «крепкого отделения», предназначенного для стационарной судебно-психиатрической экспертизы «особо важных» или «особо опасных» арестантов. Евграфов позволяет себе и «крик души» бывшего участника юношеского подпольного кружка, представителя поколения, не очень-то жаловавшего жандармов: «Не могу пройти молчанием и того, что, в случае его учреждения, пришлось бы приглашать отдельного врача для заведования им, ибо – все врачи-психиатры, ныне служащие Пензенскому Земству, при приглашении их на службу, не имели в виду обязанности заведовать таким неслыханным в летописях психиатрии психиатрическим учреждением, и едва ли окажутся к тому достаточно подготовленными, ибо изучали и практиковались только в лечебном искусстве» (Отчет за 1907 год, с. 60).

Евграфов в 1907 году, в том же своем «меморандуме», составленном им по случаю попытки сделать его виноватым в побеге Метальниковой, потребовал «поручить Управе немедленно приступить к выработке планы и сметы предполагавшегося к постройке приемно-наблюдательного отделения для больных мужчин и ассигновать потребную сумму на заготовку зимою материалов с весны для начатия строительных работ по сооружению корпуса этого отделения» (Отчет за 1907 год, с. 61). Самое интересное, что именно побеги Метальниковой, Андреева и Юдина подтолкнули, наконец, давно задуманное, но постоянно откладывавшееся дело: корпус (тот самый «Евграфовский») действительно начал вскоре проектироваться, и сразу же строиться, он был сдан в эксплуатацию в начале 1912 года. Обращения к «высшему начальству» не остались безрезультатными и по остальным вопросам: уже с 1908 года по распоряжению Министерства юстиции испытуемые (подэкспертные) начали направляться в Московскую Окружную психиатрическую лечебницу (правительственную, «казенную») для производства судебно-психиатрической экспертизы, а

больные «статейные» (находящиеся на принудительном лечении) переводиться и направляться в правительственную Казанскую Окружную психиатрическую лечебницу (Отчеты за 1908-1915 гг.).

Конечно, обе Окружные психиатрические лечебницы, и Московская и Казанская, вскоре оказались перегружены, начали искать лазейки в документах, регламентирующих направление в них больных, отыскали их, и начали отказывать в приеме части больных, чем вызвали очередные обращения со стороны К.Р.Евграфова, очень экспрессивные, если не сказать шантажные, по форме: «...Несмотря на закон от 5 декабря 1912 года статейные больные, заключенные по 95 и 96 ст.ст., продолжали помещаться в земскую лечебницу, а не в Окружную... Вся тяжесть безвыходного положения обрушивается на психиатрическую лечебницу, администрации коей представляется всецело и нераздельно нести все бремя и все последствия этого бремени. Спрашивается, будет ли она освобождена от ответственности Судом и общественным мнением за проистекающие отсюда аномалии содержания больных, несомненно криминального характера? Ибо больные могут иметь при таких условиях того, что предоставляется им законом: безопасности, надлежащих санитарно-гигиенических условий содержания, ...и не могут получить той помощи, ради которой они в лечебнице содержатся, то есть в терминах закона: «беспомощные люди оставляются без надлежащей помощи» со стороны тех, на кого обязанность оказывать таковую по закону возлагается. Суд общественного мнения, не имеющего возможности знать все эти условия, обвиняет за все несчастные случаи, беспорядок в содержании больных, в их питании, одежде, в отсутствии покоя и безопасности от нападения других больных и т.д. и т.д. исключительно врачебную администрацию... Последняя же лишена всех средств помочь горю, кроме словесных бесполезных протестов, и единственно, что она может сделать – это покинуть свою специальность, то есть оставить государство и общество без психиатров...» (Отчет за 1915 год, с. 38-39).

Но наступали совсем иные времена, на подходе была иная эпоха, когда угрозы «покинуть свою специальность» в случае непредставления реальной возможности добросовестно делать свое дело по всем правилам врачебного искусства, будут расцениваться уже не как отчаянная выходка честного человека, а как «контрреволюционный саботаж». Но до этого надо было дозреть, пройти через многие испытания.

В 1910 году у Пензенской психиатрической лечебницы отобрали (пожалуй, впервые) то, что ей принадлежало по праву – существенную часть земельного участка, на котором еще в 80-е, 90-е годы на месте бывшей каменоломни усилиями больных под руководством фельдшера

Сергиевского был разбит сад и огород. Сад вырубили, огород замостили, вместо них построили казарму с плацем для строевой подготовки (сейчас там артиллерийское училище, переименованное в артиллерийский институт). Жалобы во все инстанции, обращения за сочувствием, апелляции к милосердию остались без ответа – страна готовилась к мировой бойне; по мнению многих, а начальства – в первую очередь, казармы России были нужнее психиатрических лечебниц.

В августе 1914 года началась Мировая война, перешедшая почти без перерыва в гражданскую. Уже в 1914 году призвали на военную службу одного врача, нескольких надзирателей, несколько десятков служителей (отчет за 1914 год, с. 91). Мобилизации продолжались до конца гражданской войны: «…Крайне тяжелый и ответственный труд пришлось психолечебнице нести без перерыва в течение целого трехлетия с недостаточным персоналом, как специальным врачебным и фельдшерским, так даже с недостаточным и служительским персоналом, ибо все годные к военной службе в возрасте от 18 до 40 лет были взяты в армию» (В.Н.Бражас, «Работа Пензенской психолечебницы на военные нужды (за гражданскую войну 1917–1921 гг.) и инфекционные психозы», Пенза, 1922, с. 30).

Последние два года жизни Евграфов тяжело болел, он почти отошел от непосредственной организационной и лечебной работы, обязанности директора лечебницы исполнял Николай Сергеевич Мошков, бывший его ближайшим помощником по врачебной части с 1900 года. Но свою другую жизненную работу, упоминавшееся нами искание Правды, Евграфов продолжал, о чем расскажем чуть ниже.

Теперь о личности Евграфова периода зрелости и такого несправедливо раннего его ухода из жизни. Что удалось выяснить с очень большой степенью достоверности.

Евграфов был человеком исключительно трудолюбивым, безо всякой пощады к себе и безо всякой устали работающим, несмотря на очень слабое с самого детства здоровье и плохое зрение; Евграфов был постоянно озабочен неукоснительным исполнением того, что он считал своим долгом перед людьми, перед народом, перед Родиной и даже перед человечеством. Эта черта Константина Романовича отмечалась людьми, знавшими Евграфова, ещё при его жизни, ей давали и такие определения как «жертвенное служение», что, пожалуй, можно было бы отнести и на счёт тогдашних стилистических особенностей языка, хотя современникам, вообще-то говоря, виднее: о большинстве других они ведь так не говорили.

Сергей Константинович Евграфов вспоминал об отце: «У него не

было никаких выходных или праздничных дней. Каждый день он выходил в отделение в 9-ть часов утра. В первом часу дня он приходил позавтракать и передохнуть на полчаса или ¾ часа, и опять уходил, и возвращался уже в четвертом часу. И так каждый день. Ни воскресений, ни каких-либо праздников, даже таких, как Рождество, Новый Год, Пасха, для него не существовало»; даже отпуск Евграфов получал, по воспоминаниям его сына, «месячный или полуторамесячный – точно не помню – в два года один раз» (из письма С.К.Евграфова от 8 июля 1976 года, архив музея ОПБ имени К.Р.Евграфова). Сергей Константинович указывает, что в период отпусков Константина Романовича заменял ординатор Мошков Николай Сергеевич, его правая рука на протяжении добрых двадцати лет.

Зинаида Иосифовна Олейникова писала в конце своей жизни: «Являясь сам примером высокой гуманности, человеком долга, К.Р. в этом духе воспитывал своих сотрудников. С глубокой серьезностью относясь к своему делу, К.Р. всегда нам говорил, что наша работа должна быть «не службой», а «служением», требующим самоотверженной преданности делу. К.Р. умел подбирать людей и умел воспитывать преданных психиатрическому делу людей, которые до конца дней своих сохранили о нем воспоминания, полные признательности и глубокого уважения. Несмотря на свою внешнюю суровость, К.Р. удивительно умел подойти к больному, добиться его доверия и привязанности, которую больные сохраняли в течение всей жизни».

Яков Мовшевич Фридлянд – с 1894 года сверхштатный ординатор, в 1895-96 гг. помощник заведующего психиатрическим отделением; затем был прозектором губернской больницы, заведующим женского терапевтического отделения, городовым врачом, преподавателем фельдшерской школы. Из его речи на заседании Пензенского Медицинского Общества, посвященного памяти К.Р.Евграфова: «…Двадцать пять лет назад я молодым попал в Пензу для борьбы с холерной эпидемией. Психиатрией я очень интересовался еще в студенческие годы и, естественно, очень обрадовался, когда узнал, что здесь при Губернской Земской больнице есть хорошо поставленное психиатрическое отделение, где ординатором состоит очень преданный своей специальности и во многих других отношениях очень интересный товарищ, К.Р.Евграфов. Каково же было мое восхищение, когда я встретил не только прекрасного специалиста-психиатра, всецело и бескорыстно преданного своему делу, но и всесторонне и блестяще образованного врача, настоящего интеллигента в лучшем смысле этого слова, не только находящегося на современном уровне научной мысли, и не только медицинской, но и общечеловеческой, и зорко следящего за ней на четырех европейских языках: русском, французском, английском и не-

мецком. Беру на себя смелость утверждать, что по крайней мере за последнюю четверть века ни в городе Пензе, ни даже во всей губернии другого такого всесторонне образованного человека и врача не было. Эта великая духовная сила чувствовалась окружающими и ей поневоле подчинялись. Будучи номинально таким же ординатором, как и все остальные врачи больницы, К.Р. практически был заведующим своего психиатрического отделения: он составлял все проекты, планы дальнейшего расширения и усовершенствований, его доклады, подробные и мотивированные данными науки и практики, служили основой для ходатайств перед земскими собраниями, он, а не старший врач, юридический представитель Губернской Земской больницы, выступал на земских собраниях, когда дело касалось психиатрического отделения, его польз и нужд.

Будучи от природы одарен далеко недюжинными, я бы даже сказал, блестящими способностями, значительной трудоспособностью, любовью к труду, упорством и терпеливой настойчивостью в достижении раз намеченной цели, К.Р. легко мог рассчитывать на более блестящую карьеру, чем скромная должность заведующего психиатрического отделения далеко не крупного губернского города. Нет никакого сомнения в том, что избери К.Р. ученую карьеру, он явился бы вполне достойным, если не блестящим представителем профессуры любого из медицинских факультетов России. Я неоднократно пенял К.Р. за то, что он похоронил себя в этой глуши, в то время как с гораздо большей пользой мог посвятить себя ученой деятельности. На это он неизменно возражал, что там достаточно приманок для привлечения необходимых сил, а глуши тоже необходимы деятели, может быть, и в большей степени, чем центрам, тут творится жизнь страны, от «медвежьих углов» зависит будущее России в гораздо большей степени, чем от центров. И теперь мы видим, как он был прав!

Бескорыстие было отличительной чертой его богато одаренной натуры. Неоднократно он отклонял довольно лестные предложения на места директора крупных лечебниц, не считая возможным оставить психиатрическое дело в Пензенской губернии не доведенным до конца» (газета «Пензенская речь» № 55 от 27 ноября 1917 года).

Все отмечали исключительное бескорыстие Евграфова. Он во всяком случае не построил для себя особняков (хотя беспрерывно вел строительство новых и реконструкцию старых корпусов больницы), после его смерти руководству больницы пришлось хлопотать уже перед новой властью (советской) о том, чтобы обеспечить достойное существование вдове Константина Романовича: «…Довольствуясь жалованием земского врача, принципиально отказался от всякой практики, и после тридцатидвухлетней службы в лечебнице Евграфов умер таким же нищим, как

и поступил. Единственное его достояние – книги, согласно его воле были переданы психолечебнице. Семья Евграфова, состоящая из жены и сына, после его смерти буквально осталась без всяких средств, и жена его до сих пор, несмотря на совершенно расстроенное здоровье и преклонный возраст, принуждена служить библиотекаршей в психолечебнице, получая ничтожное вознаграждение. Всё это побуждает нас ходатайствовать об индивидуальной пенсии вдове Евграфова, который отдал всю свою жизнь страждущему человеку». Новая власть пошла навстречу, учитывая общеизвестные заслуги покойного «на ниве народного здравоохранения», как тогда выражались.

У Евграфова после революции никто ничего не реквизировал, нечего было реквизировать. В госархиве Пензенской области выявлена переписка С.К.Евграфова, которую он повел с редакцией какой-то из пензенских газет, опубликовавшей 5 сентября 1917 года сообщение о смерти К.Р.Евграфова. В нем было сказано буквально следующее: «3 сентября скончался директор психиатрической лечебницы Губернского Земства К.Р.Евграфов, который был одним из лучших цензовых гласных земства. Покойный оставил после себя много научных работ, как по своей специальности, так и из области других знаний. Отличительными чертами покойного были: кристаллическая честность, прямота и доступность для меньшей братии». Текст этот Сергея Константиновича Евграфова возмутил, он счел необходимым «заступиться» за покойного отца: «Открытое письмо. М.Г. Господин Редактор. В № 36 Вашей газеты от 5 сентября 1917 г. помещена заметка о кончине моего отца, директора Психиатрической лечебницы К.Р.Евграфова, в котором между прочим сказано, что покойный был «был одним из лучших цензовых гласных земства». Покорнейше прошу исправить неточность приведенного. Считаю своим долгом исправить неточность приведенного определения и довожу до Вашего сведения, что покойный отец никогда, во всю свою жизнь никакой недвижимой собственностью не обладал и потому «цензовым гласным» быть никак не мог, да и вообще никогда не был как бы то ни было «гласным» земства, а принадлежал к так называемому третьему элементу. С.К.Евграфов» (ГАПО, ф. 229. оп. 1. д. 32, л. 23). Относительно выражения «третий элемент» – оно было пущено самарским вице-губернатором Кондоиди в 1900 году для обозначения лиц, «не принадлежащих ни к администрации, ни к числу представителей сословий», но оказывающих влияние на земские дела, таких как врачи, учителя, техники и т.п. (Т.И.Юдин «Очерки истории отечественной психиатрии», с. 315; Юдин ссылается на Ленина и отсылает к 4-му изданию его сочинений, т. 5, с. 258). Против «третьего элемента» официальные власти боролись, они его

не любили, из какого бы сословия он не происходил, пусть даже из дворян, как наш Евграфов.

Интересна посмертная характеристика Евграфова, именуемого почти во всех документах «тов. Евграфов», данная ему в связи с только что упомянутыми хлопотами о пенсии его вдове перед Пензенским губздравотделом и профсоюзом «Медсантруд»: «…Бедность и культурная отсталость Пензенского Земства не позволила Евграфову оставить по себе грандиозных сооружений в виде колоний и миллионных лечебниц, как в других более богатых губерниях. Психиатрическая помощь в нашей губернии создавалась с кропотливой постепенностью, каждый камень стоил невероятных усилий, буквально отвоевывался у некультурного помещичьего земства. Только ум и энергия Евграфова, его знание местных условий, неустанное стремление к намеченной цели и фанатическая преданность психиатрическому делу могли сломать эти препятствия и создать психиатрическую помощь в губернии. Этому делу Евграфов отдал всю жизнь, затратил на него все силы, отказался ради него от ученой карьеры, имея на нее все права и располагая всеми возможностями. Для нас, его учеников и сотрудников, Евграфов являлся примером врача-гуманиста, врача общественника-земца в лучшем смысле этого слова. Вся его жизнь была бескорыстным служением делу служения больному, обездоленному и забытому человеку. Имея громадную эрудицию, энциклопедические знания и большой практический опыт, Константин Романович Евграфов являлся незаменимым учителем для своих сотрудников всех категорий. Живя совершенно при иных общественных условиях, условиях, ничего общего не имевших с современностью, в период социальных перегородок, Евграфов был высоко демократичен, общителен и доступен для лиц всех социальных положений. Среди персонала лечебницы Евграфов был только первым между равными, более знающим, более опытным уважаемым товарищем. Санитары, его современники, до сих пор гордятся близостью к Евграфову, до сих пор вспоминают его равное отношение, его справедливость, вошедшую в поговорку. Евграфов был живым примером, живой совестью. Отношение его к больным было поистине удивительное. Благодаря своей удивительной памяти и душевному отношению к больным, Евграфов знал каждого больного, видел в каждом из них человека, требовал того от всех своих сотрудников, не допуская в этой области никаких отступлений, и был неумолимо строг с нарушителями интересов больных. Заботясь о положении персонала, ведя неустанную борьбу с земством за улучшение материального положения служащих лечебницы, в отношении себя Евграфов был совершенно бескорыстен».

Евграфов располагал к себе людей даже самим внешним обликом, не говоря про манеру общения: «…Хорошо знакомы и памятны лицам его знавшим, высокая, худая, чуть сгорбленная в последние годы фигура и медленная походка, которой ходил он, опираясь на палку; его лицо с большим открытым лбом, серыми пронизывающими глазами сквозь дымчатые стекла очков и маленькая, седая клинышком бородка. Вот он сидит, углубившись в чтение каких-нибудь специальных тяжеловесных Traite's или Grossbuch по психиатрии. Глубокая тишина царит по всей квартире – домашние берегут его покой и труд. Но вот приходит кто-либо из знакомых врачей, педагогов или из молодежи – завязывается беседа. К.Р. отрывистыми, короткими фразами «нащупывает» ядро собеседника, и полилась живая увлекательная органически всею жизнью выношенная философия жизни, людей и мира. Увлекшись какой-нибудь деталью, К.Р. встает с кресла, подходит к полке с любимыми поэтами, берет один томик за другим и начинает читать. Стихи он читал мастерски и не редко выступал на благотворительных концертах и вечерах, но чаще читал в кругу близких друзей и родных», – это из воспоминаний сына, как мы уже говорили, боготворившего покойного отца. Но самое интересное, что всё это вовсе не преувеличение сына, тосковавшего о безвременно ушедшем любимом отце. Всё это правда. Евграфов, личность харизматическая, пользовался непререкаемым авторитетом у всех, с кем ему приходилось так или иначе, как нынче принято выражаться, по жизни сталкиваться.

П.И.Якобий, нами неоднократно упоминаемый, отличавший некоторой, так сказать, сварливостью характера, очень дурно отзывался о постановке в нашей стране психиатрической помощи, и вообще о русских психиатрах, которых делил на две категории: «живущих на манер тюремных смотрителей», «живущих помещиками». «Москвичей» Якобий не терпел; к представителям «петербургской школы» относился более благожелательно, но не очень-то их баловал. Причиной плохой постановки психиатрической помощи в России, не считаясь с психиатрическими «школами», он называл «антиврачебное антиэтическое отношение врача к больным», которое-де «прочно установилось в сознании… русских психиатров» (Якобий «Основы…», с. 32). Но даже сверхвзыскательный и непреклонно-беспощадный к чужим слабостям Якобий, даже он писал о «немногочисленных в России», но все же «превосходных психиатрических лечебницах», в которых есть «очень опытные, знающие и беззаветно преданные своему делу психиатры», способные «подняться в психиатрии несколько выше портянок, количества мер возделанных больными картофеля» и даже «выше заботы о гигиене больничных помещений» (Якобий «Основы…», с. 146). К этим деятелям «орловец» Якобий отно-

сил пензяка К.Р.Евграфова: «Его отчеты в высшей степени поучительны и заслуживают особого внимания» (там же, с. 554). «Установленный <в Пензенской психиатрической больнице> режим безупречен, ...дело ведется превосходно; no-restraint <нестеснение> практикуется безусловно, и вообще... дело ведется с любовью и знанием» (там же, с. 311).

А уж в своей среде, в своей лечебнице Евграфов был и ум, и честь, и совесть, и руководящая и направляющая сила. Здесь он был и бог, и царь, и герой. Его любили, но его и боялись – разгильдяйства, пренебрежения интересами больных он не терпел. И никакой кумовщины!

Смерть Евграфова показала, насколько его личность влияла на атмосферу в психиатрической больнице. И через пять лет после его смерти к Евграфову обращались, его вспоминали, причем пациенты. Вот, к примеру, стихотворение пациентки больницы, лечившейся в ней при Евграфове и вновь попавшей в нее в 1922 году, во время устроенного новым главным врачом И.А.Арямовым сорокалетнего юбилея лечебницы:

Год юбилейный! Сорок лет,
Сумасшедший дом на свете;
Встань, Евграфов! Поднимись.
Есть сказать что на примете.

Разгильдяйство здесь давно
Для хозяйства добродетель.
Встань, Евграфов! Поднимись.
Будь такой наш благодетель.

Назначенье учреждения
Разъясни слугам своим.
И вложи в мозги раденья
И коллегам и другим.

На безумных лишь лохмотья,
Голых много есть совсем.
Взять бы здешний штат в поводья
На потеху прочим всем.

А питание! Боже правый!
Щи гнилые каждый день.
Вид больных ужасно бравый,
Ходит от больных лишь тень.

Руководишься программой
Коммунистов удалых,
А на деле… Боже правый!
Вид ужаснейший больных.

И отчего такая каша?
От недостатка лишь ума;
Ой, печальна судьба наша.
Здесь не больница, а тюрьма.

Все познается в сравнении. После смерти Евграфова в психиатрической лечебнице наступила настоящая катастрофа. Понятно, что гражданская война со всеми ее ужасами душегубства, с ее хозяйственной разрухой явилась главной причиной разорения лечебницы. Но в любой войне, тем более в братоубийственной гражданской, есть еще одна сторона – даже самые мягкие и добросердечные в обычных условиях люди становятся сугубыми эгоистами, напрочь забывают о других людях. Самим бы выжить.

Все внезапно посыпалось, перевернулось, поползло. Люди обезумели, кто – от чересчур больших аппетитов, кто – от ощущения несправедливости происходящего. Масса совершенно ни в чем не повинных людей, не замешанных ни в какой «политике», оказалась вдруг без источников к существованию: лишь под тем предлогом, что они «представители эксплуататорских классов» их лишили работы, честно выслуженных пенсий. Разрушена была страна, великая держава, и это еще ставилось новым руководством России себе в заслугу. Был убит император, «Николай Кровавый» – и ладно бы он один. Расстреляли его детей, жену, врача императора. Расстреляли без суда, без какой-либо конкретной вины, «просто так – шлепнули, и все». «Отменили» бога, как-будто его можно отменить.

Ладно, это «высокая политика», большинство осталось к этому равнодушным, многие приняли даже с радостью. Но и в повседневной обыденной жизни творилась просто какая-то вакханалия глупости, наглости и насилия. В тихой Пензе на месте старого кирпичного завода, под горой, буквально рядом с губернской больницей, создали концлагерь, куда заключали заложников «до победы мировой революции», их регулярно расстреливали. Белые были, конечно, не лучше красных (из одного ведь куска и те и другие были сделаны и по одному лекалу выкроены, цвет только разный). Но в Пензе, за исключением пары дней в конце мая 18-го года (во время белочешского мятежа), белых не было всю гражданскую войну. В Пензе, всегда бывшей красной, находившейся под юрисдикцией РСФСР («Со-

вдепии», если это название кому-то больше нравиться), население страдало не от белого, а от красного террора. «О, мать-революция, нелегка трехгранная откровенность штыка!» (Э.Багрицкий). Вспомните высказывание Н.М.Морозова, человека евграфовского поколения: «Разве мы карьеристы какие, думающие устроить и свои дела, служа свободе и человечеству?». В Советской России таких карьеристов «на службе свободе и человечеству» отыскалось немало. От одного из таких пострадал наш Евграфов еще до установления в Пензе советской власти (о чем речь пойдет чуть позже). От таких же страдало все губернское здравоохранение. Сведущих людей не слушали, опытные врачи казались новой власти то ли «классово чуждыми», то ли «идеологически невыдержанными», зато какой-то мальчишка, недоучившийся студент неизвестно какого университета А.И.Кривошеев, фельдшер В.Н.Коржинский («ставший потом дантистом» – указывает доктор В.И.Просвирнин), имея в карманах партийные билеты РКП(б) или не имея таковых, вовсю управляли системой губернского здравоохранения. Управляли настолько умело, насколько умения хватало. А его не было вовсе, так что старшего врача общесоматической больницы Н.А.Щепетильникова им пришлось сделать козлом отпущения за их собственные грехи: «Всякие попытки ввести жизнь <больницы> в нормальное русло разбивались о явную недоброжелательность, а может быть, и неумение Пензенского комиссариата здравоохранения. Заявления старшего врача Щепетильникова совершенно игнорировались, а письменные нередко клались под сукно. Такова была политика, во главе которой стоял Коржинский» – свидетельствует доктор Просвирнин уже в 1946 году, будучи вполне советским человеком, отмеченным наградами социалистической Родины. 8 июля 1918 года коллегия губздрава вдруг заметила, что больница развалилась и посему решила «усилить руководство», предав его помощнику комиссара тов. Григорьеву. Был ли Григорьев врачом вообще, никто не знает. Характерно, что не удалось выяснить даже его имя и отчество. Врачи оказались принимать такого нового «главного врача», им указали на дверь: «Несогласным предлагается подать прошение об отставке». К началу сентября 1918 года, а конкретно третьего числа, губздравотдел вообще поставил вопрос «о дальнейшем существовании больницы или ее закрытии». Но, наконец, на следующий день, 4 сентября 1918 года, нашелся кто-то из высших руководителей губернии, решивший все же вопрос о том, чтобы «отставить тов. Григорьева <хоть он и «помощник комиссара»> с должности главного врача Советской больницы и передать ему заведование губернским санитарным отделом» (все же «помощник комиссара»!). Только к 1919 году все вернулось на круги своя: Щепетильников вновь стал главным врачом больницы и оставался им самое тя-

желое время – до 1922 года, вытянув на себе все тифозные эпидемии, голод и полное материальное разорение (из книги Година и соавт. «Путь в полтора столетия, с. 164).

Принадлежность к интеллигенции, а не к пролетариату или трудовому крестьянству А.И.Кривошеева, студента-медика, и В.Н.Коржинского, фельдшера, ставшего дантистом, не вызывает сомнений хотя бы по формальному признаку наличия у них образования выше начального и их причастности к медицине. Интересно следующее рассуждение Евграфова: «… Все-таки тип интеллигентного человека породила христианская церковь… Церковь не есть хранительница только определенной доктрины; она хранит и прививает человеку определенные начала жизни; она образует в нем определенный строй мыслей, определенный порядок чувств, определенный характер настроений, и долго еще человек или общество, отошедшие от церкви, продолжает жить церковными началами, подобно тому, как сосуд, в котором было благоуханное миро, долго еще издает его аромат. В этом мы легко можем убедиться именно на русской интеллигенции, которая так еще недавно отошла от церкви и уже так скоро стала терять свой аромат. Прочтите три предсмертных письма трех осужденных на смертную казнь: Рылеева, Перовской и Каляева, и вам бросится в глаза резкое изменение типа к худшему, да и самая литература (радикальная) признает, что изменился тип интеллигента: из типа подвижнического, он сделался типом «вольницы» (Евграфов, «Credo и исповедь»). Можно не согласиться с ходом рассуждений Константина Романовича, но то, что «ароматом» в 17-м, 18-м, 19-м годах, как говорится, и не пахло, с этим не согласиться невозможно. Уже с 18-го года можно говорить только о смраде, с некоторого времени – по преимуществу трупном…

Должность заведующего психиатрической лечебницей оказалась надолго вакантной и лишь в мае (по другим сведениям в августе) 1919 года она была занята З.И.Олейниковой, а до этого «над врачами-психиатрами не было единого организующего начала и каждый из них непосредственно подчинялся заведующему губернской соматической больницей» (из «Краткой исторической справки Пензенской ОПНБ, составленной главврачом Петром Ивановичем Ивайковым», Пенза, 1955 год, рукопись в архиве музея ОПБ им. Евграфова). Есть другая версия событий: «После него <Евграфова> старшие врачи менялись довольно часто и до апреля 1921 года их переменилось четверо (Н.С.Мошков, Беккер, В.В.Колоколов, З.И.Олейникова)» (Отчет по Пензенской психиатрической лечебнице за 1916-1921 годы, Пенза, 1922, с.21).

Смена руководителей имела, среди прочего, и вполне естественную по тем временам причину – их смерть от сыпного тифа: доктор Беккер

(фон Беккер) Всеволод Вячеславович, 1899 года выпуска, ранее служивший психиатром в Алексеевской психиатрической больнице в Москве, умер весной 1919 года; а Николай Сергеевич Мошков, 1900 года выпуска, долгое время служивший при Евграфове старшим ординатором, умер 25 февраля 1920 года.

Названный в Отчете за 1916-1922 годы старшим врачом Психиатрической лечебницы Колоколов Василий Васильевич, 1886 года выпуска, служивший в 1915 году военным врачом в Пензе, более в истории Пензенской психбольницы никак не отмечен, неизвестно откуда взялся и неизвестно куда ушел. Не исключено, что какое-то время лечебницей заведовала и доктор Хомутова Екатерина Сергеевна, 1906 года выпуска, акушер-гинеколог общесоматической больницы. Во всяком случае именно в этом качестве она подписала воззвание к населению губернии от имени совета врачей Пензенской психиатрической лечебницы: «Просим у населения дать не только хлеб, но и одежду голым, в буквальном смысле слова, больным, чтобы они могли выйти на улицу» (газета «Пензенская речь», от 27 февраля 1918 года). После октября 1917-го не прошло и полугода, а лечебница уже оказалась разоренной.

Состав санитаров за годы войны многократно менялся. Анархия есть анархия: «В тот момент, когда во главе психлечебницы не было руководства (1918 год), многие корпуса были заняты жильцами… Все деревянные корпуса… были заняты жильцами, преимущественно санитарами, фельдшерами, сестрами и другими работниками» (из «Краткой исторической справки Пензенской ОПНБ, составленной главврачом Петром Ивановичем Ивайковым»).

Эпидемия сыпного и возвратного тифов началась в нашей больнице уже в 1918 году. В.Н.Бражас считала, что тиф занесли в лечебницу солдаты, в массовом порядке поступавшие из частей Красной армии. В 1919-1920 годах эпидемия приняла невообразимые масштабы, но точного учета числа заболевших не велось. Все, без исключения, врачи, все работники больницы переболели сыпным или возвратным тифом (из статьи Бражас «Работа Пензенской психолечебницы на военные нужды», с. 29).

«Психически больных осталось мало... Трупы умерших лежали штабелями» (из «Краткой исторической справки Пензенской ОПНБ, составленной главврачом Петром Ивановичем Ивайковым»). Высокая смертность объяснялась и «крайним недостатком питания больных, доходившим в полном смысле слова до «голодного» пайка в ¼ фунта <100 граммов> хлеба в день и небольшого количества мяса при почти полном отсутствии жиров»; не последнюю роль играли в этом выход из строя систем водоснабжения, канализации, отсутствие топлива, упомянутое выше отсут-

ствие теплой одежды, обуви, нательного и постельного белья (из отчета по Пензенской психиатрической лечебнице за 1916-1921 годы, с. 20).

Это объяснялось современниками еще и пренебрежительным отношением к нуждам психлечебницы со стороны руководства Пензенского губздравотдела: «Несмотря на все доводы администрации психиатрической лечебницы о недопустимости и вредности превращения лечебницы вновь в сумасшедший дом, заведующие Губздравотделом (а среди них были и ***врачи*** <выделено автором отчета>) продолжали отбирать корпус за корпусом». Психбольнице из тринадцати (в 1915 году) корпусов оставили лишь восемь (в 1921 году), к тому же самых руинированных. Хозяйство больницы пришло в полный упадок. Не отапливаемые здания рушились. «Дело дошло до того, что в отделениях не было кружек для питья воды, не было столовой посуды, не было даже соломы для набивки тюфяков, ...в женском наблюдательном отделении больные разобрали даже кирпичную стену в изоляторах». Снабжение шло исключительно «по остаточному принципу», вместо белья в психиатрическую лечебницу поступали лохмотья из общесоматической больницы. Не было одежды, обуви. Не было ничего (данные из отчета по Пензенской психиатрической лечебнице за 1916-1921 годы, с. 20).

Этот ужас обрушился в конечном итоге на двух женщин-врачей – Зинаиду Иосифовну Олейникову, 1904 года выпуска, и Варвару Николаевну Бражас, 1903 года выпуска. Потери были невообразимые: все врачи-мужчины скончались от тифа в период с 25 февраля 1919 года по 27 февраля 1920 года: упомянутые Н.С.Мошков, В.В.Беккер, а кроме них – Владимир Лаврентьевич Греке, 1898 года выпуска, умер 1 января 1920 года от сыпного тифа; а доктор Мостовенков (по другим документам Мостовеков) Иван Николаевич, 1902 года выпуска, то есть человек, по крайней мере, нестарый, умер от паралича сердца 19 февраля 1919 года. На месте нормального психиатрического заведения через пять лет революции и гражданской войны остались, в буквальном смысле, развалины, а на месте сада остались лишь пеньки, так как все деревья на территории больницы пошли на дрова.

«Психиатрическое дело, и даже – более узко – психиатрическая больница есть очень верный показатель нравственного развития страны вообще, ...и очень чувствительный реактив на все колебания этого уровня» (П.И.Якобий, «Основы административной психиатрии», с.119). Все, в общем-то, довольно просто: есть кредиты на психиатрическую помощь – есть гуманизм, нет кредитов – есть лишь пустые разговоры о гуманизме. Всё просто.

О том, что психиатрическая больница не смогла оправиться от по-

стигшей ее «гуманитарной катастрофы» и через пять лет после окончания гражданской войны, при НЭПе, когда разруху уже вовсю пытались ликвидировать, можно судить по акту обследования нашего учреждения, составленному 10 мая 1925 года помощником губернского прокурора Антоновым: «…Больница производит удручающее впечатление… В момент обследования я встретил много совсем голых больных (в буквальном смысле слова). Что-то жуткое представляет из себя вся обстановка… Создается впечатление, что на психически больных смотрят как на «конченных» людей, которые могут довольствоваться отбросами... Одним словом, лечебница представляет из себя фабрику слабоумных, содержащихся в обстановке тюремного режима» (машинописная копия данного документа в архиве музея ОПБ им. Евграфова). Если это и было преувеличением, то не таким уж и большим.

Покончим с этой темой, она не вызывает никаких положительных эмоций.

Теперь о другой ипостаси доктора Евграфова. Евграфов был видным общественным деятелем и известнейшим в губернии просветителем. Он много выступал с лекциями на различных городских и губернских собраниях (в конце 19-го – начале 20-го веков общественная жизнь России пошла по пути создания многочисленных Обществ, типа Лермонтовского в Пензе, где можно было достаточно свободно высказать наболевшее), Евграфов много печатался в местной периодической прессе – тут были целые серии статей.

Константин Романович Евграфов был русским интеллигентом в настоящем, изначальном смысле этого порядком затрёпанного от употребления не вполне по адресу слова.

Он был человеком высококультурным, начитанным, просвещённым, к тому же свободно владевшим тремя европейскими языками – немецким, французским, английским (причем английский он изучил уже на шестом десятке). А в самые последние месяцы жизни Константин Романович изучал ещё и итальянский, чтобы наконец-то прочитать в подлиннике «Божественную комедию» Данте! Для Евграфова, с юности напряжённо размышлявшего об «основных вопросах бытия», это было органичным, естественным. Константин Романович много и плодотворно читал, он собрал большую библиотеку на четырёх языках – это были не только труды по психиатрии, неврологии, психологии, но и почти по всем, выражаясь казённым советским языком, «дисциплинам гуманитарного профиля». Евграфов всю жизнь испытывал интерес к философии и истории, о чём можно судить также и по остаткам его библиотеки на иностранных языках (русскоязычные книги по философии были уничтожены еще в период ста-

линского террора «как идеологически вредные»). Из воспоминаний сына, С.К.Евграфова: «Прекрасно и глубоко зная историю философии, имея у себя всегда под руками сочинения чуть ли не всех классиков философии, он в высшей степени отрицательно относился ко всей немецкой школе рационалистической философии. И на первый взгляд причудливым кажется выбор его любимых мыслителей. А таковыми были Паскаль и Фехнер, Карлейль и Эмерсон, Хомяков и Влад. Соловьев». Всё это настолько далеко от нас нынешних, что даже откомментировать каким-либо образом этот список имен мы не в состоянии, и не позволяет это сделать, увы, наше невежество… Надеемся, что читатель настолько подготовлен, что сам может оценить философские воззрения Евграфова, прочитав его работы в настоящем сборнике. У нас же комментарий, пожалуй, единственный, строфа из стихотворения Бориса Абрамовича Слуцкого: «…Томисты и гегельянцы, платоники и т.д., а рядом преторианцы с наганами и ТТ» («Идеалисты в тундре»); заселяли тундры философами-идеалистами, расстреливали их, несчастных, «как бешеных псов», вот и прервалась традиция такого вот философствования.

Константин Романович собрал и библиотеку русской, французской, немецкой и английской (на языках оригиналов) художественной классики. Литературные предпочтения Евграфова были, кажется, обычными для того времени: как истинный сын своего времени он любил из русских авторов особенно Достоевского: «…Из русских романистов он выше всех ставил Достоевского и нередко читал вслух целые сцены из его романов. В его записных книжках сохранились заметки и цитаты для подготовлявшейся им лекции об «отце Сергие и старце Зосиме». Также он очень любил и высоко ценил повести и рассказы Лескова и часто, уже будучи больным, просил читать их ему вслух. Иностранную литературу он знал также хорошо, как русскую, и не только в переводах, но и в подлинниках. Особенной его любовью пользовались английские поэты и романисты – Шекспир, Диккенс и «Озерная» школа, из испанцев Сервантес. Французскую литературу он не любил и делал исключение для одного только Мольера, некоторых лирических стихотворений Гюго и некоторых рассказов Мопассана»; «Любимыми его поэтами были: Пушкин, Тютчев, А.Толстой, Полонский и Влад. Соловьев, а затем отдельные вещи Некрасова, Голенищева, Кутузова, Соколова и Апухтина» (из воспоминаний С.К.Евграфова).

Но читал он, что называется, всё. Евграфов, будучи председателем правления Лермонтовской библиотеки, а с 1908 года и Лермонтовского общества, принимал участие в формировании библиотеки имени Лермонтова. Его вкус, литературное чутье высоко оценивались в Пензе. Евграфов

выступал с докладами в основном в Дворянском собрании г. Пензы, до революции бывшим для людей «из культурного слоя жителей» чем-то, вроде городского Дворца культуры. Еще одним местом для культурных мероприятий, концертов, вечеров встреч с приезжими литераторами и т.п. был Объединенный дом собраний (всесословный), располагавшийся на углу нынешних улиц К.Маркса и Красной (тогдашних Никольской и Дворянской), напротив нынешнего Краеведческого музея (тогда в этом здании находилось епархиальное училище для девочек); были в Пензе другие «площадки», к примеру, зал Собрания торгово-промышленных служащих, с 1916 года Народный дом имени Александра II, Зимний и Летний театры; последний вообще возник под непосредственным патронажем К.Р.Евграфова, как драматический кружок имени Белинского, сначала в недрах Лермонтовской библиотеки (кстати, именно в нем состоялось первое выступление на сцене перед публикой В.Э.Мейрхольда, в будущем великого театрального деятеля). К слову, и будущий Пензенский краеведческий музей долгое время существовал на антресолях Лермонтовской библиотеки, располагавшейся тогда на углу Садовой и Верхней Пешей улиц (Лермонтова и Куйбышева – здание не сохранилось). Только при Советской власти библиотека переселилась в нынешнее свое здание, проектировавшееся под ее там размещение как «народный дом имени Белинского» при непосредственном участии Евграфова.

Константин Романович, как уже было сказано, много печатался в местных газетах. Летом 1916 года в газете «Чернозем», печатном органе губернского земства, им был напечатан целый цикл историко-философских очерков «Беседы с читателем». Из письма С.К.Евграфова О.М.Савину: «…У отца было много статей, речей, докладов, адресов, печатавшихся в… журналах «Пензенский городской вестник», «Вестник пензенского земства», в разных пензенских газетах, даже в «Пензенских епархиальных новостях». Но я не могу перечислить их Вам, так как почти ни одной из этих статей и речей у меня не сохранилось. Только считаю нужным отметить большой цикл статей, печатавшихся в 1916 году в газете «Чернозем» под заглавием «Беседы с читателем». Всего было 24-ре беседы, каждая из которых печаталась в двух-трех номерах газеты. Эти «беседы», вырезанные из газет и наклеенные на листы общих тетрадей, составляют более ста страниц… О чем же эти «беседы»? Они явились как окончание и результат острой полемики между отцом и тогдашним председателем правления Лермонтовского общества – Феоктистовым по поводу предлагавшегося последним займа в тысячу рублей для выписки библиотекой самоновейшей художественной литературы. А в итоге вылилось в изложение отцом его взглядов на текущие события,

на тогдашнее русское общество, в изложение отцом его философских и общественно-политических взглядов…» (О.М.Савин «Родник воды живой», с. 230). Сергей Константинович писал об отце: «…В 1893 году он читает лекции «О важнейших причинах душевных болезней» и впоследствии, печатает их отдельной книгой. В 1902 году – «О психических влияниях на организм» и в 1909 году– «Подсознательная сфера и художественное творчество. Последняя книга является единственной книгой русского автора по вопросу о подсознательной сфере. Эти лекции органически связаны между собой и раскрывают почти все миросозерцание К. Р. Он сам называл первую из них – учением о теле, вторую – учением о духе, третью – эстетикой и, наконец, этикой считал свои газетные статьи в «Черноземе» летом 1916 года – «Беседы с читателем». Возникшие по поводу такого незначительного факта, как усиленное выписывание книг по новейшей беллетристике новым составом правления Лермонтовской библиотеки, они вылились в конечном итоге в раскрытие общественных и педагогических взглядов К. Р. Только тяжелая предсмертная болезнь и смерть помешали обработке их и изданию в виде отдельной книги».

Все его труды написаны прекрасным, воистину русским языком. Казалось бы, прошло столько лет, а они и сегодня читаются с большим интересом, так как несут на себе отчётливый отпечаток эпохи во всех её противоречиях, а главное – незаурядной личности их автора, осмысляющего эту эпоху, жуткую ожиданием еще более жутких времен.

Нам многие суждения К.Р.Евграфова, высказанные в «Беседах», могут показаться необычными. Он вступает в полемику с Дарвином, учение которого Евграфовым отвергается полностью. Но надо учесть, что религиозные чувства у Константина Романовича были искренними и глубокими. Может быть, он и пережил когда-то сомнения, но к концу жизни Евграфов был истово верующим и непреклонно убежденным православным христианином. Этот факт полностью определял его поведение в повседневной жизни, а также все его миропонимание и мировоззрение.

«Credo и исповедь» Евграфова, а также его статья о религиозном воспитании детей, написанные в последние годы жизни, сохранились в единственных экземплярах. Философская работа «Credo и исповедь» вообще никогда не была напечатана, она даже не была закончена, жизни не хватило, рано умер Константин Романович. Евграфов четко дифференцировал религиозную веру от научного познания; при этом они, по его мнению, друг другу не противоречат – ни одно научное открытие, даже самое сенсационное, не может, по Евграфову, опровергнуть существование «Бога как высшей Правды». Он указывал на опасность для молодого поколения псевдонаучных, квазинаучных «истин», быстро становящихся

модными и, как всё модное, объявляемых «последним словом прогресса», не подлежащим критике со стороны «ретроградов». Евграфов, не боясь показаться реакционером и обскурантом, спорит с тем, что благодаря постоянному повторению в печати («средствах массовой информации», выражаясь нашим языком) стало «общепризнанной истиной», опровергнуть которую невозможно.

Он опровергает дарвинизм в его вульгарной трактовке (впрочем, теория Дарвина ему не по душе и сама по себе): «…Долг честной публицистки постоянно обращать внимание общества не к одной поверхности текущих явлений, а к их корням и причинам. Ибо философские, научные, социально-политические гипотезы и теории не только отражаются, в наш век печатного станка, на ходячих мнениях и служат, таким образом, как бы разменной монетой для измерения ценности всех явлений современной жизни, но и влияют на создание будущего – творят жизнь. Доверчивая публика… впадает в соблазн, принимая гипотезу за теорию, теорию за научную истину, предположение и рабочую гипотезу за «закон природы», якобы «установленный наукой», а мнения отдельных ученых – за самою науку... Вспомните, как публика отнеслась к гипотезе Дарвина «о борьбе за существование»и «о происхождении человека»! …Писарев и «передовая» интеллигенция советовали даже Льву Толстому и Щедрину бросить пошлое занятие искусством и учили и молодежь бросить этот вздор, а лучше читать произведения Бюхнера, Молешотта, Фогта, Дарвина. Даже вынимали из рук отцов Пушкина и вкладывали сочинения сих последних! Что поделаешь: и они сами были слишком увлечены; и... малообразованны... Поэтому безудержно и безгранично, со всей силою веры они отдавались служению «новым словам» якобы всесильной западной мысли…» (из «Бесед с читателем»).

Евграфов вполне обоснованно указывает на то, что некритически воспринятые, непереваренные (хотя бы потому не переваренные, что образованность поверхностная, поэтому и возможности понять «малые сии» не имеют) и перенесенные в сферу отношений между людьми идеи Дарвина приводят к появлению следующих умозаключений: «…у популяризатора этой книги у нас Бибикова: «Критические этюды» статья «Сентиментальная философия», с сентенциями вроде: «Закон естественного избрания (т.е. естественного подбора) в приложении к современному человечеству подрывает наши законы политические, гражданские, нравственные». «Чтобы убедиться в этом достаточно указать на преувеличение того сострадания, того милосердия, того братства, в котором наша христианская эра полагала идеал социальной добродетели. На преувеличение даже самопожертвования, состоящее в том, что везде и во

всем сильные приносятся в жертву слабым, добрые – злым, существа, обладающие богатыми дарами духа и тела – существам порочным и хилым (разумей: зачем не истребляются преступники, хилые, вырождающиеся, больные и т.д.)! Что выходит из этого исключительного и неразумного покровительства, оказываемого слабым, больным, неизлечимым, даже самым злодеям, словом, всем, обиженным природой? То, что бедствия, которыми, они поражены, укореняются и размножаются без конца» (разумей: путем полового размножения и подбора). Или: «Так как высшие расы произошли постепенно и что, следовательно, в силу закона прогресса, они предназначены в дальнейшем ходе заместить собой низшие расы, а не смешаться и слиться с ними, при чем они подверглись бы опасности быть поглощенными этими расами посредством скрещиваний, которые понизили бы средний уровень породы (sic!), то нужно не раз подумать об этом, прежде чем провозглашать политическую и гражданскую свободу в народе, состоящем из меньшинства индо-германцев и из большинства монголов или негров. Теория Дарвина требует поэтому, чтобы множество вопросов, поспешно решенных, было снова подвергнуто серьезному исследованию. Люди не равны по природе, вот из какой точки зрения должно исходить» и т.д. и т.д., в этом же роде».

По Евграфову, нравственность и научное познание друг другу никак не противоречат, а находятся в самом что ни на есть органическом единстве («Честность в науке неразлучна с честностью в жизни» – цитирует Евграфов русского врача И.Ф.Иноземцева в речи, произнесенной на юбилейном заседании Пензенского Медицинского общества в 1900 году). А если противоречие реально присутствует, то мы имеем дело не с наукой, а с якобы наукой, наукой в кавычках, и приводит в пример «евгенетику», которую все-таки не стоит путать ни с генетикой, ни даже с «вейсманизмом-морганизмом», поскольку последний все-таки и есть генетика: «Для этой новой «науки» недостает только малости: нет еще достаточно разработанного учения о наследственности и теоретического его обоснования; нет разработанного и проверенного метода для приложения теории к данному реальному индивиду; не существует обоснованного учения о дегенерации (физическо-психического вырождения), уже повсюду принятой и ставшей ходячей «истиной», и не имеется даже достаточного сырого материала фактических данных о регенерации (то есть возрождении), а теории ее и подавно; существующие теории наследственности, весьма изобильные числом, сами себя уничтожают именно этим числом и своими взаимными противоречиями. Далее: для практического применения «требований» этой евгенетики (а требования ее ух какие большие – например, чтобы никто не смел вступать в брак без раз-

решения государства, удостоверяющегося через экспертов в пригодности для сего брачующихся) нужно прежде всего безошибочно решить: се – психопат, се – здоровый; се – дегенерант, а этот нет; вот «преступный тип» и подлежит уничтожению или кастрации; этот – *безнадежно* больной физически или психически, а этот еще может поправиться, чего наилучшие врачи решать в большинстве случаев не берутся, а если берутся, то действительность сплошь и рядом их конфузит… Г.г. жрецы кумира евгенетики и их одурманенные сверхнаучностью приверженцы и единоверцы, по-видимому, не подумали о том, способно ли человечество отрешиться от любви, от сострадания, от желания помочь этим несчастным... Согласятся ли любящие друг друга и желающие сочетаться браком пойти для свидетельствования к эксперту и подчинятся ли они его решению, как бы доказательно оно не показалось государственным чиновникам, от которых зависит выдача разрешения? Согласятся ли на кастрацию больные, «дегенераты», «преступные» натуры? Согласятся ли близкие их и их любящие? И т.д. и т.п. А если государство, уступив требованиям служителей «чистой» науки (см. статью «The scientific claims of Eugenics» bay professor L.T.More in «The Hibbert Journal», 1915, January), вздумает осуществлять эти требования разума, науки и пользы для грядущих потомков, то согласятся ли люди обратить общество и государство в конский завод или в громадное стадо, подвергающееся опытам улучшения его *породы*? Откажутся ли они от свободы, любви к ближним, а следовательно и религиозной веры, личных желаний, стремлений, удовлетворения даже таких всеобщих инстинктов, как инстинкт половой? Не возгорится ли вечная, непримиримая война и вражда между «образованными с научным миропониманием» и неразумными простецами? Но посмотрите, как отражаются в публике сведения о новой науке «евгенетике» и ее требованиях, принятые, как и всё, что идет от столь мощного кумира, как «Наука»! Какие практические следствия: в Сев. Америке в некоторых штатах принимаются законы о кастрации преступников, неизлечимых душевнобольных, о санитарном надзоре за вступающими в брак. У нас «образованные» отцы городов и земские гласные властною десницею сокращают бюджеты на призрение и лечение душевнобольных и оправдывают такую «экономию» не стыдливым и сокрушенным признанием недостатком средств, а апеллируют к *неразумности и вреду* траты общественных средств на поддержание и улучшение учреждений для лечения и призрения разных дураков и психопатов, ссылаясь на науку евгенетику и ее требования! А о других моральных результатах влияния ее учений на публику, на малых сих – я уж и не говорю…».

Любопытно, что в данном случае Евграфов шел против мнения не

только «малых сих», но и «мыслящего меньшинства». Морелевская теория вырождения, по выражению К.Ясперса, «эта вдохновенная в своем роде концепция, вроде бы призванная указать на грандиозную трагедию всего человечества», не утратила еще своего обаяния и среди специалистов, ее в той или иной мере придерживалось большинство психиатров Европы. Русские психиатры (а они всегда были народом человеколюбивым), само собой, не отставали от любых гуманных общеевропейских веяний. Вполне демократичный и вполне прогрессивный Владимир Иванович Яковенко (однокашник Евграфова по МХА), рассуждая вслед за великим Морелем о «серьёзной опасности», связанной, по его мнению, «с невозможностью предотвратить нарождение детей от родителей, ещё не обнаруживших душевные болезни, хотя и несущих к ним предрасположенность», делал из этого вывод о «неприменимости к человеку ветеринарных мер подбора», но неприменимость эту обосновывал, однако, всего лишь «практической её неосуществимостью»!

Сергей Сергеевич Корсаков, самый страстный в России пропагандист «но-рестрента», добрейший Сергей Сергеевич совсем незадолго до своей смерти публично, в своем основном труде, ставшим Библией русских психиатров на многие десятилетия, высказал мысль: «Я считаю, что если существует опасность деторождения от одного из душевнобольных супругов, то это является вполне достаточным основанием для изоляции больного или больной от семьи...». А уж в условиях изоляции и следует применять «но-рестрент». Эмиль Крепелин, «солнце психиатрии», как вполне серьезно назвали его в одном из русских психиатрических журналов в конце 20-х годов XX века, тоже считал «прогрессивным» содержание в психиатрических больницах максимально возможного числа пациентов детородного возраста, а ведь и его никто не посмеет упрекнуть в отсутствии сочувствия к своим пациентам.

Никто тогда не мог, даже в страшном сне, представить саму возможность трагических событий, связанных с планомерным уничтожением государством психически больных в гитлеровской Германии в тридцатые-сороковые года прошлого века! А Евграфов предвидел! Цитируя апологетов «евгенетики», он задает и следующий вопрос: «Не правда ли, читатель, уже попахивает Ницше, Бисмарком и Кайзером, провозглашавшими и осуществлявшими в жизни те же принципы об истреблении слабых, не дающие делом уже, а не словом только, свободы развитию и самостоятельному бытию «низшим» народам; мечтающие обратить в рабство славянство, как Dungervolk, для удобрения германского фатерлянда?», и вновь говорит, что «евгенетика» – это теоретическое обоснование для «создания новой породы людей по мерке современной культу-

ры немецкого образца и для блага грядущего «человечества» по идеалу ницшеанских «рыжих бестий» в лице германцев».

Евграфов знал и понимал интересы и нужды простых людей, если хотите, народа. Врачи вообще, независимо от их социального происхождения, довольно хорошо знают народную жизнь; к психиатрам, как это ни странно, это утверждение относится особенно. По воспоминаниям Сергея Константиновича Евграфова, уже умиравший в самый разгар корниловского мятежа в августе 1917-го года, Евграфов весьма точно предсказал те события, которые вскоре произошли в России, включая взятие государственной власти большевиками и кровавую гражданскую войну с её террором с обеих противоборствующих сторон. Он не был пророком, просто он хорошо знал мировую историю и при этом знал свой собственный народ, понимал и любил его.

Для интеллигентов поколения Евграфова слово «народ» было чем-то вроде слова «Бог». Революционные события 1905 - 1907 годов многих из них заставили, как тогда говорили, «апеллировать к городовому», то есть возненавидеть прежнее своё «божество». Семнадцатый год, особенно его конец, многих из «демократов» сделал вообще «усмирителями», «карателями» или эмигрантами, покинувшими родину в то время, когда она как никогда нуждалась в культурных людях. Представить Евграфова в одной из этих ролей, даже в роли эмигранта, попросту невозможно. Евграфов был настоящим патриотом России, не исключая «России, кровью умытой».

Евграфов, конечно, был сыном своего времени во всех смыслах, включая политические убеждения. О его подростковых политических эскападах мы уже упомянули. В дальнейшем его политические убеждения, а вместе с ними и личные предпочтения кардинальным образом изменились, он, по свидетельству его сына, стал «убеждённым консерватором», но консерватором не охранительного, а либерального толка: «В России трудно быть консерватором, ибо нечего в России консервировать,» – эту расхожую в те времена шутку Евграфов, по воспоминаниям его сына, часто с грустью повторял. Несмотря на свой декларируемый «консерватизм», Евграфов критично относился к существовавшим в тогдашней России порядкам, политическому строю. Он говорил о «самых вопиющих по ненормальности политических условиях, в невежественной и темной, деспотической и бесправной России» (из выступления на 2-м съезде отечественных психиатров в Киеве, 1905 год), он протестовал против смертной казни в разгар революции 1905 года: «О смертной казни… Несколько неловко чувствуешь себя, когда приводятся аргументы защитников ее, что она может быть полезна своим устрашающим влиянием на других; странно их опровергать, когда этика требует, чтобы лич-

ность человека никогда не была целью, а считалась довлеющей себе самоцелью» (там же). Он хорошо знал, что такое произвол местной администрации.

К.Р.Евграфов был даже не кадетом, он был октябристом. То есть монархистом. Ещё в революцию 1905 - 1907 годов Евграфов выдвигал свою кандидатуру в Государственную Думу, естественно, что по октябристскому списку, успешно проиграл выборы, в дальнейшем его участие в политике сводилось исключительно к публичному высказыванию своих взглядов, не отличающихся классовой ненавистью и фанатизмом.

О социалистах, народниках, тем более марксистах он отзывался как о людях заблуждающихся; Маркса он оценил как «отвратительного», но интересен контекст, не очень-то связанный с «политикой» самой по себе: «Не могу здесь не остановиться на отвратительном для всякого мыслящего человека и чувствующего человека мнении Карла Маркса о сущности своего родного еврейского народа, интеллигентная молодежь которого так увлекалась учением К.Маркса и так усердно его пропагандировала. Вот слова Карла Маркса о сущности еврейского народа: «Каково мирское основание еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ евреев? Деньги… Деньги есть ревнивый бог Израиля, рядом с которым не может существовать никакой другой бог… Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека» («К еврейскому вопросу»)… Видеть сущность еврейской религии и еврейского духа в материализме может только **хам**, поднявший руку на отца своего, может только однобокий, сухой и бессердечный рационализирующий ум материалиста-теоретика, каким был Карл Маркс» (из 23-й «Беседы с читателем»).

Евграфов имел возможность читать марксистскую литературу, в том числе нелегальную, она хранилась в Лермонтовской библиотеке. К примеру, в 1897 году полиция конфисковала там запрещенные книги – «Капитал» Карла Маркса, «Кто виноват?» А.И.Герцена и «Рефлексы головного мозга» И.М.Сеченова (последние две книги, конечно, немарксистские, но тоже считались потрясающими государственные основы). Известно, какую охоту вели пензенские правоохранители за «изданием возмутительного содержания» социал-демократической газетой «Искра» (Ленинской «Искрой», как принято было говорить еще совсем недавно); несколько жителей Пензы и пензенской губернии были подвергнуты разным видам репрессий за хранение даже одного ее экземпляра. Так вот, 16 декабря 1936 года «Рабочая Пенза» информировала читателей о таком радостном событии, как обнаружение целых 65-ти номеров «Искры» – и где? Само собой, в подвале бывшего здания Лермонтовской библиотеки…

Евграфов имел возможность (и более того, необходимость) напрямую общаться с марксистами, опять же в той же «Лермонтовке», где, к примеру, активным деятелем являлся В.Е.Благославов, бывший когда-то в Петербурге одним из руководителей первого в России социал-демократического кружка (так называемого «Благоевского»), именно за это и сосланный в Пензу. Имеются указания на то, что сходки социал-демократов, их конспиративные встречи с иногородними профессиональными революционерами проходили именно в Лермонтовской библиотеке. Знал ли об этом ее председатель, наш Евграфов? Может быть, знал, а может быть, и не знал. В любом случае, доносить он не стал бы, даже не разделяя мнений подпольщиков. В этом нет никаких сомнений! Не стал бы он доносить на новых конспираторов, появившихся уже после революции, если бы дожил до тех счастливых времен, в которые недоносительство уже было чревато смертью – Гумилева вон расстреляли за «недонесение». Но Евграфов дожил лишь до сентября 17-го.

Конечно, тон в Лермонтовском обществе задавали все-таки не марксисты и не народники, не «идейные враги» Евграфова. В основном там трудились «на ниве народного просвещения» самые настоящие либералы, будущие кадеты либо октябристы, часть из которых после Октябрьской революции стала политическими эмигрантами: В.Н.Ладыженский (земский деятель), Н.Ф.Езерский (инспектор народных училищ, член 1-й Государственной думы, подвергавшийся при старом режиме – в 1908 году – и аресту и тюремному заключению) – эти люди были не только единомышленниками Евграфова, но и его личными друзьями, друзьями его семьи (на это указывал С.К.Евграфов). К политическим преступникам у Евграфова отношение было, скорее, как лицам, подозрительным на наличие психического расстройства. Из проекта Специального законодательства о душевнобольных, вышедшего из-под пера Евграфова: «Параграф 56. Психиатрическая экспертиза обязательна… в случаях коллективных преступлений, имеющих характер религиозного или политического фанатизма».

В историческую роль рабочего класса не верил, хотя рабочему люду и сочувствовал глубоко и искренне: «Наши рабочие, ослабленные физически, награжденные различными конституциальными болезнями и наследственной хилостью вследствие жизни в вертепах и трущобах тех больших вертепов, которые зовутся большими промышленно-заводскими центрами; оторванные уже давно, иногда на несколько поколений, от своей родины, полей и лесов и чистого незараженного воздуха; от преданий, веры и обычаев своего народа; рабочие, дети которых по воле того же эгоистического и безрелигиозного строя современной культуры и капитализма лишены с нежнейшего возраста питания грудью матери, ее

ласк и попечений; лишены семейной обстановки и воспитания; брошены одиноко среди развращающего и тлетворного влияния больших центров; дети, не видящие света божьего солнца из-за тумана и дыма фабричных труб; не знающие и никогда в жизни не видевшие, что такое поле, нива, как растет хлеб; не слыхавшие свободных песен птиц и песен своего народа; осужденные с малого возраста быть прикованными в тех же мрачных, зловонных и ядовитых казармах к какому-нибудь рычагу или колесу; рабочие, не имеющие, по воле бессердечия людского, досуга зачастую даже для молитвы, посещения школы, чтения, саморазвития и самовоспитания… Забыв слово Божие, что каждая личность не цель, не средство для кого-нибудь или чего-нибудь, а самоцель, образ и подобие Божества – Его дети – их причисляют, как и машины, к орудиям производственного процесса! Кто? Люди же! Братья во Христе! Ведают ли, что творят? Какие семена сеют? Какие будут всходы? Какую участь приуготовляют себе самим?...» (из 14-й «Беседы с читателем»).

Евграфов, как многие другие, предчувствовал неизбежность революции, вполне обоснованно боялся назревающего революционного взрыва, в приближении которого вполне «по-достоевски» или, что вернее, «по-веховски» винил русскую интеллигенцию, с ее подражательностью и поверхностностью: «Свое однобокое знание «образованный» человек несет народу. В нем видит спасение народа от тьмы, невежества и пороков. Но мера их еще не исполнилась. Не пришли еще времена и сроки полного распространения в народе и торжества этой внешней интеллигентской веры. Но отрицательное электричество уже копится в массе народной. Кто может представить тот катастрофический момент, когда между скопившимся отрицательным электричеством и положительными творческими силами народного духа произойдет соединение? Какая всесокрушающая искра пронесется от полюса до полюса существующего мира!... И горе сеявшим ветер! Ибо народ сила… Он наслышался уже, что «нет Бога», а если его нет, то все позволено…» (из 23-й «Беседы с читателем»).

Дореволюционная губернская администрация не очень-то любила К.Р.Евграфова – его считали чрезмерно вольнодумным. Его сын описал это так: «Независимые суждения и порицания, всегда открыто и резко выражаемые, глупостей и подлостей администрации, его личное заступничество за многих арестованных и преследуемых работников и молодёжь, его громадное влияние как популярного и любимого врача – создали ему среди Пензенской администрации славу опаснейшего революционера в Пензе». Смешно, хотя в чем-то и понятно – ведь и сходки происходили в Лермонтовской библиотеке, и нелегальная литература там хранилась…

Ясно, что Евграфов по своим взглядам и всему складу личности был,

– и оставался бы им при любой власти, – противником самоуправства, наглого насилия, начальственного произвола, того, что Салтыков-Щедрин определил как «административный задор». Это не вызывает сомнений. А такие люди «неудобны» для любой русской власти, даже при всей их мягкости и терпимости в обыденной жизни, так как ими трудно манипулировать. Тогдашние власти подозревали Евграфова и в революционности, что объяснялось его «чрезмерной», по их мнению, общественной активностью, а проще говоря, неумением держать язык за зубами, а также «излишней» толерантностью к чужим взглядам. «Беспощадности к врагам рейха» у него явно не было. А вот непримиримость к хамству имелась, на него он реагировал болезненно, иногда даже шантажно (в этом мы, кажется, убедились).

Но Евграфов умел себя сдержать, если это было необходимо для пользы общего дела. К примеру, когда Константин Романович по поручению правления Пензенской Лермонтовской библиотеки отправился в Петербург к Великому князю Константину Константиновичу за разрешением отметить, как подобает, 50-летие со дня смерти В.Г.Белинского, ему пришлось выслушать упрёки члена Императорской фамилии: «Что вы там?! Революцию разводите?». По воспоминаниям сына Евграфова: «И только чрезвычайная выдержка, знание людей и необычайная сила убеждения помогли К.Р. выйти с честью из этой беседы с великим князем и вызвать его сочувствие и содействие делу первого, повторяем, в России чествования Белинского».

Более того, Великий князь Константин Константинович взял юбилей Белинского под свое официальное покровительство, а когда Лермонтовское общество получило от Департамента полиции МВД отказ в присвоении вновь открытой общедоступной народной библиотеке (на Базарной площади в Пензе) имени Белинского и обратилось к нему с ходатайством, Великий князь Константин сделал соответствующее распоряжение по существу дела (ГАПО. Ф.5, д.8844, л.6). Кроме того, он, писавший стихи и публиковавший их под псевдонимом «К.Р.» (то есть «Константин Романов»), прислал свое стихотворение «Ты победил, Галилеянин!» в сборник «Памяти Белинского», изданный в Пензе в 1899 году.

Революционность Белинского, его ненависть к императорской России, его безбожие сомнений не вызывают. Сам Евграфов Белинского определил в своей работе «Credo и исповедь» как «отца нашей атеистической интеллигенции», что у позднего Евграфова звучало скорее отрицательно, чем положительно.

Но Евграфов же писал когда-то (стихотворение не датировано):

Велик Белинского был гений,
Любовью пламенной он к Родине горел
И верил он в великую судьбу народа,
И в роль ведущую его он верил
Для грядущих всех племен.
И вот сбываются слова его златые:
Россия во главе свободолюбивых стран,
И голосу ее внимают все народы,
И счастья ждут из рук ее…

В 1897 году, ратуя за создание в Пензе памятника Белинскому, Евграфов писал: «Праздник 50-летия со дня смерти Белинского не может быть только местным торжеством»; по мнению Евграфова, люди должны знать имя человека, «горевшего пламенной любовью к истине, правде и людям, …учиться чтить память таких людей и познавать, что Отечеством не забываются труды их на пользу общую».

Еще раз о Лермонтовском обществе и Лермонтовской библиотеке, одним из создателей и в течение долгого времени главным руководителем которых был Евграфов. «Сера и буднична была тогда общественная жизнь в Пензе, где, кроме подполья, на поверхности только тлелась искорка Лермонтовской библиотеки» (Н.Д.Волков, «Театральные вечера», М., 1966, с. 7). Лермонтовская библиотека «в мрачную эпоху девяностых годов была единственным оазисом, вокруг которого группировалась передовая пензенская интеллигенция» (Я. Фридланд). О.Савин: «Вплоть до самой кончины К.Р.Евграфов занимался делами «своей» библиотеки. 1 октября 1895 года он выступал на трехлетнем юбилее, заявив: «Начало сделано, учреждение возникло, крепнет и ширится. Пусть каждый приносит сюда маленькую частицу своего труда, своего времени и средств… Маленькие песчинки, мелкая будничная деятельность! Осветите эту деятельность светочем сознания… Ведь это труд для успехов просвещения нашего Отечества. Ведь это наш великий, даровитый русский народ нуждается в просвещении – помогите же ему!». Публикуя в нескольких номерах речь К.Р.Евграфова, губернские «Ведомости» привели и его слова, посвященные М.Ю.Лермонтову. «Его имя, – отмечал Константин Романович, – послужило знаменем для чтущих его потомков при создании этого учреждения, оно дало толчок к его возникновению… Скорбная поэзия Лермонтова будила сердца людей, вливала в них поэтические идеалы». Фридланд вспоминает: «Весь свой досуг он посвящал Лермонтовской библиотеке… Каждую субботу вечером К.Р. одним из первых являлся на заседания Правления библиотеки, будучи долгие годы бессменным

председателем. Он не ограничивался одним председательствованием, но принимал самое деятельное участие во всем том, что так или иначе требовали интересы дела, не уклоняясь от будничной, черной работы. А те спектакли или концерты, которые являлись одним из главных источников дохода библиотеки! Всё делалось лично К.Р., он подыскивал исполнителей, делал нужные визиты нужным людям, облекался во фрак и сам выступал с декламацией, будучи недурным чтецом. А юбилейные празднества памяти Лермонтова, Пушкина, Белинского! Всё тот же К.Р. являлся инициатором и главным работником».

Но эпоха всё же была такая, что любая попытка самодеятельности, просветительства рассматривалась как потенциально враждебный государству акт. В мае 1898 года начальник Пензенского губернского жандармского управления доносил в столичный Департамент полиции о братьях Евграфовых (Константине и Николае Романовичах) именно в связи с празднованием юбилея Белинского: «Во главе комиссии был доктор Евграфов и родной его брат, заведующий Лермонтовской бесплатной читальней. Оба эти Евграфовы – лица, безусловно, неблагонадёжные в политическом отношении».

Евграфов был просветителем в лучшем смысле: «Главнейшее бедствие нашей великой родины состоит в бедности просвещением и невежестве народной массы... Наш народ жаждет просвещения; его дети рвутся в школы; на скудные гроши он открывает читальни и библиотеки. Знаний, знаний больше пролейте, больше света и знаний для нашего дорого отечества, и мы будем сильны и богаты!».

К сожалению, многие обстоятельства не позволили Константину Романовичу полностью реализовать себя как ученого. Задатки у него были недюжинные, недаром его называли энциклопедически образованным. Похоже, решающую роль тут сыграли те черты характера, которые Евграфов подметил у своего первого старшего врача В.Д.Владимирова: «…Как многие даровитые русские люди, В.Д. был крайне строг к научной работе; русская застенчивость не позволяла ему выступать с мелкими работами в печати». Кроме того, в Пензе для этого просто не было подходящих условий - Пенза действительно была захолустьем, глухой провинциальной дырой, местом ссылки для столичных жителей, Пенза никогда не была университетским городом, а наукой в те времена можно было всерьёз заниматься, лишь работая на кафедре или в университетской клинике.

Евграфов был участником всех психиатрических съездов, состоявшихся в России при его жизни; на всех съездах он выступал, его выступления вызывали живой интерес, на них потом ссылались, его мнение

считалось авторитетным. В 80-е годы XIX века по России не было статистической отчетности, достоверных данных о количестве больных в населении. После переписи И.Ф.Рюля прошло полвека. Константин Романович составляет так называемые статистические листы и рассылает их по уездам нашей губернии. В 1890 году он посылает в «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии» свой труд «Свод данных об умалишенных Пензенской губернии». Его «Отчеты» сначала по психиатрическому отделению, а затем по психиатрической лечебнице Пензенского губернского земства – сами по себе научные труды. До 1915 года они рассылались по многим аналогичным учреждениям России; эти отчеты цитируются Т.И.Юдиным, на них ссылаются другие психиатры России (особенно по вопросу о посемейном патронаже). Евграфова избирают действительным членом Казанского и членом-корреспондентом Московского общества психиатров и невропатологов. Он участвует в работе всех съездов Пироговского медицинского общества. Евграфов избирается в состав подготовительного комитета по созыву 3 съезда отечественных психиатров, в состав врачебной комиссии по созыву первого Русского съезда психиатров и невропатологов, на котором председательствует на одном из заседаний и выбирается затем в состав Совета Союза, опередив по числу поданных за него голосов таких видных ученых, как В.П.Осипов, Р.И.Россолимо, О.А.Чечотт, Л.А.Прозоров. Поражает широкий круг вопросов, входивших в компетенцию Евграфова. Так на первом съезде отечественных психиатров он выступал 6 раз, на втором 12 раз по проблемам, касающимся законоположения о помощи душевнобольным, о реорганизации старых домов умалишенных, о применении системы нестеснения, о судебно-психиатрической экспертизе, об уставе общества психиатров и невропатологов, о применении гипнотизма и по другим вопросам. В 1911 на Московском 1-ом съезде невропатологов и психиатров был избран товарищем председателя Всероссийского съезда невропатологов и психиатров. К.Р.Евграфов активно пропагандирует свои взгляды в переписке с такими ведущими психиатрами того времени, как И.А. Сикорский, С.С. Корсаков, П.И. Якоби. Он сотрудничал с психиатрическими журналами, вышеупомянутым «Архивом психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», «Современная психиатрия», «Журналом невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова». Печатные работы Константина Романовича «О посемейном призрении психически больных» - 1908г.; «Ближайшие задачи в области попечения о психически больных», научно-популярные «О важнейших причинах душевных болезней» и «О психических влияниях на организм» издавались в Пензе.

Евграфов готовил, по поручению 1-го Съезда невропатологов и психиатров 1911 года, проект «Законодательства о душевнобольных», но закончить его не успел. Работа эта представляет теперь интерес исключительно исторический. Мы должны помнить, что наш Евграфов был одним из первых разработчиков отечественного закона о психиатрической помощи.

22 июля 1899 года в помещении психиатрической лечебницы состоялось первое заседание Пензенского Медицинского общества. Устав Общества был утвержден в МВД еще 29 мая 1899 года. Президентом Общества был избран старший врач губернской земской больницы В.В.Лезин, а вице-президентом К.Р.Евграфов. В 1900 году Евграфов на заседании Общества демонстрировал больную с Адиссоновой болезнью. 1 февраля 1901 года на 17-м заседании Общества Евграфов выступил с сообщением «Два случая острой желтой дистрофии печени» (В.Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 117, 121, 123). На заседаниях Общества Евграфов выступает в прениях по докладам врачей других специальностей. Он не замыкается только на вопросах психиатрии и смежной невропатологии, его работа на соискание степени доктора медицины посвящена острой желтой дистрофии печени. Впрочем, непроницаемых переборок между врачами разных специальностей, какие имеются сейчас, тогда не было. Врачей в губернии было немного, они работали бок о бок. Евграфов – активный участник всех губернских съездов земских врачей. 28 сентября – 4 октября 1898 года в Пензе проходил 8-й съезд земских врачей Пензенской губернии. 20 октября перед делегатами выступил М.Н.Ягодинский, который прочел доклад «О необходимости устройства уездных врачебных библиотек». О создании подобной библиотеки, но губернской, говорил на этом же съезде К.Р.Евграфов. Съезд постановил: «Ходатайствовать перед губернским земским собранием о назначении 100 рублей для выписки книг для психиатрического отделения и 200 рублей для остальной больницы» (В.Годин и соавт. «Путь в полтора столетия», с. 114).

Последний год жизни Евграфова пришелся на период второй и третьей русских революций. Февральская революция даже у нас, в тихой Пензе, началась с дикого случая, убийства на Соборной, ныне Советской, площади (перед Спасским кафедральным, самым старым в городе, собором): солдаты запасных полков, собравшиеся на первый после отречения Николая II митинг по случаю победы демократии в России, растерзали генерала уже обновленного Отечества, коменданта местного гарнизона Бёма, среди прочего посмевшего им напомнить, что, вообще-то говоря, пасть за Родину, пусть даже и революционную, – это служебный долг солдата. Но солдаты воевать не хотели. Пытавшийся защитить генерала

Бёма прапорщик Роман Гуль (в последующем участник корниловского «Ледового похода», белоэмигрант и известный писатель, пензяк по рождению, хотя и немец по отцу, тоже, кстати говоря, члену правления Лермонтовской библиотеки и Лермонтовского общества, хорошему знакомому нашего Евграфова, почти наверняка знавшего и его сына – Пенза, особенно Пенза интеллигентская, была городом тесным, все эти люди жили в «верхнем городе», на небольшом пятачке вокруг Соборной площади, и были друг у друга, конечно же, на виду) вспоминал, как бородатый солдат размахивал красной подкладкой растерзанной вместе с хозяином генеральской шинели и кричал: «Вот оно, отпускное свидетельство!», а в это время двое других солдат отрезали перочинным ножом палец у трупа, чтобы снять с него обручальное кольцо. Это происходило в центре города (в пяти минутах ходьбы от квартиры Евграфовых, кстати говоря), может быть и под звуки духовой музыки… Праздник все же, «Праздник свободы», как это официально было поименовано.

Но до гражданской войны надо было еще дозреть. Мартовские эксцессы остались позади, власть в стране формально принадлежала Временному правительству. Комиссаром последнего в Пензе стал князь Кугушев, хорошо знакомый Евграфову как земский деятель. Земцы, бывшие и настоящие, составили новую губернскую администрацию. Совет рабочих, крестьянских и военных депутатов находился под полным контролем эсеров (прямых наследников народников, идейных противников Евграфова, так горячо взятых им под защиту за полгода до февральской революции) и эсдеков меньшевиков (тоже не вполне чуждых ему, хотя их идейный отец и получил отпор Евграфова как «хам» и Иван, родства не помнящий). На всю полноту власти Совет в Пензе отнюдь не претендовал, оставляя за собой исключительно «контроль за действиями новой администрации». 17 марта 1917 года, ровно через неделю после Праздника свободы, во время которого был растерзан Бём, организован профессиональный союз низших служащих больниц Пензы. Для Евграфова, постоянно ведшего борьбу за улучшение условий труда работников лечебницы и достойную его оплату, вряд ли этот факт был ударом.

«Когда разразилась вторая революция в 1917 году он лежал в постели больной и слабый и не мог принять уже никакого активного участия в общественных и политических делах. Но и тут он с жадностью следит за развертывающимися событиями и особенно проникновенны были его беседы в этот предсмертный период его жизни» – из воспоминаний С.К.Евграфова. К этому периоду относится его дискуссия на страницах губернских газет с Василием Кураевым, руководителем пензенских большевиков. Смысл этой дискуссии нам неизвестен, но догадаться можно, зная

взгляды Евграфова, его декларируемый консерватизм. Но и тут, по свидетельству сына, Евграфов оставался самим собой, то есть человеком мудрым и прозорливым: «…Замечательно, что весь его консерватизм не помешал ему увидеть и положительно оценить наиболее глубокие и высокие идейные течения революции… Июльские дни 1917 года в Петрограде он воспринял как неизбежную и скорую победу коммунистов-большевиков, подсмеиваясь шутя над бессильными потугами кадетов и правых социалистических партий. Он говорил даже о неизбежном разложении армии, о тяжелом заключении мира, о длительной гражданской войне, голоде, эпидемии и всем том, что для нас стало уже прошлым... Замечательно, что весь его консерватизм не помешал ему увидеть и положительно оценить наиболее глубокие и высокие идейные течения революции. Мы помним, как он неоднократно говорил, что в знаменитых лозунгах, выброшенных в 1917 году Советами Рабочих Депутатов – «Мир без аннексий и контрибуций», «Мир на основе самоопределения народностей» – гораздо больше внутренней и человеческой правды, чем в мертвенных и фальшивых потугах Временного правительства, К.Р. видел в них крик наболевшей бесхитростной души русского народа, крик безумной жажды правды и справедливости».

Однако, хотя душа русского народа, само собой, «наболевшая» и «бесхитростная», хотя он и жаждал правды и справедливости, жажда эта все-таки недаром названа «безумной» (понятно, что имеется в виду не отсутствие разума самого по себе, а накал страстей), да и криков было чересчур много, да и большинство из них явно раздавалось не по делу. Рушилось всё, анархия нарастала, фронт разваливался, крестьяне захватывали усадьбы, жгли их, фактически началась уже гражданская война, возникали уже вооруженные отряды, как красных, так и белых (причем отряды белых возникли у нас раньше – известная всем по фильму «Операция Трест» Мария Захарченко-Шульц, выпускница Смольного института и солдат Мировой войны, именно тогда организовала «молодежный отряд для защиты помещичьего имущества в Пензенском уезде»). Убийство Бёма не было случайным, страна устала от одной войны, но была готова к другой, лозунг «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую» огромными массами людей не воспринимался как предательский. Неизбежность гражданской войны была очевидна и тем, и другим. Надо было что-то решать, надо было спасть хотя бы то, что можно было спасти, а работникам больницы (включая «низших служащих») надо было помогать конкретным людям, нуждающимся в их конкретной помощи, надо было исполнять свой профессиональный и служебный долг, в конце концов – это был долг перед собствен-

ным народом, включая его «сумасшедшую часть», а в ответ раздавалась пока лишь демагогическая болтовня, и не только со стороны представителей Временного правительства. Для Евграфова, человека дела, человека долга, принцип «Не больница для служащих, а служащие для больницы» был основным. Из воспоминаний С.К.Евграфова: «В разгар шкурнических интересов для некоторых стояла помехой его бескорыстная, смелая, честная фигура… Он, вопреки требованиям лечивших его врачей, со стоном вставал с постели и шел на бурные заседания Советов больницы, бурные от слишком разгоравшихся аппетитов…». Однако одно из таких заседаний (11 августа 1917 года) состоялось на квартире Евграфова, располагавшейся непосредственно в главном корпусе лечебницы. На нем обсуждался проект устава психиатрической лечебницы, что, понятно, без ее директора (к тому же фактически и создателя) делать было бы неправильно. Тяжело больной Евграфов, почти не встававший с постели, физически немощный, но обладавший, похоже, абсолютным нравственным авторитетом, в связи с этой ситуацией подвергся самой подлой травле.

В августе 1917 года в газете «Борьба», органе губернского комитета РСДРП (тогда в Пензе объединенного, меньшевистского и большевистского), появилось письмо врачей Пензенской губернской Земской больницы, которое называлось «Назревающий конфликт». Смысл его сводился к следующему: «...Общее собрание Пензенского медицинского общества и врачей г. Пензы, обсудив 21 августа положение дел в Губернской Земской больнице, постановило: признать, что дело лечения больных в Губернской Земской больнице в связи с административно-хозяйственной разрухой продолжает регрессировать и грозит в ближайшем будущем эксцессами самого тяжелого характера и непоправимыми бедствиями для больных», рекомендовало следующие меры: 1) немедленно должны быть удалены из больницы те из служащих, которые чинят непорядки в жизни больницы; 2) никакие митинги не должны быть допускаемы в стенах больницы; 3) врачам должно быть представлено в необходимых случаях право экстренного устранения служащих с территории больницы; 4) заседания больничных Советов должны происходить временно вне стен больницы; 5) представительство низших служащих в больничных советах должно быть представлено только палатным служителям и служительницам больницы; 6) в случае неисполнения этих мер со стороны Управы врачи Губернской больницы имеют моральное право подать коллективно в месячный срок в отставку».

Практически одновременно там же была напечатана декларация Гладкова, руководителя Совета младших служащих (или, что одно и то же, Союза рабочих губернской больницы, организации в общем-то про-

фсоюзной), человека для больницы случайного и абсолютно чужого, однако прыткого (и, скорее всего, карьериста, ловившего рыбку в мутной воде революционных событий), в которой он вполне обоснованное беспокойство врачей третировал как «явно провокационные слухи» о том, что «жизнь больничная в недалеком будущем может встать, что лечение больных будет невозможно»; в ответ на «вражескую провокацию» тов. Гладков от имени Правления союза рабочих «самым категорическим образом» доводил до сведения граждан, что «никакой анархии или чего-либо подобного в больнице нет», что Совет рабочих примет решительные меры по отношению в паникерам и саботажникам (эти слова не произнесены пока, но смысл, всё же, именно такой), кем бы они не были, хотя бы и врачами.

А ведь гражданская война еще, формально говоря, не началась пока, еще не прозвучало: «Тише, ораторы, Ваше слово, товарищ Маузер!» Всё было впереди…

Видеть, как рушится дело всей жизни, невыносимо тяжко.

Гладков, кроме того, опубликовал в № 97 Пензенских «Известий раб., крест. и солдатских депутатов» (номер не сохранился) заметку, в которой нанес Евграфову личное оскорбление... «Эта выходка страшно взволновала К.Р., ухудшила его состояние и, может быть, ускорила его смерть» (из воспоминаний С.К.Евграфова). Евграфов вынужден был отвечать наглецу, его письмо в редакцию было опубликовано в тех же «Известиях» в конце августа или начале сентября: «Оставляю без возражения другие стороны заметки г. Гладкова, касающиеся моей личности... Интересы трудящихся и населения, свободу и достоинство их я защищал и словом и делом еще тогда, когда г. Гладкова на свете не было» (в нашем музее имеется фотокопия газетного ответа Евграфова Гладкову).

Не прошло четырех месяцев, и все прогнозы сведущих людей, врачей губернской больницы, сбылись с лихвой. Действительность, как мы уже знаем, оказалась еще страшнее.

К.И.Гладков 9 октября 1917 года был избран во временный комитет Пензенской группы РСДРП (большевиков и интернационалистов), 17 октября того же года он обнаружился как гласный городской думы от большевиков, последнее его явление документировано 17 ноября 1917 года – в составе бюро Пензенского совета профсоюзов («Очерки истории пензенской организации КПСС», Пенза, 1974, с. 70, 71, 76). В № 44 газеты «Борьба» от 17 сентября 1917 года Гладков опубликовал сообщение о том, что Правление профсоюза (а значит, и он сам) присутствовало на похоронах «одного из самых лучших и неутомимых работников, принесшего так много пользы своим трудом и знаниями страждущему

человечеству, Директора психиатрической лечебницы К.Р.Евграфова». Его кончину Гладков называет «безвременной» и выражает его вдове «А.Ф.Евграфовой глубокое сожаление о столь тяжелой утрате». Удивительная простота! Как и когда кончил свою жизнь г. Гладков, нам неизвестно...

Константин Романович Евграфов умер 3 (16) сентября 1917 года, не дожив двух лет до своего шестидесятилетия и двух месяцев до Великой Октябрьской революции.

По свидетельству его сына, которому вполне можно верить, так как сообщения о смерти Евграфова были опубликованы в сохранившихся в областном архиве газетах разного политического толка – и будущих пензенских большевиков («Вперед») и уже состоявшихся кадетов («Пензенская речь»), уже через несколько месяцев стрелявших друг в друга без малейших колебаний: «…Около его гроба объединяются люди самых разнообразных и даже противоположных убеждений, взглядов, общественных положений, политических партий; над его могилой говорят прочувствованные речи, полные преклонения и любви к угасшему поборнику правды; его гроб утопает в цветах, венках и лентах с надписями: «Другу страдающего человечества», «Всю жизнь болевшему за молодежь», «Создателю Пензенской Психиатрической лечебницы» и т. д. Громадная толпа народа, представителей, правительственных и общественных организаций, сослуживцев, врачей, служительского персонала, фельдшеров, больных, друзей и знакомых провожают его тело на кладбище…». По сведениям краеведа Б.Н.Гвоздева, на могилу возложили много венков с надписями: «Своему почетному члену… Общество М.Ю.Лермонтова», «Другу больных от Пензенского Общества Красного Креста»; «Врачу-гуманисту благодарное Земство»; «Незабываемому товарищу от Пензенского Медицинского общества»… (Годин и соавт., «Путь в полтора столетия», с. 162).

Константин Романович Евграфов был похоронен на кладбище мужского Спасо-Преображенского монастыря в Пензе; на простом черном кресте на его могиле была надпись: «Дети, любите друг друга».

Спасо-Преображенское кладбище, бывшее в дореволюционной Пензе чем-то вроде Новодевичьего кладбища в Москве, было закрыто еще в 30-е годы, а окончательно уничтожено в годы Отечественной войны, на его месте построены цеха Пензмашзавода, выпускавшего тогда системы залпового огня БМ-13, иначе говоря «гвардейские миномёты», «катюши».

С любовью друг к другу проблемы не исчезли, и, похоже, ещё долго не исчезнут. Есть проблемы с уважением к чужой личности, со взаимной терпимостью.

Константин Романович Евграфов сам был человеком светлым и несшим свет другим. Память о нём, такая же светлая как он сам, не умерла, хотя со дня его смерти минуло почти сто лет, и не умрёт, будем надеяться, хотя бы до тех пор, пока будет жить его главное детище – Пензенская областная психиатрическая больница, носящая его имя.

* * *

Что случилось в дальнейшем?

В 1921 г. полуразрушенная губернская психиатрическая лечебница получила полную самостоятельность от соматической больницы (главный врач Иван Антонович Арямов), но в 1923 г., изрядно «похудевшая» (осталось не более 250 коек) вновь стала структурным подразделением Губернской советской больницы «с сохранением автономии». В осени 1927 г. больница стала самостоятельным лечебным учреждением, в последующем таковым все время оставалась. Она существовала полгода под названием «Пензенской губернской психиатрической». В 1928 г. губернское деление в стране было ликвидировано, больница стала именоваться «Пензенской окружной» в составе Средне-Волжского (с 1935 г. Куйбышевского) края, затем Пензенской городской психиатрической больницей в составе Тамбовской области (1937-38 гг.); при этом, вплоть до открытия в Саранске республиканской психиатрической больницы, она продолжала обслуживать Мордовскую АССР, большая часть территории которой ранее входила в Пензенскую губернию. В январе 1939 г. создана Пензенская область в составе РСФСР, и вскоре Пензенская психиатрическая больница получила статус областной. До 1952 г. ею руководила Заслуженный врач РСФСР З.И.Олейникова, ученица К.Р.Евграфова. Пензенская психиатрическая больница, руководимая Олейниковой, восстановила собственный амбулаторный приём, еще в 1925 году создала диспансер (позже ставший на какое-то время самостоятельным учреждением), были открыты детское отделение, загородные отделения (Ахунское и Полевой участок), возродились лечебные мастерские, снабжение больных стало более или менее сносным (за исключением периода голода времен коллективизации и Отечественной войны). Число отделений увеличилось, как и количество коек в них, хотя уровня 1912 года так и не достигло вплоть до послевоенных времен. В больнице возрождались старые и внедрялись новые методы лечения - биологическая терапия психозов в 1-ю очередь. В 1940 году создана СПЭК, одна за другой стали функционировать клиническая, биохимическая, серологическая, патогистологическая лаборато-

рии, рентгеновский и физиотерапевтический кабинеты. В 1943 году создается психиатрическая ВТЭК. В 1946 году был открыт зубоврачебный кабинет, в 1947 году – аптека. В 1947-1948 г.г. врачи психиатрической больницы начали выезжать в районы области, вести учет душевнобольных, оказывать консультативную помощь, участвовать в заседаниях районных ВТЭК. В 1948 году психоневрологический диспансер был вновь объединен с больницей, что позволило в значительной степени внедрить в жизнь психиатрической больницы принцип преемственности. Потребность в психиатрических койках в Пензенской области в те годы не удовлетворялась, что связано было с недостатком лечебных площадей в единственном на всю область психиатрическом лечебном заведении. Больница существовала в зданиях, построенных еще при Евграфове, а главный ее корпус был выстроен задолго до рождения Евграфова – в 1846 году. Материальная база учреждения не только не расширялась, но из-за недостатка финансирования ее едва-едва поддерживали в более или менее сносном состоянии – скорее менее, чем более. Однако больница существовала и в этих трудных условиях. В середине 50-х годов в психиатрии произошла революция, связанная с широким внедрением в практику нейролептических препаратов, началось широкое применение психотропных препаратов в ППБ. После ухода на пенсию Олейниковой, находившейся уже в весьма преклонном возрасте (72 года), больницу возглавил Петр Иванович Ивайков, а с 1963 года – Анастасия Михайловна Новосельцева.

В конце 60-х годов, когда резко увеличиваются финансовые вложения в психиатрию, начинаются новые времена, связанные для Пензенской ОПБ с именем Льва Марковича Лебедева, возглавлявшего её с 1969 по 1995 год. Л.М Лебедевым, его соратниками Е.С. Сгибовой, Г.Ф. Вельковским, В.П. Сапегиным, И.Н. Абезгаузом, М.Д. Дубровиной, А.П. Абрамичевым и другими, творчески развиваются «евграфовские традиции» в больнице, ей возвращается всесоюзная и всероссийская известность и статус одного из ведущих психиатрических лечебных учреждений СССР. 21 ноября 1977г. состоялось торжественное открытие мемориальной доски в память о К.Р. Евграфове, был открыт его мемориальный музей. «Эпоха Лебедева» характеризуется тем же динамизмом развития нашего учреждения, что «эпоха Евграфова». Под руководством Льва Марковича больница приобрела облик современного психиатрического учреждения. Были выстроены новые корпуса, в этих зданиях в настоящее время и функционируют основные лечебные подразделения. Построен современный пищеблок, конференц-зал. Организовано туберкулезное отделение для психически больных,

создано отделение функциональной диагностики с ЭЭГ-исследованиями, ультразвуковыми методами диагностики, ЭКГ. Открыты гинекологический, эпилептологический кабинеты, магнитофонно-машинописный центр. В 1972 году в больнице появился первый психолог, основной задачей которого являлось патопсихологическое исследование некоторых клинических случаев, наиболее неясных в диагностическом плане. В последующие годы создана психологическая служба. Психологи работают в каждом лечебном и экспертном подразделении, занимаясь диагностикой, психологической коррекцией, решением экспертных вопросов. Одной из первых в нашей стране в Пензенской ОПБ была организована психотерапевтическая служба в составе двух стационарных отделений, психотерапевтического амбулаторного приема – это тоже произошло при Лебедеве, в течение первой половины 80-х годов. В организационном плане произошла существенная перестройка – с начала 70-х годов больница перешла на участково-территориальный метод обслуживания. Отделения из прежних «острых» и «хронических», «спокойных» и «буйных» были перепрофилированы в общепсихиатрические территориальные. Участково-территориальный принцип организации психиатрической помощи, внедрённый в 1973 г., укрепил сложившееся единство внебольничной и стационарной помощи, а также содействовал развитию преемственности во внебольничном и стационарном звеньях психиатрической службы. Внедрение элементов интенсивной терапии психозов, купирование рецидивов в амбулаторных условиях, досрочный перевод больных из стационара на амбулаторное лечение, разработка и внедрение принципов преемственной поэтапной терапии психически больных, увеличение числа профилактических посещений позволяло утверждать, что произошло смещение акцента психиатрической помощи на внебольничное звено. В 1987 г. в больнице было организовано первое, а в 1988 г. и второе стационарно-диспансерное объединение (ДСО), уникальная форма организации психиатрической помощи, имевшаяся только в Пензенской области. Каждое ДСО включало психиатрический стационар по 120 коек, 9 психиатрических участков и дневной стационар по 60 мест. Последние располагались на площадях лечебно-трудовых мастерских (ЛТМ). В настоящее время ДСО ликвидированы. Больница практически всегда являлась организационно-методическим центром по оказанию психиатрической помощи по всей области. Районные психиатры не реже одного раза в месяц участвуют в совещаниях в ОПБ имени К.Р.Евграфова; регулярно производятся выезды в ЦРБ врачей-кураторов, работающих в Областной психиатрической больнице.

Больница была инициатором создания психиатрических стационаров в районных центрах – Областной психиатрической больницы № 2 в г. Сердобске, Кузнецкой городской психиатрической больницы, межрайонного психиатрического стационара в г. Каменке, психиатрического отделения Никольской ЦРБ. Пензенская ОПБ имени К.Р.Евграфова была основным кадровым резервом при создании в 1977 году Пензенской областной наркологической больницы; а с ликвидацией последней в 1995 году она приняла на себя все, что было связано с этим болезненным процессом, и оказывала наркологическую помощь населению города и области, именуясь «Пензенским областным Объединением Психиатрия – Наркология» (до 2001 года). В больнице в 1988 году впервые открыто психиатрическое отделение сестринского ухода, работающее по типу «хосписа». В настоящее время их два – 17-е и 18-е (т.н. «Ахунское»). Данные отделения имеют каждое свой специфический контингент больных: 17-е отделение в основном геронтологическое, 18-е отделение обслуживает так называемых «хроников», чье помещение в дома-интернаты для психохроников по каким-то причинам нецелесообразно. В 1992 году организовано отделение стационарной судебно-психиатрической экспертизы, в 2002 году – отделение амбулаторной СПЭ, заменившее прежнюю амбулаторную СПЭК. На базе больницы функционируют две кафедры Пензенского ГИУВ: с 1977 года – кафедра психиатрии (зав. каф. д.м.н., профессор Антропов Ю.А.), с 1982 года – кафедра психотерапии и наркологии (первый заведующий доцент Дереча В.А., в настоящее время кафедрой заведует доцент Николаев В.М.). С 2003 года открыт курс психиатрии Пензенского медицинского института (зав. курсом доцент Калистратов В.Б.); в течение многих лет на базе больницы происходит обучение судебной психиатрии и судебной психологии студентов юридических факультетов нескольких ВУЗов г. Пензы. «Эпоха Лебедева» в ОПБ имени К.Р.Евграфова характеризовалась реабилитационной направленностью всей организации психиатрической помощи. Это соответствовало господствовавшей в СССР стратегии развития психиатрической помощи. Были созданы мощные лечебно-трудовые мастерские, спеццеха на некоторых предприятиях Пензы; больные, в том числе находившиеся в стационаре, в составе выездных бригад работали за пределами учреждения, получая за это соответствующее количеству и качеству труда денежное вознаграждение. Существовал даже термин «промышленная реабилитация». Однако понятие реабилитации вовсе не сводилось к участию больных в трудовых процессах. Реабилитация включала в себя культтерапию, арттерапию, досуговые мероприятия, элементы вну-

триотделенческого самоуправления, создание Клубов выписанных пациентов и пр. и пр. К сожалению, с изменением общественно-политического строя, развалом прежнего государства реабилитационное направление отечественной психиатрии было надолго забыто. В 90-е годы, на фоне социально-экономического кризиса, «евграфовский» корпус больницы перестал функционировать, постепенно разрушался. Это относится практически ко всем корпусам, не видевшим ремонта (даже косметического) без малого 20-ть лет, в результате сильно обветшавшим. Вновь как будто бы вернулись времена гражданской войны, правда, без голода, «штабелей трупов» и повальных эпидемий. Но, несмотря на разруху, а также потерю существенной части коечного фонда, утрату части врачебных и сестринских кадров, частую смену главных врачей за последние годы (с 1995 по 2000 год – В.П.Сапегин, затем по 2002 год – Ю.В.Завадский, затем по 2006 год – А.Д.Мерзликин), больница осталась стабильно работающим ЛПУ, имеющим мощный потенциал для дальнейшего роста. С приходом в 2006 году нового главного врача В.П.Савельева коллектив Пензенской ОПБ им. Евграфова показал, что как только в психиатрическую больницу начались финансовые вливания, она ожила и начала динамично развиваться. В 2006-2009гг. корпус, построенный К.Р. Евграфовым, представляющий культурно-историческую ценность, а также корпуса психофтизиатрического, стационарного судебно-экспертного отделений, психотерапевтического дневного стационара, еще один корпус, где сейчас расположен рентген-кабинет, усилиями Губернатора Пензенской области В.К.Бочкарева и нового главного врача психиатрической больницы В.П. Савельева, всего коллектива лечебного учреждения были капитально отремонтированы. В настоящее время по уровню комфорта, оснащенности медицинским оборудованием они отвечают лучшим европейским стандартам. Созданное в октябре 2003 года (еще при главном враче А.Д.Мерзликине) отделение интенсивной психиатрической помощи, оказывающее специализированную психиатрическую помощь пациентам при неотложных психиатрических состояниях с использованием широкого арсенала психофармакотерапии, современных биологических методик, размещенное в «Евграфовском» корпусе, получило новое лечебное медицинское оборудование, которого нет во всем Среднем Поволжье. Фтизиатрическое отделение больницы оборудовано великолепной диагностической и лечебной аппаратурой. В полном разгаре ремонт-реконструкция самого старого корпуса больницы, с которого она начиналась в 1846 году. В этом здании будет развернут психотерапевтический центр с амбулаторным приемом и

отделением неврозов. Другое отделение неврозов остается на прежнем месте, но в здании также будет произведен капитальный ремонт, после которого целый его этаж будет отдан под диспансерное отделение больницы. По благоустройству территории она не знает себе равных среди лечебно-профилактических учреждений города. В больнице возрождаются лучшие традиции прежних времен, эпохи Евграфова и Лебедева, то, что Евграфов именовал «духом учреждения», а Лебедев – реабилитационным направлением.

К.Р.Евграфов.

БЕСЕДЫ С ЧИТАТЕЛЕМ

БЕСЕДА 1-я

О любви и равнодушии. Защитники правды и общества. Argumenta ad hominem. Кого можно убеждать? О г. Феоктистове. Нуждается ли общество в защите от моей вредной особы. Вновь наболевший вопрос на сцене.

«Мне не смешно, когда маляр
негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля;
Мне не смешно, когда фигляр
презренный
Пародией бесчестит Алигьери».

Если Вы, читатель, любите что-нибудь или кого-нибудь, то всякий недостаток, всякое повреждение в любимом обекте, всякая ошибка или уклонение от истинного пути любимого субъекта вызывает в Вас горячее, искреннее чувство, которое, смотря по обстоятельствам, выливается в слове порицания, сурового укора, обличения и т.д. Если Вы любите литературу, то её упадок не оставляет Вас «постыдно-равнодушным». Вы обличаете её недостатки, её уклонение, извращение её назначения; Вы предостерегаете других, менее внимательных и более равнодушных, менее задумывающихся над вопросами литературы и её значения. Вы кричите обществу: «caveant consules!». Ибо знаете, что искусство вещь не безразличная, что ложное искусство есть один из сильнейших ядов для души, способов одурманивания и усыпления несозревшей или нечуткой совести. Любя и уважая других, Вы не можете оставить без предостережения их, и, не надеясь на свой слабый голос, Вы указываете на другие голоса, более авторитетные, выразившие свои мысли и наблюдение по этому вопросу. Если Вы горячо преданы обществу и общественному делу, Вам дорогому, то Вы не можете остаться равнодушным при его ошибках или уклонениях от правильного пути, Вы, пренебрегая судом толпы, не побоитесь возвысить голос, высказать правду, как бы горька она ни была. Ибо Вы знаете,что рано или поздно правда эта восторжествует. Уважая общество, Вы верите в присущее ему чувство правды и не стараетесь золотить пилюли или усыплять его похвалами тому,

чем оно, под влиянием тех или иных причин, в данное время обольщено или увлечено. Вы стараетесь ниспровергнуть и разбить ложные кумиры. Правда, Вас часто постигает капризный гнев их поклонников или равнодушие и холодное осуждение тех, кому Вы служите. Иногда сыплются на Вас и камни побивающие... Прислужники лжи, модных кумиров и заблуждений, вожаки охлократии или педократии пользуются этим и стремятся выставить Вас ненавистником общества, его врагом, вредным фанатиком, сумасбродом или гордецом, презирающим это общество, оскорбителем его святынь. Когда Вы приступаете к этим общественным льстецам с Вашими недоуменными вопросами; когда Вы исследуете перед публикой путем логического анализа сущность их речей и устремлений, – пустота содержания и отсутствие всякой продуманности, знакомства с вопросом, последовательности в собственных положениях, недобросовестная игра понятиями и высшими ценностями, ложь и фальшь начинают выявляться сами собой. Тогда эти самозванные «защитники правды и общества» отмахиваются от Вас и Ваших вопросов широковещательной, устозвонной шумихой фраз, сдобренных ходячими положениями и девизами, модными трафаретами, повторяемыми с почтительностью в данный момент всюду и везде, и в публике и в прессе. Если Вы тем не менее продолжаете свои недоуменные вопросы, приступаете к таким выразителям общественного мнения с новыми обличениями – тогда пускается обычно в ход argumentum ad hominem. Докучливых вопрошателей и обличителей стремятся нарядить в шутовской костюм и отвлечь внимание публики от вопроса, играя на её политических вкусах или увлечениях момента, заставляя ее присоединиться и забыться в смехе над такими Дон-Кихотами, над их странными фантастическими де страхами и опасениями, над их борьбой якобы с ветряными мельницами. Расчитывается и на то, что читающая публика недолго помнит и не сохраняет у себя газетные статьи; можно, пользуясь этим, напустить еще более тумана и зловонного дыма, чтобы как завесой закрыть от общества суть вопроса и улизнуть от чудаков, зовущих к публичному ответу самозванных «защитников правды». Не ради полемики с г. Феоктистовым написаны мои предыдущие две статьи: всякий, не разучившийся читать, благодаря поглощению «современной беллетристики», поймет, что не с этою целью они написаны и для кого предназначены. Поймет также, что убеждать г. Феоктистова они не имели в виду; после вые вления им себя в двух статьях для «проницательного» читателя ясно, что убеждать г. Феоктистова дело, не стоящее труда и внимания читающей публики: убеждать можно людей, имеющих убеждения и верования, хотя бы и ошибочные. Нельзя убеждать человека, трактующего с легким сердцем, с развяз-

ностью о наболевших для общества вопросах; нельзя вести спор с человеком, не уяснившим себе значение вопроса; не подозревающим даже, что этот вопрос есть часть вопроса о религиозно-нравственном воспитании растущих поколений; вопроса об оздоровлении самых корней общества и народа, вопроса о том,– по выражению Л.Н.Толстого, – «погибнут ли последние проблески просвещения в нашем, так называемом, образованном европейском обществе, не распространяясь на массы народа, или возродится оно, как возродилось в средние века, и распространится на большинство народа, лишенного теперь всякого просвещения», г. Феоктистов не понимает даже, почему для представителя и предводителя культурно-просветительного общества в «такой исторический момент», какой переживаем нынче мы и весь мир, неприлично выступать с таким profession de foi; почему невольно возбуждает именно теперь негодование такое наивное непонимание и развязное легкомыслие по отношению к вопросам, от которых в значительной мере зависит все будущее страны и народа; и нельзя убеждать человека и общественного деятеля, который не слышит, или не может слышать по натуре своей, скорбных голосов педагогов, родителей, школы, врачей по поводу правильной постановки чтения подростков и молодых поколений, который пренебрежительно отмахивается от свидетельств врачей о пагубном влиянии на нервно-психическое здоровье поглощения современной «художественной» литературы вообще, молодой части общества, в особенности. Итак, не с этой целью берусь вновь за перо. Также не с целью защищать свою несчастную особу, изуродованную в изображении г. «защитника правды». К чему? Пензенское общество в общем, Лермонтовское в частности, наблюдает меня, как человека и общественного деятеля, около 35-ти лет, и может знать мою подлинную физиономию и природу, и умственный и нравственный багаж. Не только по делу общественного служения, но по многочисленным моим речам, произнесенным in publico et privatim, по напечатанным моим статьям, адресам, памфлетам, речам, брошюрам и книгам. Суждение его, следовательно, уже давно составилось и словами его не изменишь. Знает оно, конечно, тать я, или разбойник, или прелюбодей мысли, от которого обществу нужна защита со стороны г.г. «защитников правды и общества». Приличен ли мне шутовской наряд, в который старается одеть меня сей защитник, и уместен ли он на Почетном члене Лермонтовского Общества – об этом судить не мне, а Лермонтовскому Обществу. Для пензенской публики все эти вопросы, без сомнения, дело, решенное давно, а потому и неинтересные. Моя единственная цель – не полемика и не самозащита, не убеждение г. Феоктистова,– а рассеяние той завесы, которая напущена им между наболев-

шим общественным вопросом и вниманием публики, чтобы этот неприятный для г. Феоктистова и докучливый вопрос вновь стал, незатемненный, перед общественным мнением для дальнейшего серьезного обсуждения, выяснения и решения. Не моя вина, если попутно придется срывать шутовской костюм, набрасываемый на меня лично г. «защитником правды и общества», и так спутавшим мою личность с вопросом: нужно устранить argumentum ad hominem, чтобы расчистить место для argumentum ad rem. Для достижения этого результата приходится вновь налагать на себя труд «великого послушания», по выражению В. С. Соловьева, и принять на себя тяжелую и грязную работу – анализ новой статьи г. Феоктистова, раскрытие шаг за шогом его словесных утверждений и вывода из них неизбежно вытекающих следствий; увы! при этом придется так же неизбежно и выявлять личность «защитника правды и общества».

БЕСЕДА 2-я

О правде и лжи. Вера в одну Правду и честность в обращении со словом. Связь уважения к слову с уважением к обществу. Значение веры в одну Правду.Критерии для различения должного и недолжного. Грех современной литературы. Бобчинский и Добчинский.

Итак, начнем, и этим придем вновь к нашему главному вопросу. Для начала выписываем прямую ложь «защитника правды и общества»: «Разве не призрак Вашей фантазии, не проявление, скромно (!) выражаясь, игры с правдой, Ваше приписывание г. Феоктистову фразы, что малые, слабые братья нуждаются в этот страшный момент «прежде всего, главнее всего в создании отдела современной беллетристики». Про это позволительно сказать Вашими же словами, что «много нужно «смелости» – в старину эта смелость звалась иначе, «чтобы так жонглировать правдой. Или это все во имя момента такой ужасающей важности!» Было бы позволительно, г. защитник правды, если бы только мной это было написано. Но этого-то маленького обстоятельства налицо и не имеется! В моей статье написано: «еще больше нужно «смелости»... и т.д., чтобы в такой исторический момент выступать с таким profession de foi», а выше показывается, что по мнению г. Феоктистова, доказываемому его предложением, «они (т.е. малые и слабые) нуждаются не в разносторонней помощи братьев, более сильных и просвещенных, организованных в просветительные кружки и общества. В помощи, в хороших книгах по религии, философии, этике, разнообразным научным дисциплинам, по истории, государствоведению, политико-экономическим наукам, естествоз-

нанию, технике и т.д. и пр.? – Нет! отвечает г. Феоктистов, они нуждаются в этот страшный момент прежде всего, главнее всего, в создании отдела современной беллетристики! Много нужно упований и т.д. – Вот мои подлинные слова. В кавычки последняя фраза не взята, следовательно, это вывод из слов г. Феоктистова и его деяний, а не приписывание ему этих слов. Всякий, сохранивший №№ «Чернозема» или «Пенз. Вед.» где была напечатана моя статья, может перечитать ее всю и не найдет в ней такого приписывания с моей стороны слов, ему чуждых, а найдет выводы, логически вытекающие из его слов, и его сердит, что выводы эти все в этом же предосудительном роде. Таково уважение к читающему обществу и печатному слову г. «защитника правды». Недостаток веры в одну Правду, общую для всех, роковым образом влечет за собой и отсутствие веры в правдивое слово. Слово есть главное орудие общения людей; отсутствие честности в обращении с ним так же неизбежно влечет и дальнейшее следствие – недостаток уважения к слову других, а, следовательно, и к этим «другим», т.е. обществу. «Пустяки!» – скажут нам в ответ: «правдивость есть качество или прирожденное, или результат воспитания, внедряющего привычку к правдивости». Доля правды в этом, конечно, есть; но только небольшая доля. Без сомнения, воспитание имеет громадное значение, но опять-таки при условии, если оно само руководится вышеуказанным началом; если же нет, а опирается только на один «инстинкт» и приучение, то последствия будут те же. Бесспорно, воспитанный на основе других начал, не будет врать и лгать, как Ноздрев, Хлестаков, Балалайкин, Тартарен из Тараскона; но он будет соблюдать лишь правду внешнюю, формальную; в нем не будет непрестанного искания правды внутренней; горячего отвержения и обличения всякой фальши и лжи; будет преклонение перед фактом, перед действительностью, ложным современным строем жизни, перед всяким явлением этой «жизни»; преклонение перед голосом большинства, оправдание правды счетом голосов. Отпадет импульс к неустанному «взысканию Града»; для него все явления и жизни и вселенной распыляются на явления, без искания той сущности, которая является со склонностью считать все явления равноценными; в жизни он будет только искать, отмечать и коллекционировать «направления», пришпиливая к ним какую-либо трафаретную этикетку, не усматривая в них лишь разновидностей двух главных категорий – ложного и истинного, и смешения в разных пропорциях того и другого. Отпадет или ослабнет импульс к деятельному устроению жизни, ибо критерия для устроения не имеется: пусть «жизнь» сама течет, пусть индивидуальность проявляется во весь рост, без удержу и самоограничения, да здравствует индивидуа-

лизм. Единственный (М.Штирнер), рыжая бестия, сила, а не право; государство, а не самоценные личности, связанные единым началом; да будет царствие принудительного равенства, а не единства братской любви. Так все связано, все есть целое; погрешив в основе, нельзя не получить лжи и в следствии; имея неправду и ложь в следствиях, нельзя успокоиться, не отыскав корня – нарушения Правды в основных началах. «Но позвольте», – опять возразят мне: «люди ошибаются часто и даже неизмеримо чаще, вследствие увлечения, горячности, страстей». Совершенная правда. Но когда эти последние проходят, люди сознают и признают свои невольные ошибки и заблуждения. Признание греха – первый шаг к его исправлению. Но если человек считает **все** явления жизни в себе самом равноценными, то какое же побуждение одно из них обуздывать, а другое воспитывать? Где критерий для различения должного и недолжного и импульсы для предпочтения первого? Отвергнув одну общую Правду, человек и общество будет дальше и дальше катиться вниз, покорное только закону необходимости. Впрочем, все это не в моде. Чувство связанности и подзаконности мира явлений притуплено. Современная литература также только «изображает» явления жизни, не помогая читателю в изыскании невидимых нитей связи явлений и корня их для показания читателю **истины:** она показывает, а чаще всего только изображает и описывает только явления. Творческой интуиции, которой открывается не только явления, а и вся связь явлений, вневременность их, – такой интуиции не проявляется. Да и читатель вследствие вышеуказанной причины, отучается считать «творчество» самым главным критерием художественности; в большинстве случаев его интересует другое – элемент современности, «трепетание жизни», новые направления, новые типы. Он не спрашивает показания их генезиса. Он доволен тем, что вот народилось такое-то направление, что вот в таком-то городе живут Добчинский и Бобчинский, так она читателю и докладывает. А простодушному, отученному от искательства Правды, современному читателю и невдомек, что число явлений бесконечно, и нет никакого смысла изображать их все; и читать книгу за книгой, не имея критерия для решения: что заслуживает изображения, воплощения в типе. «Смотри, смотри: бархат на картине словно настоящий, а золото на пуговицах так и блестит»... «В жизни разве не бывает тех, что получают пощечины?» Бывают, бывают, г. современный читатель: чего в жизни не бывает! Живет же Бобчинский, живет Добчинский в таком-то городе. Живут, живут! Но читатель, следует ли из этого, что царь должен непременно узнать от гг. Хлестаковых о проживании Добчинского и Бобчинского вообще, и в таком-то городе в частности? Должен и может ли царь жизни, творец её –

человек – знать и тратить время на узнавание каждого явления этой жизни, каждого уродства или паскудства в этой жизни? Впрочем, я преждевременно увлекся: об этих предметах разговор впереди и разговор продолжительный; краткие афоризмы не любит «современный» читатель, отученный «современной» литературой от разыскивания и осмысления явлений; они, т.е. афоризмы, подадут только повод таким критикам к бесконечным бутадам и извержению пустозвонных фраз. Мы еще не кончили наш разговор с г. «защитником правды и общества», а ведь именно по его поводу вдались в размышления о правде.

БЕСЕДА 3-я.

Защитник правды и культурная повседневная работа. Мои похороны и тридцать тысяч скачущих куьеров. Обвинение, бросаемое г. Председателем Правления Лермонтовского Общества в лицо народникам и их партии. Читатель «возмужалый». Современная «художественная» беллетристка и новый отдел Лермонтовской библиотеки. Упадок художественного творчества в современную эпоху у нас и во всем мире. Его причины.

Итак, в пылу увлечения, гнева, полемики человек может бессознательно и невольно погрешить против истины и правды. Но если человек сам утверждает (да и на деле показывает), что ему-то все равно: пусть чудаки и фантасты горячатся, а он спокойно и трезво рассуждает о чем только хотите; или о чем только его попросите; если такой субъект даже посмеивается над горячностью слова своего собеседника, – тогда что скажете Вы, читатель, о следующем написанном г. Феоктистовым: «Наша бедная родина вот уже два года с небывалой энергией борется за свою жизнь и свободу, за счастье своих детей (и только?!). Великая святая задача! Но значит ли это, что мы должны застыть в созерцании этой борьбы и молча прислушиваться к взрывам снарядов, стонам раненых и если делать, то делать только то, что питает ярость и злобу, а на все остальное набросить темное (sic!) покрывало – не смотреть и забыть. Конечно, нет, тысячу раз нет. Наша повседневная культурная работа не должна останавливаться, замирать» и т.д. Стало быть, подумает, – и вправе подумать – всякий, читающий статью, г. Евграфов отрицает необходимость для общества в такой исторический момент продолжения его культурной работы. Стало быть, он не признает всех тех трафаретных истин, которые следуют дальше в этом пассаже у г. Феоктистова! Стало быть –этот Евграфов. Но зачем читающему думать и выводить следствия из слов г. Феоктисто-

ва; он далее сам скажет: «и как кораблю не по силам остановить могучую волну, (*Не правда ли – картина: корабль, останавливающий волну?! До сего времени в задачу и в идею корабля останавливание волн не входило. Но что поделаешь: таково уж воспитательное значение современной беллетристики на речь и точность слова ее поклонников**), так г.Евграфову не удастся (!) остановить своим напыщенным призывом к моменту (?!!) ужасающей важности культурные шаги Лермонтовского общества». Если г. Евграфову не «удастся остановить», то, следовательно, он останавливает или старается остановить. Если бы не защитник правды и общества, то злокозненный Евграфов не был бы за сие и наказан... «Спасибо, спасибо, отец родной, защитил и правду и нас» – скажет читатель, не читавший или забывший статью г. Евграфова. А вот что стоит в статье этого злокозненного человека: «не нуждаются ли они («малые сии», т.е. те, которым не справиться с давлением ужасающего момента. Г. Феоктистову кажется такой эпитет и весь этот отрывок только «напыщенным» и даже – лицемерием) в разнобразной помощи братьев, более сильных и просвещенных, организованных в просветительные кружки и общества, в помощи, в хороших книгах» и т.д. Затем г. Евграфов в конце статьи требует от Лермонтовского Общества усиленной деятельности; насчитывает с укором с десяток незавершенных задач, перешедших по наследству от «отцов», или вновь возникающих, или возникших благодаря требованиям жизни; г. Евграфов недоволен мизерностью, несоответствием размеров нового культурного шага, предлагаемого г. Феоктистовым, с огромностью требований важного исторического момента; требует большего, требует и расширения и усиления культурно-просветительной деятельности; желает скорейшей достройки собственного здания Общества, ибо только при этом условии оно может всецело развить свою деятельность и т.д. и т.д., – а г. «защитник правды» громит г. Евграфова и обвиняет его в том.... что он старается остановить культурную работу в настоящий исторический момент, обзывает лицемером, и в конце концов даже карает смертью и «почтительно сняв шляпу, присутствует» при его «похоронах»; что скажешь, читатель, о защитнике твоем и правды? Прежний читатель сказал бы: «послушай,.. да знай же меру»... Конечно, такое обращение с правдой недалеко от 30.000 скачущих курьеров. Но последнее невиннее, ибо оно утверждает несуществующее и не утруждает действительно сущих курьеров; но «правда» г. Феоктистова отрицает действительно существующую правду и утруждает меня, стремится исказить подлинный лик мой, заставляет брать на себя черный и неблагодарный труд писания этой статьи. Впрочем, нет худа без добра – г. Феоктистов выявляет себя, а из этого может проистекать и для общества и для дела,

вверенного его водительству, некая польза… Поэтому не сетуй, читатель, и возьми, подобно мне, на себя послушание и проследи и дальше эти «выявления». Вот еще образчики любви к правде г. Феоктистова. «Г. Евграфов упускает из виду, что давно прошли времена наивного народничества, когда не стремления и идеалы самого народа ставились во главу угла, а его, часто вымышленные самим идеологом «интересы» и когда наиболее ретивые заботились о народе, как о животном, стараясь улучшить «породу», хотя бы ценой» и т.д. Послушайте, г. Феоктистов, когда Вы врали обо мне лично, я вправе был оставаться спокойным, поскольку это не касается любимого мною дела; но когда Председатель Правления Лермонтовского Общества, имеющего близкое отошение к литературе и истории русской общественности, говорит так о партии, вдохновителями и руководителями которой были «Отечественные Записки» с Н. Михайловским, Щедриным, Некрасовым, Елисеевым, Златовратским и др., к которой принадлежала значительнейшая часть лучших земских и общественных деятелей и земских работников первых двух 10-летий существования Земства, – я не могу смеяться. Хотя я лично считаю народничество в основах его заблуждением, хотя народники – мои, так сказать, идейные враги, я самым горячим образом протестую против такого обвинения по адресу тех, чьи убеждения были искренни, служение своим идеалам честно и мужественно. Квалифицировать же такое публичное выступление современного общественного деятеля предоставляю Лермонтовскому Обществу... Может быть, довольно и этих примеров обращения г. защитника правды и общества с истиной, его уважения к слову и к обществу. Но ведь невнимательный и торопливо пробегающий газеты читатель может быть и не заметил их, не веря и не допуская возможности такой неприкровенной лжи. Если он возьмет карандаш и статью г. Феоктистова и будет вычеркивать эту ложь и те бутады, которые на ней основаны, то останется почти сплошь пустое место. Но ведь я далеко еще не кончил своего неприятного послушания. Помимо такой лжи, в статье что ни строчка, – искажение правды, передержки и передергивание, игра словами, лишенными или смысла или правды. Чтобы не показаться голословным, продолжаю: «Г. Евграфов совершенно не считается с тем, что читатель в большинстве человек сложившийся, с определенными культурными потребностями, запросами, со своей волей и правом иметь свои желания. Для г. Евграфова всякий читатель – ребенок, который сам не знает, чего он хочет» и т.д., а затем дальше следует на основании этого, наряживание меня в шутовской наряд. Г. Феоктистов хорошо знает или, по крайней мере, обязан знать, что большинство читателей библиотеки – учащаяся и юная молодежь и подростки. Он знает, о ком и о каком,

главным образом, читателе я веду речь. Я говорю «невинная часть публики, не сведующая в литературе, или зеленая молодежь, берущая по каталогу беллетристического отдела наудачу все, что попадется», «печальные результаты влияния подобной беллетристики на подрастающее поколение»; я говорю: «неужели же на Собрании Общества не было педогогов, воспитателей, отцов и матерей, наблюдающих печальное влияние в школах, своих и чужих семьях». Хорошо знает г.Феоктистов, что «возмужалые» читатели современную беллетристику в громадном большинстве случаев читают просто между делом, для времяпровождения или просто от скуки, не задаваясь мыслью о том, о чем разглогольствует г. Феоктистов; если подобный читатель захочет действительно пользы для души и художественного наслаждения, то он обращается или к сокровищам непреходящей литературы, или только к выдающимся произведениям современной беллетристики, имеющим подлинные художественные достоинства. А таких появляется за год два–три–четыре, редко больше. Всякий следящий за печатью, без сомнения, просматривал много раз те годовые обозрения, которые помещаются в крупных газетах по истечении года, и припомнит, что каждый обозреватель беллетристической литературы может насчитать едва с десяток произведений, появившихся в течение года и заслуживающих вообще какого-либо внимания; а произведений чисто художественного значения обыкновенно указывает одно-два; то же самое и в переводной беллетристической литературе, если еще не хуже. Лет 12-ть тому назад, в бытность М. Горького в Пензе, между прочим, интересовался я узнать от него, что есть нового и хорошего в художественной литературе мира. Он мог мне назвать всего три имени. До начала войны я имел случай несколько лет подряд ежегодно встречаться с известным русским критиком. Всякий раз, конечно, как любитель литературы, прежде всего спрашивал, что нового, достойного внимания, появилось в художественной литературе – у нас, в Германии, в Англии и Франции. Увы! не каждый раз критик мог назвать даже одно новое отрадное явление. Недавно в «Русской Мысли» была помещена статья «Возрождение русского романа». Признаки возрождения относятся к самому последнему году и указывается всего три произведения, в которых они, по мнению автора, замечаются. Критика, за исключением, конечно, критики футуристской, ослиных хвостов и других в этом роде направлений, давно уже указывает на упадок художественной литературы. И не в одной России только, и не год и два, а примерно в течение двух последних десятилетий. Я приводил мнение Л. Толстого об этом упадке; но не могу разделять его взгляда на причины этого явления и указываемые им средства. Им указанные причины суть только производные, так сказать содействующие условия:

отсутствие настоящей истинной критики и то обстоятельство, что литература стала обектом купли-продажи и торговой спекуляции, а писатель наемным работником. Я не могу распространяться о своем взгляде на причины упадка творчества. Основания для решения этого вопроса я излагал в ряде лекций «О психических влияниях на организм», «О художественном творчестве». Здесь скажу, что, по моему мнению, причины лежат глубже: во всем строе жизни человеческой в современную эпоху, в ложности начал этой жизни, убивающей в людях те стороны духа, в которых коренится творчество вообще, художественное в частности, в иссякновении самых источников его. Следовательно, как видит читатель, есть весьма и весьма серьезные основания для осторожного и разборчивого отношения к современной «художественной» литературе, особенно, когда она попадает в руки и влияет на несложившиеся еще натуры – детей и молодежь. Поэтому говорить об этом с шутовской развязностью и легкомыслием г. защитника правды и общества я считаю непозволительным. Но допустим даже, что речь моя шла вообще о читателе – «возмужалом». Разве обращать его внимание, предостерегать, стараться убедить заслуживает наименования посягательств на его свободу, на его «волю и право иметь свои желания» ? Зачем же тогда все попытки убеждать взрослых людей – в суде, в общественных учреждениях, парламентах? Зачем проповеди, публицистика, пресса вообще? Ведь они, и она по преимуществу, только и делают, что предостерегают, порицают, пытаются убеждать?! И неужели за это все они заслуживают названия «папаш» и всяческого глумления? Но как я уже говорил, логики от г. Феоктистова не спрашивайте. Но помимо неуважения к логике и слову, тут выявляется и еще кое-что. Несмотря на настойчивое мое указание на «малых сих», на отравление молодежи современной «художественной» литературой, на пагубное её влияние на развитие ума, чувства, воли и нравственной стороны души – как и в первой, так и во второй статье, г. Феоктистову все равно; он глубоко равнодушен к другим: разве он станет посягать на их свободу? Напротив, он будет доказывать громадное значение чтения современных «художественных» произведений, будет восхвалять их влияние, будет даже называть открытие нового отдела «громадным культурным шагом» в деятельности Лермонтовского Общества, считать его одной из первых очередных задач Общества – даже в такую историческую эпоху... Если вы видите, что человек отравляет себя каким-нибудь ядом, особенно, если при этом он ошибочно считает, что употребление этого яда ему необходимо или полезно, Ваш долг вывести его из заблуждения; говорить, убеждать, бить в набат, призывать других на помощь к спасению губящего себя. Если же вы молчите или даже потворствуете заблужде-

нию, расхваливаете этот яд или противодействуете усилием спасающих. подстрекая в человеке его дурные склонности, похваливая его за самостоятельность и т.д., – как назвать Ваше поведение?

БЕСЕДА 4-я.

Мои сомнения. Арифметика и г. Феоктистов. К чему огород городить и капусту садить? О способе чтения книг. О вреде глотания книг.

Я весьма сомневаюсь в том, что на тысячу рублей занятых денег будут выписаны «художественные» произведения. Средняя стоимость одного тома беллетристических сочинений можно принять за два рубля. Следовательно, г. Феоктистов собирается выписать приблизительно около 500-т томов «художественной» беллетристики – самоновейшей, что называется с пылу – с жару; даже несколько месяцев, протекших между выходом книги и ее прочтением, считает уже упущением времени, за которое мечет на главу мою свои филиппики, конечно, по обыкновению своему уродуя мои слова прибавкой: «в январе или декабре, в 1916 или 1925 г., на 20, 25, 40 или 60 году своей жизни». Подчеркнутое – прибавка с целью сделать смешным то, что мною сказано, т.е.: не все ли равно прочесть порядочное художественное произведение в «январе, августе или декабре»; ибо я имел в виду условие библиотечного чтения. Как Вы видите, читатель, набрать около 500-т томов новых беллетристических произведений, да еще художественных, да еще современных нельзя по той простой причине, что даже снисходительная современная критика отмечает за год появление всего какого-нибудь десятка русских таковых произведений да десятка–полтора переводных. Для приобретения их более чем достаточно тех 150-ти – 200-т рублей, которые затрачивает библиотека ежегодно по обыкновенному своему бюджету. К чему же огород городить и капусту садить, т.е. учреждать новый отдел современной беллетристики? Но сделаем еще одно небольшое соображение. Сколько, Вы полагаете, нужно времени для того, чтобы прочесть с пользой и с наслаждением том художественного беллетристического произведения, имеющий обыкновенно в среднем 300–400 страниц? Да еще прочесть так, как хочет г. Феоктистов, прочувствовать разные нити, связующие его собственную душу с «сродными» ему художественными типами, уловить, определить, отдать себе отчет в различных оттенках новых «художественных» направлений и т.д., смотри в подлинниках г. Феоктистова? Правильно ли я скажу, если определю время, потребное на прочте-

ние, никак не менее двух недель? Собственно говоря, это чересчур мало, как скажет всякий компетентный, например, педагог; а если принять во внимание, что г. Феоктистов говорит о читателе «возмужалом», следовательно, занятом своими делами, службой, исполнением своих обязанностей гражданина и семьянина, члена разных общественных организаций, обязанного следить и почитывать хоть немного книги по своей специальности, вообще – прочитать газеты, читать серьезные книги для расширения своего мировоззрения и круга познаний, – то спрашивается, сколько же такому человеку остается времени для чтения современной беллетристики? Да еще не просто читать, а из груды мусора, наводняющего книжный рынок, выбирать то малое, что заслуживает по крайней мере внимания, имеет хоть какой-нибудь интерес, хотя бы и не художественное произведение. Ведь нельзя же положиться на рекомендацию г. Феоктистова или считать себя гарантированным от достойной сожаления потери времени, которого у «возмужалого» человека так мало, тем только обстоятельством, что книга значится по каталогу в отделе г. Феоктистова? Следовательно, нужно что ли хоть критические статьи почитать, а их тоже немало, да масса их тоже весьма сомнительного качества. По части критики тоже дело плоховато в настоящее время; больших критиков, более или менее общепризнанного таланта и авторитета, вроде – не говорю уж Белинского, – ну, а хотя бы вроде Н.К.Михайловского в его время, – не имеется. Следовательно, нужно опять-таки читать не одного критика, а многих прежде чем на основании их доводов убедишься, что появилась книга, действительно заслуживающая внимания или даже имеющая художественные достоинства. Сколько же времени будет нужно такому «возмужалому» читателю для прочтения одного тома да еще наслаждения им? Но так и быть – примем, что и для такого возмужалого, дельного, а не бездельного человека, тоже нужно две недели на прочтение, нахождение нитей, прочувствование и пр. и пр. «художественного» произведения. Следовательно, в год читатель прочтет всего 26-ть томов. Опять результат не в пользу г. Феоктистова: во-первых, нет никакого разумного довода за учреждение нового отдела и заем одной тысячи рублей; во-вторых – увы! читатель силою вещей, все равно будет самые разживотрепещущие «современные художественные» произведения, вышедшие в свет в январе, читать – horribile dictu!–и в июле, и в декабре, и в следующих месяцах следующего года; в-третьих, к чему же «защитник правды и общества» написал целый с лишком столбец в статье для доказательства значения современности в прочтении «художественных» произведений в № 152 «Чернозема» ? Увы! еже писах – писах, еже болтах – болтах, а дальше не спрашивайте. Ну, конечно, все для вящего по-

срамления того же обидчика правды и общества, г. Евграфова. Если Вы допустите даже срок, равный одной неделе, то разница, значительная в абсолютных цифрах: 26 и 52 тома, – по отношению к занимающему нас вопросу не устраняет нисколько силу нами сказанного. Если Вы пойдете дальше и допустите, что читатель будет «успевать» прочитывать по две – три книги в неделю, то всякий сколько-нибудь понимающий дело и добросовестный человек скажет, что это будет просто чтение для времяпровождения, «от скуки», от нечего делать, для самоуслаждения, самозабвения, одурманивания себя. Это будет глотание книг, а не чтение, от которого можно ожидать какой бы то ни было малейшей пользы. Напротив, всякий педагог, всякий врач-невропатолог скажет, что такое чтение вредно, опасно для здоровья, нервно-психического равновесия души; может вызвать прямо как таковое, нервное заболевание; это не что иное как умственный онанизм, постоянное эмоциональное возбуждение без удовлетворения. А уж про вред для развития ума и других сторон душевной деятельности и говорить нечего: это прямо ведет к одурению, полной расслабленности ума и воли, эмоциональной расшатанности, потере способности к самостоятельному мышлению и умственному труду, утрате чувства реальности, начинению головы фантазмами, подмениванию живой, реальной действительности миром сочиненным и постоянному блужданию в жизни среди призраков, а не жизни в подлинной действительности. В художественной литературе есть изображение такого влияния, особенно на женские души. Может быть, Вы, читатель, и сами видали таких. Начитавшихся и «зачитавшихся романами» субъектов, принимающих всякого прохвоста или невропата, особенно если он говорит языком «современной художественной литературы», за ниспосылаемого героя, отдающих всю свою душу таким героям, а сплошь и рядом и тело. Вспомните, сколько случаев бегства, браков или адюльтеров совершили девушки и женщины высшего круга с горьковскими героями во дни славы этих героев! Итак, если последовательно продумать слова г. Феоктистова, то окажется, что неизбежно они приводят к такому глотанию, а выписка на одну тысячу рублей книг именно приведет к засорению библиотеки всяким хламом, а не к выписке «художественных» произведений. Мои прямые, хотя и суровые слова о психическом онанизме, об эгоистическом самоуслаждении, о мусоре, засоряющем голову, об одурманивании, и пр., как видите, читатель, имеют полное основание, если раскрыть содержание сладкозвучных, неясных и скользких слов г. Феоктистова. Впрочем, вся эта шумиха фраз, быть может, слова, слова, слова на мотив 30.000 скачущих курьеров? Предоставляю судить читателю. Любопытно бы произвести анкету среди «возмужалых» граждан по пово-

ду чтения современной беллетристики. Не дала бы она еще более поразительный результат и суровую отповедь на шарманку, играющую пьесу о возвышенном его значении, особенно в настоящий исторический момент, когда всякому трудоспособному и добросовестному человеку передохнуть от работы некогда, а не то что заниматься психическим онанированием и разводить балясы о «художественном» значении самоновейших изделий беллетристического рынка.

БЕСЕДА 5-я.

Художественное творчество в кавычках и без них. Истинно художественная эмоция и интерес современности. Оценка художественных произведений современниками; примеры. Читатель прежний и теперешний. Современная критика.

Господину защитнику правды угодно, с присущей ему добросовестностью, приписывать мне отрицание значения художественного творчества (без кавычек, г. Феоктистов! а Вы забываете эти мои кавычки перед Вашей современной художественной беллетристикой или подчеркивание слова: «художественной», местами опущенное не по моей вине; но иронический смысл этих слов везде ясен из контекста для всякого, умеющего читать с пониманием!) Пензенское общество частью слышало, частью читало мои публичные лекции «О художественном творчестве, изящной литературе, читателе» и т.д. Ему известно огромное влияние, которое я признаю за художественным творчеством на душу читателя; многие даже находили, что я придаю ему уж чересчур громадное значение. Неизвестно только, должно быть, содержание этих лекций, изданных Лермонтовским Обществом, господину Председателю Правления Общества. Или известно, но ведь он в данной статье выступает как **защитник,** защитник правды... Еще новая черточка с поразительной отчетливостью выявляется в облике этого защитника... Перейдем к следующему выступлению г. Феоктистова. Возьмем абзац, начиная со слов: «конечно, в критерий истинных достоинств художественных произведений» и кончая: «а гнал бы их за современность вон, предлагая им сначала вылежаться, потерять свой слишком сильный аромат». Конечно, г. Председателю Правления библиотеки, не из рода Иванов Непомнящих, должно бы было быть известно, гнало ли Правление в прошлом современную беллетристику или нет. По счастью, протоколы заседаний, частью отчеты общества хранят данные, сколько и на какую сумму было выписано в каждый год существования библиотеки книг и по ка-

ким отделам. Но ведь разве этим смутишь развязного г. Председателя библиотеки? Ведь он знает, что никто не вздумает справиться от живых свидетелей или по отчетам и уличить его во лжесвидетельствовании на ближнего своего... Но дело не в этом, а в принципиальном вопросе, затронутом г. Феоктистовым. Тут нужно немножко подумать, чтобы не сделать того смешения понятий, которое делает г. Феоктистов. Ларчик открывается просто: я говорю о Фоме, а г. Феоктистов, со свойственной ему проницательностью и желанием понять читаемое, – отвечает велеречивой проповедью о Ереме. Когда я говорю, не все ли равно прочесть, продумать и прочувствовать порядочное художественное произведение в январе, августе или декабре, я веду речь об эстетическом наслаждении от художественного произведения. А г. Феоктистов распространяется об интересе современности; причем по обыкновению произносить кучу неосмысленных слов: «Каждое литературно-художественное произведение появляется в определенную историческую эпоху, падает на готовое (?) общественное настроение и часто освещает еще живые явления культурно-общественной жизни. Кто сильнее и глубже прочувствует художественное произведение: современник, определенно (?) настроенный, видящий затронутые жизненные явления перед собой или потомок, судящий о них по книгам и чуждый тому времени по настроению? На ком очевиднее проявляется эмоционально-воспитательное (?) влияние произведения, от чьей души протянется крепче нить (!), связующая художественное произведение с душой человека, в ком сильнее пробудятся новые импульсы (sic!)?» … Как все это гладко ни звучит, «прелестно, быв пальцем ткнуто», но жаль только, что «к стене не примкнуто», да и палец-то этого не касался. Беда только в том, что эстетическая эмоция, ее полнота, непосредственность и восприятие художественного образа нарушаются, ослабляются и уничтожаются, если при этом привходят другие эмоции, волнующие читателя (современность например); эстетическое настроение пропадает, а оно-то, только оно, дает власть творческому образу над душами; следовательно, он свое влияние, воспитывающее, облагораживающее и перерождающее души людей. Оно еще может, говорит Вальдштейн, служить для другой цели, но какой нибудь цели второго порядка, такой, которая принадлежит к области ведения археологов, историков литературы, коллекционеров» (Д-р Вальдштейн: «Подсознательное «Я» и его отношение к здоровью и воспитанию». Немец. Оригинал, стр. 18.). Я подробно разбирал этот вопрос в своих лекциях «О художественном творчестве», поэтому не буду здесь повторять их, что завело бы нас слишком далеко, ибо предмет этот обширен и серьезен и с кондачка говорить о нем не приходится. Поэтому-то лучшие создания мировых художников сплошь и рядом или вовсе не оцениваются современника-

ми и современной критикой, потому что именно данное общественное настроение мешает эстетическому их восприятию, и художественное создание оценивается так сказать, не sub specie aeternitatis, a sub specie momenti. Лучшие создания Пушкина («Борис Годунов», «Моцарт и Сальери» и другие драматические отрывки) и Гете («Фауст») были не поняты критикой, не поняты публикой и отвергнуты – именно поэтому. Некоторые произведения Тургенева и Гончарова подверглись по той же причине осмеянию и зубоскальству. Перечитайте отзывы критиков, современные появлению того или другого произведения Л.Толстого, и вы расхохочесь, читая сентенции по поводу «Войны и мира» вроде следующих: «похвалы гр. Толстому приняли действительно грандиозные размеры... бесцеремонности» (а похвала заключалась в том, что другой критик сказал, «с уверенностью можно сказать, что он, Толстой, принадлежит к числу замечательнейших явлений русской литературы»). Или: «роман гр. Толстого можно разогнать не на четыре, а на двадцать четыре тома. Хватит ли только у публики терпения дожидаться конца? А гр. Толстой, кажется, не намерен церемониться и, как слышно, написал уже пятый том». Или по поводу «Анны Карениной»: «И ведь курьезнее всего, как подумаешь, что эта мелодраматическая дребедень в духе старых французских романов расточается по поводу заурядных амуров великосветского хлыща и петербургской чиновницы, любительницы эксельбантов». Или: «в его новом романе нет никакой злобы дня, ни злобы вечности, ни тенденции, ни... ни даже идеи... Но зато есть типы, характеры? In spe»... Или: «прочитав хотя бы первые две части «Анны Карениной», Вы чувствуете, что Вы не удовлетворены, что чего-то недостает, точно Вы просидели час–другой в щегольском помещении, но до того низком, что потолок его давил и жал Вас. Чего не достает? Воздуху, шири, размаху». Или: «Ни одним из таких достоинств не отличается новое произведение Толстого, и не принадлежи оно его перу,никто не обратил бы никакого внимания на него. Много шуму из пустяков». Или: «Роман «Анна Каренина», несмотря на все восхваления его, кажется, именно принадлежит к числу подобных (т.е. занимательных сказок) произведений, а его прославленный автор относится к числу художников, способствующих понижению нравственного уровня в обществе». Довольно! Заметьте, что это все отзывы разных органов прессы и разных лиц. Я мог бы привести их еще очень много, но думаю, что для доказательства моего положения и неосмысленности слов г-на Феоктистова достаточно. Впрочем: слона-то и не приметил! Отношение к произведениям Достоевского как публики, так и прессы еще лучшее доказательство: только в последние годы начинают его постигать и им наслаждаться. Он шел впереди своего времени, он прозревал и пророчествовал, почему не только верно изображал современ-

ность, но и рисовал, что из нее разовьется – будущее. Оттого суета и мотивы современности, не только не позволили своевременно – в январе, а не в декабре – оценить его как художника, но и в ближайшие эпохи за его смертью его изображения оказывались опять «современными» и «современники, определенно настроенные, видевшие затронутые» им «жизненные явления перед собой», не могли оценить его произведения, поднимали вокруг них свистопляску и улюлюканье, удерживавшие чуткую молодежь от чтения и изучения этих созданий великого русского гения-ясновидца. Только в самое последнее время, 20-ть – 30-ть лет спустя после его смерти, да и то благодаря отчасти тому, что наши духовные господа – немцы и вообще Запад – стали переводить его, изучать и приходить в восторг перед неисчерпаемой силой и глубиной его гения, – только теперь мы тоже начинаем усердно читать его, хотя для изучения его сделано еще поразительно мало, скажу – постыдно мало. Даже такой обширный ум и не без критического чутья, лидер критической мысли, как Н.К.Михайловский, видел в Достоевском только «жестокий талант».

БЕСЕДА 6-я

Художественное творчество в кавычках и без них. Истинно художественная эмоция и интерес современности. Оценка художественных произведений современниками; примеры. Читатель прежний и теперешний. Современная критика.

Но позвольте! торжествующе восклицают г-да Феоктистовы: Вы опять увлекаетесь Вашей больной фантазией! Как же: разве не современниками Пушкина, Лермонтова, Грибоедова читались нарасхват, по частям по мере выхода или даже до выхода их в печати, в рукописных списках, выучивались наизусть, списывались в альбомы их произведения?! Разве не современная того времени публика оценивала и читала Гоголя и Толстого, иногда раньше и вернее, чем присяжные критики оценивали их?! Что же вы нам рассказываете! Да, г-да Феоктистовы: Вы говорите верные факты. Но вдуматься в них не желаете. У Вас не достает воображения, а отчасти и знания, чтобы перенестись в психологию того читателя – современника появлению произведений Пушкина, Лермонтова, Толстого и пр. Вы знаете его плохо, не знакомы с живыми свидетелями истории – мемуарами, записками, письмами и т.п. тех русских читателей, о которых сейчас идет речь, которые первые создали славу названных писателей. То были читатели-простецы, высокомерное отношение к кото-

рым лишает Вас возможности при посредстве симпатии выразуметь их психологию. Эти простецы-читатели, хотя и современные Пушкину, Гоголю и Толстому, были отъединены от толкучки современной им жизни; им чужды были разные господствовавшие направления литературы ходячие пароли и лозунги дня, борьба партий – да их тогда и не было, за исключением разве намечавшихся еще только партий литературных. Эти читатели – простецы читали не особенно много, да и книг было в те времена мало, а до них, разбросанных по медвежьим углам необъятной России, книг доходило еще меньше. Приходилось читать старое, накопленное предками; новое лишь изредка. И вот они с детства читали в библиотеках богатых соседей или любителей – книжников это старое – неумирающее, или, по крайней мере, умирающее не скоро, а через сотни лет. Не только читали, а и перечитывали, списывали, выучивали наизусть. Критики и журналов не читали, да их почти и не было или доходили они в глушь трудно, в малом количестве; а газет, помещающих критические отзывы о новых книгах, еще вовсе не было. И вот этот читатель, читая немногие книги, получал от них многое, думал над ними и передумывал, плакал и умилялся, кипел восторгом и страдал вместе с избранными героями, с любимыми авторами. Содержание книги становилось содержанием собственной души и мысли читателя и действительно питало его душу и его ум, развивало и его мышление, давало основы для выработки прочного своего миросозерцания и своего царя в голове. «On ne sait I bien que ce soit que longtemps après avoir appris» – говорит неподражаемый, лапидарный и глубокий Жозеф Жубер («Только то знает человек хорошо, что изучено им давно»), т.е. говоря просто, – то, что не проглочено, а что разжевано, переварено и усвоено. И не только изучал тогдашний читатель немногое, но хорошее, но и развивал свой эстетический вкус на хорошем и запасал в глубине подсознания и в своей памяти образцы, которые служили помощниками его чутью и эстетическому вкусу; его подсознательная сфера пользовалась этим запасом и бессознательно производила операцию сличения читаемого нового произведения с подходящими для сравнения старыми произведениями. У более образованного читателя – простеца приходили на помощь и анализирующее сознание и ум, почерпая все из того же запаса данных для сравнения и оценки, которую подсознательная сфера производила уже раньше. Никакие мотивы современности не мешали: читатель, так сказать, самой природой был от них изолирован. И славу Богу! Ибо он благодаря этому понял и полюбил раньше «мудрых и разумных» – нашего Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Толстого и Достоевского! После приходила на помощь и критика, тогда еще тоже (говорю до времен гоголевских) бывшая

своего рода простецом, а не схоластом немецкой выделки, вроде современной критики, школы сравнительно-исторического метода, имена же ее прислужников Ты, Господи, веси. Теперь уже мало остается простеца-читателя – всё «образованный». Он благодаря ежедневной газете уже «знает» произведение прежде чем прочел его, и получил о нем понятие и предсуждение. Он, читая свою газету и свой или свои журналы, напитался известными готовыми фразами и суждениями людей, принадлежащих к известной клике, к его партии, его миросозерцанию (!!); обо всем у него есть готовое «предсуждение», партийные предрассудки, свое направление. Он и авторов уже делит на козлищ и овец. Он приступает к «новому художественному произведению» уже не с нетронутой, непосредственно чуткой и воспитанной душой, воспримчивостью ко всему прекрасному, что может встретить во «всех впечатлениях бытия», а с душой, взволнованной сутолкой «гущи жизни», раздираемой борьбой и партийностью, трепещущей «вопросами» современности; отравленной чадом фимиамов, воскуряемых современным идольчикам и божкам; уже утерявшей в большинстве случаев Бога и все надежные устои и опоры души и ума, свое внутреннее единство и гармонию разных сторон своих – ума, чувства, воли, разума и веры, отъединенной и от восприятия мира завесой рассудочных построений науки и однобокого, якобы «научного» миропонимания... И главное, в большинстве случаев теперь читатель не воспитан и плохо образован нашей школой (об этом еще буду говорить после), с невоспитанным и вконец притупленным чутьем и вкусом, вследствие преждевременного ядовитого чтения произведений дурного или ложного искусства; разве это читатель-простец, оценивший Пушкина? Иногда прочтет что-нибудь такой современный читатель – не профан новое, свежее, озаренное проблеском начинающего творчества и почувствует правду, и наслаждается ей и умилится. Но завтра выходит критика этого произведения, написанная «нашим маститым критиком» имярек, и скажет, что типы, выведенные в этом произведении вовсе не создание творчества; докажет, что уже в XXXV веке до Р. Х. индийский эпос содержит указание на зарождения такого типа (см. сочинения такого-то немецкого автора, т.15-ый стр. 902-ая, такого-то т. 21 стр. 1501, такого-то т. X-ый, стр. 999-ая и т.д., перечисляется десятка полтора немецких, один итальянский, два французских, четыре английских, один испанский и т.д. авторов); докажет, что в XXX веке до Р.Х. этот тип получил дальнейшее развитие в китайском эпосе, чему следуют доказательства и такие же, как предыдущие цитаты; что в таком-то веке тип этот наконец получил первое ясное выражение в творении такого-то египтянина, жившего тогда-то; но ученый X относит его сочинение к веку такому-то; а корифей исто-

рии литературы г. У оспаривает это мнение, относя его появление к эпохе на два десятка лет позднейшей, ученый же XZ вовсе отрицает существование сказанного египтянина, а полагает, что указываемая сага перешла в Египет из Халдеи (см. сочинения таких-то, таких-то – имярек, и томам, и страницам нет числа и т.д. и т.д.). И продолжается это изыскание, эта генеалогия типа, через все эпохи, до и после Р.Х., по всем частям света, языкам и странам, вплоть до наших дней, доказываемые столь же поучительными учеными ссылками. Наконец, резюмируется, что тип, выведенный автором, не самостоятельный, вовсе не оригинальный, общий почти всем указываемым авторам; поэтому нельзя приписывать тут что-либо творчеству имярек и т.д. и т.д., Критик из школы психологической протянет нити от типа к сочинениям всех психологов, начиная от Платона и Аристотеля и кончая проф. Нечаевым, крепко натянет все связующие нити между сродными типами – и не одобрит также тип, созданный г-ном имяреком. Ученые критики школы экономико-политической – докажут, что вовсе это не тип и не характер, а производное таких-то экономических и политических конъюнктур, возникших тогда-то и там-то; видоизмененный хозяйственным строем русского государства, его почвой, гидрографией и орографией; претерпевший извращение вследствие реакции, наступившей такого-то июля, такого-то года и злоумышлениями ультрамонтанов и черной сотни; урезанный и стесненный в своем развитии циркулярами таких-то министров таких-то министерств, изданных в ответ и по провокации Пуришкевича и Маркова и т.д. и т.д. Критики из школы футуристов и эго-футуристов и ослиных хвостов крикнут: «Ерунда! Пошлое подражание манере Гете, Пушкина и Толстого! Сжечь для освобождения грядущего свободного человека все творения Рафаэля, Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи, разных там Шекспиришек, крепостников Пушкиных, баричей Толстых!»; «Сторонитесь, небеса, я иду!». И простодушный читатель, имеющий несчастье быть нашим современником, уныло повторяет: «Ах! Я осёл, осёл! А я думал, да ведь и чувствовал, читая, что это живой человек!» И впредь всегда опасается «сметь свое суждение иметь» и ждет – «что скажет княгиня Марья Алексевна».

БЕСЕДА 7-я

Общественность. Кого хочет воспитывать современный общественный деятель. Что он хочет воспитывать. Основы общественности и ее воспитания, Чего недостает русскому человеку.

Чтобы покончить с «защитой читателя» и идти далее, – а идти нам еще далеко, – процитируем еще маленькое местечко из статьи г. защитника читателя и общества; не смущайтесь, читатель! – самое маленькое: «ни о необходимости для него, общества, других культурных шагов на пути к осуществлению стоящей перед ним задачи – морально-эстетического и культурного воспитания человека и развития в нем инстинктов общественности». Теперь будем, читатель, путем анализа, вскрывать словеса г. защитника читателя и общества. В его словах написано «Общество» с большой буквы, в наших – с маленькой. Но при защите «читателя» он постоянно сливается у г. Феоктистова то с обществом, то с Обществом, т.е. надо разуметь Лермонтовским. Отсюда наш вывод, что в представлении г. Феоктистова эти понятия так тесно соприкасаются, что их и разделить трудно. Согласен и прошу только извинения у читателя, что прежде чем выяснил это, самочинно употреблял безразлично и «защитник общества» и «защитник читателя». Если кое-где по недосмотру общество взято в кавычки, – извиняюсь за это и перед г. Феоктистовым и перед читателем. Но существо дела это не меняет: прежде всего читатели библиотеки Общества – его члены, и, имеют по уставу даже преимущество перед другими читателями, внося единовременно сумму не менее 3-х рублей, читатель-подписчик приобретает право на баллотировку в члены Общества. Но неважно и это: читатель во всяком случае – член общества (с маленькой буквы), и г. Феоктистов защищает общество, и по отношению к чтению и другим задачам Лермонтовского Общества. Итак, какого же читателя имеет в виду «защитник читателя»? Он нам уже заявил, что «возмужалого». Ergo: Общество имеет дело с «читателем» и все время идет, со стороны по крайней мере г. Феоктистова, речь о возмужалом читателе. Следовательно, г. Феоктистовым рекомендуется, между прочим, основание отдела современной беллетристики и расхваливается и раздувается до размеров «огромного культурно-просветительного шара» со стороны Общества как средство для воспитания этого читателя. Такого «возмужалого» читателя г. Феоктистов хочет, во-первых, воспитывать, а во-вторых, воспитывать в нем «инстинкты здоровой общественности»! Не прав ли я был, говоря, что г. Феоктистов предлагает «возмужалому» читателю соску? И не только читателю, но и «Обществу», т.е. Лермонтовскому. Развивают, как известно, людей в

очень юных годах; в возмужалых – они частью развивают себя сами, а главным образом пополняют уже только пробелы своего образования; только в исключительных случаях и исключительные люди могут перевоспитать себя. Что же касается до воспитания «инстинктов», то это больше касается царства животных (разумеется, в смысле скотов); к homo же sapiens это приложимо только, – и то в ограниченной мере, – в эпоху соски и в эпоху, непосредственно к ней примыкающую. Таково мнение г. «защитника читателя» о том, «в чем последний нуждается»; таково мнение его и об Обществе, председателем Правления которого он имеет честь состоять, и таково, прибавим, мнение и философия г. Феоктистова относительно основ, на которых зиждется «здоровая общественность»! У животных –да, – только инстинкты. Но у человека, да еще клиента Лермонтовской библиотеки и у самих членов Общества, видеть основания общественности в инстинкте и чаять ее улучшения от воспитания и развития последнего – это... немножко много, и характеризует ярко глубины философского, педагогического, исторического, психологического и социологического мышления и познания лица, изрекающего такую сентенцию. Инстинкт дается всей предыдущей эволюцией рода, вида, всего живого. С ним приходит и животное и человек на свет; видоизменения инстинкта в короткую жизнь человека ничтожны до неприметности, они становятся заметны лишь in specie и в истории. С равным правом можно сказать, что вы беретесь развить в течение одного поколения у быка охотничий инстинкт гончей собаки, а у живущих особями или семьями животных – инстинкт стадности. У человека инстинкты отступают далеко на задний план. И говоря об инстинкте животных, вы говорите, что они соединяются благодаря ему в общества. Но у людей вы уже употребляете слово «стадность», очевидно, не одобряя такую общественность, которая зиждется только на инстинкте. Вы требуете от разумных существ, чтобы в их выявлениях, поступках и деятельности мотивом были не инстинкты, а мотивы идеального свойства, основанные и проистекающие из начал религиозно-нравственного отношения к миру, любви и понимания связи явлений. Требуете, чтобы человек сознавал, что эгоистически уединенный, он – ничто, он сам себя отрицает и приводит себя к нулю, что высшее самоутверждение личности заключается, напротив, в ее свободном и добровольном самоограничении. Так любящий человек ограничивает себя и, повидимому, жертвует свои интересы и даже самого себя ради любимого (влюбленные, супруги) или любимых (матери, отцы, братья, друзья). Но в действительности он находит в этом высшее наслаждение, высшее для себя благо, т.е. не только утверждает, но и расширяет свою личность. И чем больше круг других, охватываемый любовью одного, тем больше и это расширение личности. Идя от любви к

родителям к любви супружеской и семейной, человек вступает постепенно в дальнейшие концентрические круги любви: к родовому союзу, своему клану, племени, своему народу, национальности, отечеству и т.д.; наконец, – ко всему человечеству, животным, земле, вселенной. Соответственно этому он воспитывает и детей своих, основывая воспитание детей и следующих за ним поколений на религиозных началах исповедуемой им веры. Задача же воспитания – не только прививка известного основного мировоззрения, но и воспитания и развития в детях, начиная с колыбельного возраста, соответствующих чувствований и мотивов поведения вообще, общественного в частности, но и этого мало: и мировоззрение и этические чувствования могут быть налицо, но не будет иметься достаточной волевой энергии для их воплощения в деле жизни. Наконец, может быть и развитая воля, но не будет развито самообладание и привычка к самоконтролю, самообузданию и управлению собой, к подавлению низших побуждений и мотивов, эгоистического или животного, – что в сущности и в основе тождественно, – характера при столкновении их с мотивами высшего порядка – требованиями совести, зовом идеала. Требуется нечто еще. Нужно именно то, недостаток чего, – недостаток русский по преимуществу, – так пагубен для русской общественности и так тормозит непрерывность ее развития и поступательное движение русского общества и народа. Для воплощения психических актов требуется соответствующий механизм. Ребенок не может ходить, хотя все члены, мускулы, кости, нервы, нервные центры для этого акта налицо. Нет соответственно выработанного механизма, который приходил бы в автоматическую работу без участия сознания и траты внимания для совершения акта, а по одному приказанию решившейся воли. Вы можете иметь и музыкальный слух и громадное дарование к музыке, быть даже незаурядным композитором in potentia. Внутри Вас могут звучать небесные мелодии и чудная гармония звуков, но Вы не можете ничего этого выразить вовне, ибо Вы не умеете играть на каком-либо инструменте или не умеете воплотить эти небесные звуки в таинственные крючки, линейки и точки нотной абракадабры. И звуки этих песен в Вашей душе умрут вместе с вами. Вам необходимо долгое учение – воспитание Ваших пальцев, Ваших мускулов, Ваших нервных центров, чтобы значение нотных знаков при первом беглом взгляде, послушно преображалось в чудные звуки и воплощало творческую мысль композитора. Вам нужно много работы, суровых аскетических напряжений, затраты массы энергии и труда на скучное дело – выработки механизма – посредствующего звена между желанием творчества и способностью к нему и самым творческим актом или передачей при посредстве инструмента; Вам нужно «разъять как труп, и поверить алгеброй гармонию», «перстам придать послушную,

сухую беглость и верность слуху». То же самое и в нравственной сфере – поступка, отношения к ближнему, общественности. Необходим долгий и преемственный из поколения в поколение процесс выработки соответствующих механизмов морального поведения. Требуется долговременное воспитание Вашей воли путем аскетического упражнения ее для подавления низших велений плотского элемента Вашего существа; долгое упражнение в дисциплине своих мыслей чувств и желаний; упражнение способности переводить их в соответствущие акты; выработка аппарата, который по сигналу высших центров автоматически начинает действовать в направлении получения желаемого результата и покорно слушается велений Вашей контролирующей воли и сознания, покорных в свою очередь велениям этики, долга, сознанию обязанности и совести, чувству любви и – к Богу. Когда Вы выработали в человеке этот подчиненный механизм, Вы вооружили его необходимым орудием для осуществления и воплощения Идеалов, Вы создали свободного человека из социального животного. И он свободно, т.е. на основании собственных, внутренних мотивов, не по принуждению необходимости или выгоды, будет участником в делании и приближения Царства Божия на измененной, преображенной творческим духом Божиим, в человека вдохнутым, черной земле... Таков процесс воспитания. И воспитание истинной, – если хотите, – «здоровой» общественности в существенных чертах подчинено тому же закону. Но не забывайте: процессу, осуществляемому преемственной работой поколений, трудом всего человечества, всего тела Божьего – Церкви. Ибо воплощение духа в явлении материальном есть процесс постепенного преображения материи – координацией материальных сил по принципу индивидуального организма, отдельной личности. Процесс трудный и длительный.. Он может быть сокращен лишь святостью, а она удел немногих избранников Божиих.

БЕСЕДА 8-я

Способ чтения современных беллетристических произведений, его цель и оценка. Две образованности. Психологические экскурсии г-на Феоктистова и моя.

Итак, читатель, ты видишь, насколько уместно и насколько богато проницательностью и мыслью суждения г. защитника правды. Это что называется – «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Что же: разве из слов моих вытекает, что не нужно вовсе читать современные «художественные» произведения? Суди сам. Только не думай, что ты предаешься

художественно-эстетическому делу, «протягиваешь нити», занимаешься при всей своей «возмужалости» эмоционально-воспитательным занятием – «одно дело бузина, а другое – дядька». Не отвергаю сего занятия и я, твой покорнейший слуга. Но если ты будешь уверять меня, что это серьезное; самое необходимое, значительное культурное дело и проч., – я опять запротестую. Пока же скажу только: одни читают своевременную «художественную» беллетристику для развлечения и времяпровождения досуга, для отдыха от более серьезного труда; другие – по внушению схоластического историко-критического воззрения, отыскивая «новые художественные направления» в литературе, «сродные типы» и т.д.; третьи, чтобы в легкой и удобоваримой форме воспринять разные современные проблемы жизни и мысли, поверхностные решения религиозных, эстетических, философских, социальных и др. вопросов, приобрести знакомство с вопросами дня, модными увлечениями, модными героями и героинями и таким образом приобрести уменье говорить обо всем, иметь вид образованного человека. «Как же Вы хотите теперь без эмбриологии?» – восклицает незабвенная г-жа Кукшина. Г-ж Кукшиных – увы! – в настоящее время очень и очень много; такие читатели не имеют, по умственной лености, желания почерпать действительную образованность и знакомство с вопросами дня из серьезных – не беллетристических, – а философских, этических, научных и т.д. сочинений, которые расширяют горизонт духовного развития, развивают мышление и привычку к упорному исканию истины и знания; они довольствуются ходячими трафаретами, модными фразами по каждому животрепещущему вопросу. Наоборот, человек, изощренный трудом серьезного чтения, обогащенный знанием, укрепленный подвигом искания истины, такой человек легко уже разбирается не в романах, а в подлинной жизни, в современных учениях и направлениях, и протягивает нити от своей души не к книжным типам и героям, зачастую намалеванным рукою маляра или исковерканным презренными фиглярами, а к живым подлинным людям. Наставление «сына» г. Феоктистова, по сему поводу, обращенное ко мне, «отцу», делается таким менторским тоном, что получается презабавная сценка, преисполненная величайшего комизма. Позволю себе как «отцу» тоже наставления: будьте, г. «сын», поосторожнее! Для разговора о «важных» предметах требуется немножко багажа и аммуниции. А то в качестве Председателя Лермонтовского Общества, особенно при торжественных оказиях, или являясь его представителем на разных юбилеях и проч., можете изумить своим всеведением г.г. знатных и компетентных иностранцев. Как бы не вышел от сего конфуз и ущерб для дорогого мне Общества памяти М.Ю.Лермонтова! Г-н Феоктистов любит делать экскурсии или, по крайней мере, упоминать имя пси-

хологии всуе. Мало того: с живой еще личностью, правда, похороны моей он ожидает в самом ближайшем будущем, он не стесняется нисколько; во всеуслышание ставит даже диагнозы ее болезни: страдает фантазмами, призраками собственной фантазии, т.е. галлюцинациями, псевдогаллюцинациями или фантазмами, «опасной, больной принципиальностью» (извините, г. Феоктистов: «больная принципиальность» –это вроде Ваших «мужают поколения» или сапогов всмятку); не довольствуется и этим: объявляет больному прогноз: вы умрете, как только я кончу вас исследовать. Сделаем и мы маленькую психологическую экскурсию – не из желаний подражать г. Феоктистову, а просто по профессиональной нашей привычке, которую создает в нас наша специальность – привычке наблюдать не только психологию субъектов, нам порученных, но и всех вообще нас окружающих. Наблюдать же «предстоящих и предсидящих» считаем даже необходимым и, пожалуй, – долгом. Ибо хотя нам не поручено наблюдать за частными обывателями и ставить им диагнозы и прогнозы, но им поручено общественное дело; следовательно, их психология как таковых имеет общественный интерес, а потому подлежит и ведению общества. Конечно, мы делаем наши скромные наблюдения не с тем, чтобы пришпилить к объекту наблюдения какую-нибудь ходячую этикетку, вроде: се человек в сером; се – тот, кто получает пощечины, и т.п., а с целями практическими, не высоковозвышенными. Мы наблюдаем, чтобы уяснить себе: насколько словам и свидетельству наблюдаемого можно верить; насколько слова его соответствуют его внутреннему содержанию, его действиям и поступкам, чего можно от него ожидать, насколько ему можно доверять и предоставлять свободы; как «натянуть связующую нить», но не между нашим о нем понятием и этикеткой, нами к нему пришпиленной, а между нами самими и им, как живой личностью, и при посредстве этой нити получить известный прагматический результат: показать ему или обществу, где он проявляет себя, помощь, если таковая потребна. Как видите, читатель, цели весьма прозаические, совсем не такие, какими угощает тебя твой защитник. Итак, маленькое наблюдение (цитирую статью г. Ф-ва) «серьезный, по-видимому, искренно интересущийся обсуждаемым вопросом человек» (т.е. я – Евграфов). Для нас довольно: наблюдение сделано; наблюдение ценное, потому что вырвалось, как во время сеанса психоанализа по способу Фрейда, из подсознательной сферы, не искажено рассудочной сферой, непреднамеренное. Да что же Вы тут находите? – спрашивает читатель. А вот это великолепное «по-видимому»! В устах «предстоящего», состоящего несколько лет членом Правления Общества, а теперь «предсидящого» человека оно многозначительно. Он так основательно познакомился с делами Общества, его историей, его летописями,

преданиями, печатными его изданиями, ежегодными его отчетами, что не может с уверенностью сказать, интересовался ли, интересуюсь ли я (простите, читатель, за нескромность: приходится поневоле говорить о своей личности!) – один из учредителей Общества, бессменный его председатель в течение 20-ти лет, труды которого изданы иждивением Общества, речи которого читались в торжественных собраниях Общества и на всех общественных знаменательных торжествах родного города, где он (т.е. я) являлся по поручению Общества его представителем, его «голосом», как говорят англичане и американцы, автор по поручению Общества всех адресов от Лермонтовского Общества литературным деятелям и Обществам: Академии Наук, Обществу Любителей Словесности, Пензенскому Городскому Управлению, Н.К.Михайловскому, Н.Стороженко, Л.Н.Толстому и проч., *по-видимому* человек, интересующийся вопросом о библиотечном деле, о литературе, художественном творчестве, чтении книг, его влияния! Помилуйте, г. Председатель! Если уж Вы такого плохого мнения обо мне лично, что допускаете возможность (тоже характерная психологическая черточка!) исполнения всего этого без интереса и некоторой суммы знаний по этим вопросам, – а они то нас и занимают с самого начала нашего разговора, – то что же думаете Вы об Обществе, председателем правления которого вы имеете честь состоять? О его способности оценивать, интересуется ли человек делом или нет, понимает ли в нем что-либо, или он круглый невежда в вопросах, говорить о которых ему поручается, и на том или другом решении коих основывается деятельность его и самого Общества? И ошибиться не случайно один – два раза, а в течение целых 20-ти лет? Предполагаете ли Вы, что Общество, не читая, подписывалось под всеми его адресами и клало свой штемпель на его труды? Наконец, будучи столь глупым, невежественным и недобросовестным, что позволяло такому деятелю говорить от его имени и его именем, Лермонтовское Общество не только оказывает ему неизменно 20-ть лет свое доверие, но так мало себя уважает, что этому человеку, когда полное расстройство здоровья помешало последнему продолжать служение Обществу, Лермонтовское Общество оказывает столь великую честь, что избирает после смерти единственного почетного члена своего – Л.Н.Толстого, также своим почетным членом! Дело, повторяю, не во мне, а в психологии человека, выступающего в качестве «предсидящего», защитником Общества от меня. Он не только верит в такую психологическую возможность, что добросовестный человек не интересуясь, не имея надлежащих сведений и не размышляя о вопросах, составляющих нервный центр деятельности Лермонтовского Общества, будет принимать на себя в течение 20-ти лет такие общественные обязанности, но и в возможность, настолько про-

вести Общество, что будет играть роль «голоса» Общества, не имея на то соответствующих данных. Не правда ли, характерное верование, вдумчивые читатели? Г-н защитник читателя и общества наивно не замечает, какое новое оскорбление наносит он тому, что защищает. Три раза уже случалось это с блестящим защитником: произнесет слова в защиту «читателя», я вскрываю их и последствия, с железной необходимостью из них вытекающие; обозначаю его мнение об обществе, implicite заключающееся в его же словах, – и г. Феоктистов обижается этими словами и начинает защищать от меня читателя и общество! Но и облеченный в тогу защитника читателя и чести общества он, произнося свои «слова, слова, слова», вновь наносит ему еще более сугубые оскорбления. Вот последствия начитанности в современной «художественной» литературе и неуважения к слову! Ибо кто не хранит завета Гоголя: «обращайтесь со словом честно», – тот может и употреблять слова, как попало, и произносить их тогда, когда нет того, что словам суждено выражать. Так опасно делать экскурсии в область психологии, точно так же, как делать какое-либо публичное выступление без багажа и аммуниции, для сего потребных. (*При осведомленности г. Председателя Правления Общества позволительно спросить его: известно ли ему, что,* по-видимому, *в нынешнем году исполнилось 25-ть лет со времени начала организации Лермонтовского Общества? что,* по-видимому, *в будущем году исполняется 25-ть лет со дня открытия библиотеки имени М.Ю.Лермонтова?* По-видимому, *неизвестно; ибо видимых следов того не обнаруживается: ни доклада об ознаменовании сего события, ни доклада об избрании комиссии для подготовительного к сему труда, собрания нужных материалов по истории Общества, ни приглашения всего Пензенского общества к участию в поминках этому историческому факту в жизни местной общественности и т.д. мы не видим. Что делать! Мешают г. Феоктистову развивать русскую общественность: погодите, вот он воспитает общественные инстинкты (sic!) «своими средствиями»! А впрочем, не ошибаюсь ли я: может быть, свято памятуя об этих юбилеях, г. Феоктистов и сделал к ним приуготовления, а в результате оных, по тщательном изучении истории Общества, вынес высказываемые им суждения– explecite или implicite– обо мне и Обществе? Кто знает!**).

БЕСЕДА 8-я

Этическое настроение русского народа. Его герои и святые. Недостаток морального воспитания и навыков морального поведения.

Русский народ, в своем эпосе воспевающий не рыцарей sans peur ni reproche – Роландов; не хитроумных богоравных Уллисов; не корыстолюбивых, алчущих злата, власти и крови Нибелунгов, а великого богатыря землероба Микулу; тяжеловатого и добродушного защитника земли – сидня Илью Муромца, Добрыню Никитича, освобождающего народ от Змея Горынича; щеголя Чурило Пленковича, гостя гусляра Садко, сорванца новгородского Василия Буслаевича; народ, любящий память деятелей не вроде Фридриха Великого, Бисмарка или Кайзера, а обратившего его в веру Христову, Владимира Красно–Солнышко, любящего веселье и Божий радостный мир, пирующего с дружиной и народом, вкушающего и пьющего от щедрот земли-кормилицы; причисляющий к лику святых своих таких исторических героев, как защитник земли русской от немцев и шведов Св. Александр Невский; молитвенников за землю, ее устрояющих, возделывающих как Св. Сергий Радонежский, Св. Митрополит Алексий; любителя правды, предстателя и защитника невинных перед Грозным царем – Св. Митрополита Филиппа и т.д.; этот народ чтит святость праведных, живших, как и он, в бедности и подвижничестве; старцев вроде о. Серафима и ему подобных; при виде старцев-отшельников, вроде нарисованного Достоевским старца Зосимы, он умиляется, как и юный интеллигент – Алеша Карамазов, его поучениям: «Всегда решай: «возьму смиренной любовью». «Решишься, так раз навсегда и весь мир покорить возможешь. Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего. На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен. Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливою душой; ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видел тебя и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Ты и не знал сего, а может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно пожалуй, а все потому, что ты не уберегся перед дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе. Братья, любовь – учительница, но нужно уметь ее приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работою через долгий срок; ибо не на мгновение случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбить. Юноша, брат мой, у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда: ибо все как океан, все

течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается. Пусть безумие у птичек прощения просить, но ведь и птичкам было бы легче, и ребенку, и всякому животному около тебя, если бы ты сам был благолепнее, чем ты есть теперь, хоть на одну каплю да было бы. Все как океан, говорю вам. Тогда и птичкам стал бы молиться, всецелою любовию мучимый, как бы в восторге каком, и молить, чтоб и оне грех твой отпустили тебе. Восторгом же сим дорожи, как бы ни казался он людям бессмысленным». «Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлекший меч погибнет мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг друга даже до последних двух человек на земле. Да и сии два последние не сумели бы в гордости своей удержать друг друга, так что последний истребил бы предпоследнего, а потом и себя самого». Или поучения вроде: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою всемирною любовью. Животных любите: им дал Бог начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след твой гнойный оставляешь после себя, – увы, почти всяк из нас – Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца. А меня старец Анфим учил деток любить: он малый и молчащий в странствиях наших, на подаянные грошики им пряников и леденцу, бывало, купит и раздаст; проходить не мог мимо деток без сотрясения душевного; таков человек». И часть гордой интеллигенции, вместе с народом, склоняется перед величием этих простецов – праведников и вместе с братьями Киреевскими, Хомяковыми, Аксаковыми, Достоевским, Вл. Соловьевым, Толстым идет к живым прототипам старца Зосимы искать утоления душевной скорби своей и искания истины. И вот народ, столь богато одаренный от природы задатками этического развития и расцвета, живым и способным умом, чуткостью совести и религиозного сознания, – этот народ, благодаря недостатку развития механизма практически действенной морали, о котором я говорил выше, этот народ не мог до сей поры устроить жизнь свою благообразно и благолепно. Русский че-

ловек неряшлив в своем нравственном поведении, как индивидуальном, так и общественном, и часто при всем стремлении мечты своей к Царствию Божию на земле не может побороть недостатки, как в себе самом, так и общественные. Один из сынов его, любивший Россию всеми силами души своей, но не боявшийся высказывать всегда горячим словом своим всю правду и клеймить недостатки даже в любимом, ибо это естественнее и необходимее, чем льстить любимому, сказал о русской общественности:

А на тебя – увы! – как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна и неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Да чаще с недостатками и пороками своими он и не борется: простой народ махнет рукой и говорит: «и рад бы в рай, да грехи не пускают»; а интеллигент русский чаще всего произносит: «обстоятельства... мешают мне – некто и нечто (имярек)». Эх! Милостивые государи! У какого же народа не было совершенно аналогичных «обстоятельств», этих «некто и нечто», да еще куда иногда покруче, погуще и посильнее! Вспомните гугенотов, которых гнали и преследовали во Франции. Однако они только еще более развили свою общественность и общественные «инстинкты» и общественную мораль от стеснений, «угнетения и придавливания общественной совести», понесли и насадили свою общественность и привили ее навыки в других странах. А как преследовалась, угнеталась, искоренялась общественная и индивидуальная совесть пуритан! Десятки тысяч отрубленных палачами голов их торчали на мостах, на башнях, на столбах проезжих дорог; поколение за поколением бросалось в мрачные подземелья, ссылалось, подвергалось пыткам, изгонялось и т. д.

БЕСЕДА 8-я

Продолжение

Но английская общественность росла; пуритане наложили свой отпечаток на всю общественность Англии, да и на новое основанное ими за океаном государство... Иные русские сердца искренно страшатся этого «механизма морали», как я, может быть, неудачно выше выразился, но,

надеюсь, был понят тобой, читатель. Все-таки прибавлю еще нечто для выяснения своей мысли. Боятся господства лицемерной морали, общепризнанной и сковывающей личную свободу. Но я говорю о механизме, вырабатываемом в себе самом, по собственному своему свободному решению для подчинения низших сторон своей природы высшему – велению свободного сознания, а не для достижения целей, поставленных извне и по принуждению кого бы то ни было: авторитета «меча светского», ходячей морали, и еще более страшного принуждения – рабства, налагаемого толпой, большинством, рабства перед внешними обстоятельствами. Силою такого принуждения Великий инквизитор приводит людей к единству. Но вспомните: этот страшный старик, огромный ум, испытавший людей, жалевший их и желавший помочь им установить на земле царство всеобщей сытости и довольства, хочет сжечь Христа, вновь пришедшего к страдающему народу и узнанного последним, именно за то, что Христос основывал царство Свое на свободном согласии человека. Он отвергал следование за Собой, истекавшее из принуждения – чуда, власти и авторитета. «Жаждал свободной любви, – говорит страшный старик Христу, – а не рабских восторгов невольника перед могуществом, раз и навсегда его ужаснувшим». «Имеешь ли Ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого Ты пришел? Нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты так стоял, когда был на земле»... «Не Ты ли так часто говорил: «хочу сделать вас свободными»?»

Мне часто говорят: «свобода не обман
И не напрасно к ней людских сердец стремленье;
Взгляни – на западе, в пределах чуждых стран,
Ее уже не раз свершалось воплощенье»
Нет, други, – нет и нет! То лести звук пустой,
То праздных слов игра, то призрак лишь свободы!
Обманутые им, волнуются народы,
Мечутся вкруг него с надеждой
И тоской – И что же?
Каждый раз, когда, тот призрак ложный –
Цель яростной борьбы–дается в руки им,
«Обман и суета!» – вновь шепчет дух тревожный
И устремляет вновь их к призракам иным.
Бегут – и нет конца погоне той мятежной,
Проходят смутные дни, годы и века,
Рассвета не видать, стремленье безнадежно,
Заманчивая цель все так же далека!

И сердце отрицать ее уже готово...
К ней путь давно заглох и тернием порос,
Божественной Любви давно забыто слово:
«Свобода – в истине, а истина – Христос!»

Граф Голенищев-Кутузов

Вот именно для того, чтобы сделаться таким «свободным», человек и должен свободным решением воли своей и подвигом работы над собой выработать орудия в себе для такой свободы, установить гармонию между полетом своих теоретических этических желаний и своим поведением, между идеалами и повседневной своей жизнью и деятельностью. Сознание и воля прерывисты, только автоматический механизм может работать в направлении, данном указаниями сознания и совести, не уклоняясь с пути. Вся цивилизация человечества основана именно на принципе перехода того, что было прежде сознательным, в сферу подсознательную и в акт рефлекторный, выработке так называемого нового условного рефлекса. И в развитии индивидуального человека тот же закон: вы учились писать, следя за каждым движением пальцев вашей руки и с чрезвычайным напряжением, уклонениями и ошибками добивались уродливых каракуль. Теперь по приказу вашей воли ваша рука бегло начертывает слова и фразы, целые страницы и томы. В детстве и юности вы учились писать сочинения! Как дорого давалось вам каждое предложение! С каким трудом находили вы нужные слова для выражения мысли, как часто слова эти оказывались неточными и неподходящими; как затрудняло вас приведение в порядок и слов и предложений! Скольких усилий стоило вам размещение отдельных периодов речи и частей вашего сочинения в порядке последовательного развития мыслей или основного положения! А теперь вы следите только за ходом вашей мысли, направляете ваше внимание не на процесс изложения, а на конечные результаты. Вы выработали себе нужный механизм, и он действует целесообразно сам, т.е. в соответствии, в направлении вашей цели, для воплощения вашей мысли, чего прежде, до выработки механизма, вы не могли сделать вовсе или, если и могли, то с затратой непропорционально большего количества сил, труда и времени, часто ошибаясь, уклоняясь от цели, или идя вовсе мимо нее, и ее не достигая. То же самое и в сфере воли, к которой принадлежит действование вообще, поступки и нравственное поведение в частности. Я думаю, что теперь не может быть недоразумения. Желающие же подробнее ознакомиться с процессом выработки таких автоматических приборов в нашей организации для служения нашему сознанию и нашим целям, могут найти указания для этого в моих лекциях «О психи-

ческих влияниях на организм и их значении» и в сочинениях, там мной указанных. Западные народы, старшие нас по культуре, знают цену этого психофизического «механизма», и так воспитывают своих детей и самовоспитываются. У нас же интеллигентная молодежь много толкует о «самообразовании», иногда о «самовоспитании», да и вообще об этом интеллигенция вне отдельных личностей, религиозно настроенных или принадлежащих к церкви, не думает и не рассуждает. Не то на Западе, особенно в Англии. Для примера приведу прекрасные слова знаменитого не только ученого-естествоиспытателя и физиолога, но и выдающегося мыслителя, – Гексли (Huxley) (цитирую и перевожу с английского по сочинению другого знаменитого ученого – сэра Оливера Лоджа: «Modern Problems»): «Тот человек, по моему мнению, имеет законченное свободное воспитание, которого так тренировали в юности, что тело его всегда послушно служит его воле и исполняет легко и с удовольствием всякий труд, к какому только он, как механизм, способен. Тот, чей ум (intellect) есть чистая, спокойная (cold) логическая машина, в которой все части готовы к работе с равной силой, со спокойной ровной легкостью; готовы, подобно паровой машине, быть примененными к какой угодно работе – прясть паутинную ткань так же хорошо, как и ковать устои своего духа; чей ум снабжен запасом знания великих и основных истин природы и законов их действия; тот, кто не будет стеснен в росте (Stunted) аскетизмом, кто полон жизни и огня, но чьи страсти дисциплинированы так, что покорно склоняются ниц (com to heel) пред его сильной волей и делаются служителями чуткой совести; тот, кто научился любить все прекрасное, будь то в природе или в искусстве, ненавидеть низкое и подлое и уважать других, как самого себя, – вот такой чел-век, а не иной, по моему убеждению, получил свободное воспитание!». И так, прибавлю я от себя, стараются англичане воспитывать всех детей своих, каждый англичанин – самого себя, как в замках, так и в коттеджах фермеров и рабочих, и так же воспитывают они свою «общественность».

БЕСЕДА 9-я

Общественность и ее стеснение. Мерзости и гнусности жизни тыла. Воспитание общественности. Общественность в Англии и на чем основывается ее сила. Оправдание мародеров тыла логикой факта и жизни. Преклонение перед логикой жизни. Образованные предприниматели и коммерсанты и русская баба на рынке. Свинья Щедрина и философствующие свиньи Карлейля.

Итак, вы видите, читатель, мои суждения относительно основ «здоровой» общественности и средств к ее воспитанию. Вы вправе считать мои убеждения ошибочными, малоосновательными. Но нет оснований называть следствия и действия, неизбежно вытекающие из таких убеждений, лицемерием; конечно, если только вы считаетесь с тем, чтобы употребляемые слова соответствовали предмету или понятию о них. Вы видите, что я не могу находить причинной зависимости между стеснением общественности и недугами и язвами русской действительности, как якобы следствиями первого. Помимо уже указанных мной оснований, которые приводят меня к такому мнению, приведу еще и указание на то, что несмотря на отсутствие всяких стеснений общественности в Северо-Американских Соединенных Штатах и полнейшую свободу в республиканском государстве, взяточничество, подкупы, обдиранье общества трестами, синдикатами, миллиардерами, неправосудие и партийность решений суда по отношению к этим мародерам и разорителям общества, «рви и подбирай», «азарт и разные мерзости» царят там и без войны, которой свойственно вообще поднимать на бурлящую поверхность жизни всяческую «накипь». Вот если бы я делал противоположное своим убеждениям, тогда это было бы лицемерием. Но я делаю свое посильное дело: я указываю недостаток русского человека и русской жизни, который, по моему убеждению, лежит в основе этих мерзостей. Я приглашаю к осознанию его и к покаянию; ибо сознание своей вины в грехе общем – первый шаг к устранению последнего, без чего устранение этого греха невозможно. Напротив, если вы указываете на «стеснение», или вообще уверяете, что причины лежат вне общества и ннднвидуумов, его составляющих, то, во-первых, в исключаете из общества этих мародеров тыла, грабителей, наживальщиков за счет ближнего, пользующихся несчастием и опасным положением Родины; тогда как реально они вовсе из общества не исключены, а занимают зачастую видные ранги в сферах управления, торговли, промышленности, отцов городов и т.д.; во-вторых, вы даете возможность этим негодяям укрываться за некоей завесой якобы от человека «не зависящих обстоятельств» – «логикой жизни»; и в-третьих, вы отвлекаете от них общественный гнев и негодование, ибо как же на них гневаться, если причины не в них, а лежат вовне, в «обстоятельствах»? По меньшей мере вы разделяете энергию гнева общества между «обстоятельствами» и этими подлецами. Вы оказываете неуважение и плохую услугу и общественности, и самой ее идее. Ибо если она так слаба и дрябла, что не может извергнуть из среды общества таких дурных и тлетворных членов, то заслуживает ли она уважения и поклонения? Если вы думаете так, то вы не верите в саму идею общественно-

сти, вы подрываете ее, а следовательно, и возможность лучшей общественности. Если же вы, защищая дорогую вам идею или установление (в данном случае общественность), допускаете при этом искажение правды и думаете тем оказать услугу делу общественности, то вы действуете по принципу иезуитов «хорошая цель оправдывает дурные средства». А этот принцип, где бы он ни применялся, служит лишь в конце концов на погибель и разрушение самых хороших, самых нужных для блага людей дел, учреждений, принципов, дела свободы, права и справедливости. Я уже говорил, что нужно класть в основу воспитания общественности; прибавлю еще: нужна совместная работа людей для достижения общей цели, руководимая идеей служения человеку и обществу. Пусть стесняется круг этой работы, но она дает навыки общественного делания, хождения «рядами и шеренгами», она воспитывает общественных деятелей. Словами тут не поможешь: работайте! Берите на себя подвиг! Не будьте лицемерами; извергайте взяточников, мародеров и грабителей из среды общества; отлучайте от общения с вами торгашей и предпринимателей, наживающих, благодаря обстоятельствам за счет несчастия ближнего и трудного момента для страны, по 30, 50, 100, 200 и более процентов. Во Франции все, даже женщины, прикалывают всюду и везде, где только они попадутся, на спину «embusques» (т.е. увиливающих от военной службы или от службы на фронте под благовидным предлогом службы в тылу) ярлычки с такой и другими, еще менее лестными, надписями. Делаете ли это вы? Прикалывайте – и не в переносном только, а и в прямом значении этого слова – к спинам этих негодяев и мерзавцев такие ярлыки с прямым наименованием того, что действительно ими сделано! Извергаете ли вы из своей среды и отлучаете ли вы этих мародеров и грабителей от общения с вами? Нет! Вы подаете им руку всенародно, гуляете с ними под ручку и беседуете с ними, приятно улыбаясь им; вы принимаете их приглашения и сами приглашаете их к себе; вы кушаете у них хлеб-соль и принимаете участие в их пиршествах, едите их роскошные яства, пьете их дорогие вина и шампанское и часто – на виду, в общественных местах, в ресторанах, трактирах, театрах и общественных садах сидите рядом с ними и с их «дамами» в ложах и в креслах, любезничаете и ухаживаете за их «блудницами», разодетыми в пух и прах, увешанными бриллиантами и золотом, прикрытыми тысячными шляпами, купленными на награбленные деньги! В Венгрии, в вагоне трамвая, разряженная в шелк, бархат и меха, бряцающая и сверкающая драгоценностями, выставляемым нагло напоказ дама «высшего» света во всеуслышание, с бесстыдным нахальством распространялась о выгодных делах, делаемых ее любезным супругом «по случаю войны». Сидевший в вагоне воин, искале-

ченный на войне ранами, встал и дал даме пощечину и... и удалился из вагона. Суд и общественное мнение его оправдали – только оправдали! А вы слышали или сделали то же самое с нахальными разряженными красотками русскими, похвляющимися в публичных местах и развязно беседующими о «выгодах по случаю войны», о больших окладах их супругов и содержателей, о процентах с предприятий? В Англии и во Франции нет ничего подобного этому общественному разврату, этому «пиру во время чумы» и нашей к нему терпимости. Там считается непозволительным наряжаться теперь, «в такой исторический момент». Общественное мнение, общественная совесть и самодеятельность этого не допускают – и горе нарушительницам! В Англии во всех публичных местах, на улицах, в театрах, music-holl`ах, гостиницах, ресторанах и т.д. все стены пестреют вывешенными плакатами, в роде «Наряжаться теперь непатриотично», «Не тратьте лишних денег на наряды, увеселительные поездки в автомобилях! Зачем вы помогаете немцам?» и т.п. А наши дамы, дамочки и девицы? Ступайте в театр Белинского, на благотворительные концерты (!!), по Московской, – много ли вы найдете таких, на спины которых француженки и англичанки не прикололи бы ярлычков? Нет! У вас нет морального мужества. И не будет и после войны, когда эти вновь явленные тысячники и миллионеры потянутся к избирательным урнам, получивши разные цензы благодаря миллионам; они будут избираемы ктиторами, председателями и членами благотворительных обществ, отцами городов и т.д. Кто же виноват и кто будет виноват? И какой воспитательный пример для детей и подрастающих поколений!..

Есть ложь в бездушии молчанья,
Есть ложь в безбожии хвалы...

БЕСЕДА 9-я

Продолжение.

У англичан существует поговорка «The public business of England is the private business of every Englishman», т.е. «общественное дело Англии есть частное дело каждого англичанина». Русский писатель-мыслитель, говоря об этом, прибавляет в пояснение: «Это слово не относится только к политической форме общества. Немногим принадлежит право действовать, влиять на решение общественного дела прямо или даже косвенно, но на всех лежит обязанность участвовать в нем нравственно. Исполнение этой обязанности составляет, по мнению англичан, христианскую

честность гражданина. Точно так же, как в частной жизни сочлось бы признаком преступного равнодушия, если бы кто не предостерег близкого себе человека от опасности, которой тот еще не знает, или не старался бы его отклонить от ложного и вредного пути: точно так же, по закону христианской любви и истекающей из нее гражданской честности, равнодушие или безучастие сочлось бы признаком эгоизма в тех случаях, в которых человек видит или думает, что видит опасность, или ложь, или «нравственный разврат в путях общественных». «Это убеждение выражается беспрестанно в журналах и суждениях англичан об общественных вопросах: «It is unchristian», т.е. «это не по-христиански» или, вернее, – «противохристиански», «несогласно с христианством» (*ибо по-английски приставка «ип» не только отрицание понятия, свойства или качества, а имеет в виду качество противоположное**). Поэтому наш мыслитель заключает: «Начало общественного преуспеяния заключается в нравственном законе, который оно ставит себе идеалом; а сила общества в людях, осуществляющих его». Как видит читатель, я вполне разделяю по этому вопросу убеждение англичан и этого писателя. У нас же, как показывает наша общественность и «защитники правды», этого не признают… Мало того, защищают жизнь со всеми ее «велениями и требованиями». «Что поделаешь, – вздыхает мародер-предприниматель или торговец, – жизнь требует, закон экономической необходимости, такова современная конъюнктура». Так скажет образованный из мародеров тыла, другой иначе, попроще. Я слышал следующее рассуждение одного из пензенских купцов: «Что поделаете! Если я теперича не буду пользоваться, а примерно брать двадцать пять аль тридцать процентов, то мне – карачун! Особливо опосля войны. Рассудите: Разуваев, конкурент мой, берет по сто или двести процентов. Ежели, к примеру, у меня торговля на двести тысяч, то один их оборот даст мне пятьдесят шестьдесят тысяч доходу, а ему тот же капитал двести – шестьсот тысяч. Ежели, скажем, у меня и у него капитал обертывается в год раз – ну, хоть пяток, у меня через год будет прирост капиталов в двести пятьдесят – триста тысяч, а у него один – три миллиона. А ведь капиталец по нынешним временам кое-где и не пяток раз обернуть можно. Вот и смекайте: война тянется два года, и не знай, сколько еще протянется. Как же опосля ее мне с ним конкурировать будет? Да он меня живьем слопает!» И верно: слопает! И идет это языческое преклонение перед Ваалом, Молохом и Мамоной, перед «жизнью с ее требованиями», от Петра к Ивану, от Ивана к Степану и т.д. Катится от коммерсантов и предпринимателей, получивших образование в коммерческих училищах, университетах и высших специальных академиях и школах, переходит к не получившим и

не умеющим поискуснее выразиться и «обосновать» своего исповедания веры принципами немецкой науки и философии, «научным» мировоззрением: торговцам, мастерам, ремесленникам и т.д. Наконец – докатывается до крестьянской бабы, продающей на рынках яички по 50-ти – 80-ти копеек вместо 15-ти – 20-ти. Она не умеет сказать о «требованиях жизни и ее логике». Но, несомненно, что она ими руководится, ибо указывает на жизнь – на Колупаевых, Разуваевых, Собакевичей и Костанжогло, на Ивана, Петра, Сидора... Красноречивые учителя и защитники «жизни» велеречиво толкуют о «законах железной экономической необходимости», требованиях не поддающейся законам Аристотелевой логики высшей логики жизни. Только в глуши еще русской в ответ на такие оправдания мародеров, разумеется – от простецов, нет - нет, да услышите: «Бога ты, подлец или мерзавка, не боишься! Нехристь что ль ты?!» Но ведь стыдно же образованному человеку поддержать голос Правды, исходящий из уст «невежественного» мужика. Вот разве англичанин с его «it is unchristian» придаст вам нравственного мужества, которого недостает вам. Но ведь вы воспитаны, до мозга костей ваших проникнуты современной «культурой», вы всосали в себя при посредстве «современной» литературы и школы немецкую культуру, основанную на неумолимой логике факта, жизни, «объективного» отношения к миру явлений и оправдываемую с неистощимой немецкой работоспособностью в тысячах «научных» и «философских верхов» от Гегеля, Фейербаха, Штирнера и Ницше, Маркса и Энгельса до современных их эпигонов включительно. Эти идеи и эта логика жизни воплотились, наконец, в культурном, политическом, экономическом и научном отношениях, в торжествующий фатерлянд, основанный великим Бисмарком и его руками на принципе «крови и железа». А потому голоса русской правды и голос англичанина будут вскоре затерты, вынуждены будут умолкнуть под громами защитников жизни и ее логики и при свисте осмеивателей «больной принципиальности», жалкого идеализма старомодных фантастов и мечтателей... И торжествующие на рынке жизни г.г. защитники жизненной правды и законов жизни будут предаваться высоко-просветительному и утонченно-культурному наслаждению животрепещущими изображениями современной «художественной» литературы, смаковать их, предоставив «больной принципиальности» упорно продолжать читать Щедринский гимн Торжествующей Свинье, похваляющейся солнце сожрать... Или перечитывать с наслажением, вновь и вновь, огненные слова великого Карлейля: «Мы забыли Бога. Мы устранили факт этой вселенной, как будто ее нет. Мы просто закрыли глаза на вечную сущность вещей и открываем их лишь для видимостей и призраков. Мы просто верим, что вселенная непроницаема и есть великое непостижимое «может быть» (Perhaps); сна-

ружи же, это достаточно ясно, она есть большой, весьма поместительный хлев для скота и работный дом с обширными кухонными печами, столовыми, где тот умен, кто умеет найти себе место. Все истины этой вселенной неверны; только профит и его потеря, пуддинг и похвала ему, только они существуют и остаются видимы практическому человеку». Или его же Pigphilosophy (философия свиней):

«1. Вселенная, насколько можно сделать о ней основательное предположение, есть неизмеримое свиное корыто, содержащее в себе твердые тела и жидкости и всякие иные контрасты и разнообразия, в частности из достижимого и недостижимого, причем последнее в значительной степени существует для большинства свиней.

2. Моральное зло состоит в недостижимости свиных помой, моральное благо – в достижимости их же.

3. Что такое рай или состояние невинности? Рай, называемый также состоянием невинности, золотым веком и прочими именами, состоял (согласно здравому суждению свиней) в неограниченном количестве свиных помой, полном исполнении желаний каждого, так что воображение свиней не могло превзойти действительность – басня и невозможность, как думают теперь рассудительные свиньи.

4. Определите все обязанности свиней? Миссия универсального свинства и долг всех свиней во все времена состоит в том, чтобы уменьшать количество недоступного и увеличивать количество достижимого. Все знания, изобретения и усилия должны быть направлены к этому и только к этому. Свиная наука, свиной энтузиазм и стремления свиней имеют лишь одну эту цель. В этом состоят все обязанности свиней.

5. Поэзия свиней должна состоять во всеобщем признании превосходства свиных помой и молотого ячменя и блаженства свиней, помои которых хороши и имеются в изобилии. Хрю!

6. Свиньи знают погоду: они могут предусмотреть, какая будет погода.

7. Кто создал свинью? Неизвестно. Может быть, колбасник?

8. Что такое справедливость? Соблюдение вашей собственной доли общих свиных помой без захвата части моей доли.

9. Какова моя доля? Ах, это трудно определить. Об этом свиная наука, после долгих рассуждений, не может ничего окончательно установить. Моя доля – хрю! – моя доля есть то, что я сумею взять, не будучи повешен или сослан в каторжные работы. С этой целью существуют виселицы, исправительные дома, о чем нет нужды вам говорить, и правила, предписанные юристами».

БЕСЕДА 10-я

Софизм о «логике жизни». Его секрет. «Логика Аристотеля». Теория, не оправдываемая практикой. Корни текущей действительности. Публицистика и «малые сии». Новые идеи и обращение их в разменную ходячую монету. Пример – теория Дарвина и ее популяризаторы. Новая наука – эвгенетика. Ее требования. Наши популяризаторы 60-х годов.

В чем же, однако, кроется софизм, так широко распространенный по свету, перешедший и к нам, отражающийся в современных типах «художественной» беллетристики, в литературе, имеющей успех среди молодежи – особенно с легкой руки г. Л. Шестова и иже с ним сущих; повторяемой бессмысленными граммофонами, большим и малыми, на стогнах градов и весей, urbi et orbi, и в тесном частном жилище перед лицом домашних Лар и Пенатов и на этом основании попавший и на граммофонную пластинку г. Феоктистова? Проанализируем или, по крайней мере попробуем разобраться, виновата ли «Аристотелевская логика», что такое «логика жизни» и в чем вообще тут «немецкое художество». Благо были же и у нас русские философы, например В.С.Соловьев, о котором знатные иностранцы и сведущие люди говорят, что как философ он будет покрупней Гегелей, Фейербахов, Ницшей, Гартманов, не говоря уже о современных эпигонах философской мысли, вроде Э.Махов, Эйкенов, Когенов et tutti quanti.

Логика может быть только одна; нет логики Аристотелевской, женской, адвокатской, логики жизни, как нет и не должно быть науки немецкой, английской, русской, современной и т.д., ибо есть только научный метод, который прилагают к явлениям мира ученые англичане, немцы и русские. Нет и не может быть разных критериев добра и нравственности, несмотря на то, что есть разные системы морали, есть Сократы и Платоны, Канты и Гегели, Дж.Ст.Милль и В.С.Соловьев, праведники и деятели тыла. Логика есть орудие, есть метод – не больше, с помощью которого из данных посылок, из данного материала – фактов, явлений, теорий – выводятся неизбежные следствия, указываются ошибки и погрешности мышления, приводящие к ошибочным заключениям; метод, облегчающий отыскание таких ошибок. Вот и вся роль и всё значение логики.

Л.Н.Толстой устами одного из своих героев, возмущается против другого ходячего выражения, начертанного также на множестве модных граммофонных пластинок. Именно: «Теория хороша или верна, а к практике она неприменима, или – на практике не оправдывается».

Тут мы встречаем заблуждение, которое в логике (извините, г. Феоктистов!) называется contraditio in adiecto. Ибо теория не может быть хо-

роша или верна, т.е. истинна, раз хоть один факт, несомнено установленный, ею не объясняется или, как говорится, под неё не подходит. В таком случае теория падает или требует поправки. Логика не может быть неверна или неприложима. Если вы допустите это, то вам нужно звать психиатра, или пустить себе пулю в лоб, или сделаться прелюбодеем мысли. Если человек усомнится в ней, то падает все; весь мир, им конструируемый, обращается в хаос, вся Вселенная в бесконечную нелепость, жизнь в бессмыслицу, отрицающую себя. То же и с наукой, и с философией, и с верой, и с нравственностью. Нельзя человеку тогда и действовать, ибо у него не будет средства, с помощью которого он может получить желаемый результат. Кухарка не может сварить без логики обеда, по выражению английского ученого, невропатолога, психиатра и психолога Mercier (см.: Charles Mercier, «On Causation» Journal of Mental Science vol. LXII № 256 и следующие). Ибо логика столь же нужна философу и присяжным логикам, сколько и всем простым людям, что-либо делающим; чтобы найти логические основания причинности, «мы должны пойти, – говорит Мерсье, – не только в лабораторию или обсерваторию, но и в ваш дом, на кухню, в мастерскую, на фабрику, в сад, в поле и во все людские деловые места (the busy haunts), где мужчины и женщины день деньской ищут причины, изучают следствия и наблюдают ход причинности».

Следовательно, несмотря на все настояния г. Феоктистова и требования «логики жизни», фактов и т.д., не могу от нее отказаться при написании своих статей.

Итак, логика есть орудие, подобно тому как только орудие – техника художественного творчества; как есть только орудие или средство – наука. Сами по себе они ни добро, ни зло, но могут быть употреблены как то, так и другое – в разной мере – и, пожалуй, еще чаще – как орудие Зла, особенно в сфере моральной и практической жизни. О поступках, т.е. их моральной ценности Ж.Жубер оставил нам неподражаемый афоризм: «Nos affections, en effet, sont à nos actious ce que les idées sont aux mots. Le point essential, en morale comme en logique, est que les premières soient bonnes» (т.е.: «Наши чувствования, в самом деле, суть для поступков то же, что идеи для слов. Существенное обстоятельство заключается в том, чтобы в морали, так же как в логике, хороши были посылки»). Вот в этом-то и следует искать раскрытия софизма.

Сознаю вполне, с одной стороны, трудность беседовать об этих предметах с газетным читателем, а с другой, – признаю за долг честной публицистки постоянно обращать внимание общества не к одной поверхности текущих явлений, а к их корням и причинам. Ибо философские, научные, социально-политические гипотезы и теории не только отражают-

ся в наш век печатного станка на ходячих мнениях и служат, таким образом, как бы разменной монетой для измерения ценности всех явлений современной жнзни, но и влияют на создание будущего – творят жизнь. Доверчивая публика, только беллетристически образованная, а что еще более важно и прискорбно, – та часть ее, которая почти вовсе не образована, не имеет ни малейшего представления о научных методах, о границах человеческого знания, об основах человеческой гносеологии (т.е. основах человеческого познавания), – та публика, которую я фигурально называю «малые сии», впадает в сообласн, принимая гипотезу за теорию, теорию за научную истину, предположение и рабочую гипотезу за «закон природы», якобы «установленный наукой», а мнения отдельных ученых – за самою науку. А так как до публики последней категории по слухам и отрывочным и поверхностным статьям газет и журналов, «популярных» дешевых брошюр и т.п. доходят отрывки всех этих исканий человеческой мысли и так как она, как это свойственно практическим людям жизни, а не кабинета, относится к мысли серьезно – не как к времяпровождению и теоретическому пражению, а как к делу жизненному и важному, она принимает эти якобы «научные» истины с горячей верой и стремится применить их сейчас же и неуклонно к практике жизни, руководится ими при решении вопросов дня, выработке своего мировоззрения, своего политико-социального credo – символа веры. Вспомните, как публика отнеслась к гипотезе Дарвина «о борьбе за существование»и «о происхождении человека»! Как горячие приверженцы «нового учения» стали последовательно применять его к сфере общественных и экономических отношений; какие абсурды встречались в первое время после ее появления, даже в ученых сочинениях, см., книгу Clemence Royer «Origine de l`homme et des societs». Paris, 1870; и у популяризатора этой книги у нас Бибикова: «Критические этюды» статья «Сентиментальная философия», с сентенциями вроде: «Закон естественного избрания (т.е. естественного подбора) в приложении к современному человечеству, подрывает наши законы политические, гражданские, нравственные». «Чтобы убедиться в этом достаточно указать на преувеличение того сострадания, того милосердия, того братства, в котором наша христианская эра полагала идеал социальной добродетели. На преувеличение даже самопожертвования, состоящее в том, что везде и во всем сильные приносятся в жертву слабым, добрые – злым, существа, обладающие богатыми дарами духа и тела – существам порочным и хилым (разумей: зачем не истребляются преступники, хилые, вырождающиеся, больные и т.д.)! Что выходит из этого исключительного и неразумного покровительства, оказываемого слабым, больным, неизлечимым, даже самым злодеям, словом, всем,

обиженным природой? То, что бедствия, которыми они поражены, укореняются и размножаются без конца» (разумей: путем полового размножения и подбора). Или: «Так как высшие расы произошли постепенно, и что, следовательно, в силу закона прогресса они предназначены в дальнейшем ходе заместить собой низшие расы, а не смешаться и слиться с ними, при чем они подверглись бы опасности быть поглощенными этими расами посредством скрещиваний, которые понизили бы средний уровень породы (sic!), то нужно не раз подумать об этом, прежде чем провозглашать политическую и гражданскую свободу в народе, состоящем из меньшинства индо-германцев и из большинства монголов или негров. Теория Дарвина требует поэтому, чтобы множество вопросов, поспешно решенных, было снова подвергнуто серьезному исследованию. Люди не равны по природе, вот из какой точки зрения должно исходить» и т.д. и т.д., в этом же роде. Не правда ли, читатель, уже попахивает Ницше, Бисмарком и Кайзером, провозглашавшими и осуществлявшими в жизни те же принципы об истреблении слабых, не дающие делом уже, а не словом только, свободы развитию и самостоятельному бытию «низшим» народам; мечтающие обратить в рабство славянство, как Dungervolk, для удобрения германского фатерлянда?», и вновь говорит, что «евгенетика» – это теоретическое обоснование для «создания новой породы людей по мерке современной культуры немецкого образца и для блага грядущего «человечества» по идеалу ницшеанских «рыжих бестий» в лице германцев?

БЕСЕДА 10-я

Продолжение.

Для этой новой «науки» недостает только малости: нет еще достаточно разработанного учения о наследственности и теоретического его обоснования; нет разработанного и проверенного метода для приложения теории к данному реальному индивиду; не существует обоснованного учения о дегенерации (физическо-психическом вырождении), уже повсюду принятой и ставшей ходячей «истиной», и не имеется даже достаточного сырого материала фактических данных о регенерации (то есть возрождении), а теории ее и подавно; существующие теории наследственности, весьма изобильные числом, сами себя уничтожают именно этим числом и своими взаимными противоречиями. Далее: для практического применения «требований» этой евгенетики (а требования ее, ух какие большие – например, чтобы никто не смел вступать в брак без разрешения государства, удостоверяющегося через экспертов в пригодно-

сти для сего брачующихся) нужно прежде всего безошибочно решить: се – психопат, се – здоровый; се – дегенерант, а этот нет; вот «преступный тип» и подлежит уничтожению или кастрации; этот – безнадежно больной физически или психически, а этот еще может поправиться, чего наилучшие врачи решать в большинстве случаев не берутся, а если берутся, то действительность сплошь и рядом их конфузит: приговоренный к смерти от чахотки живет 10–20–30–40 лет (например, приговоренный в молодых годах к смерти профессор Манассеин более 30-ти лет после сего профессорствовал; известный доктор Дмитриев – отец Крыма как курорта – по приговору врачей приехал туда умирать, а прожил лет сорок и массу сделал для изучения Крыма как курорта и виноградного лечения; А.М.Горький лет 15-ть уже приговорен к смерти, а живет и пишет и т.д.). Неизлечимые слепые, немые, хромые, паралитики, пользовавшиеся у корифеев всей Европы и за таковых ими признанные, начинают видеть, говорить, ходить и т.д. и т.п. Наконец – last not least – г.г. жрецы кумира евгенетики и их одурманенные сверхнаучностью приверженцы и единоверцы, по-видимому, не подумали о том, способно ли человечество отрешиться от любви, от сострадания, от желания помочь этим несчастным, страдающим часто за грехи других и всего человечества (например душевнобольной, страдающий наследственной формой болезни; эпилептик от пьянства предков; страдающий не по своей вине или наследственным сифилисом – у нас в некоторых селах почти поголовно; преступник – во многих случаях, если не во всех – результат греха и ложного строя жизни всего человечества). Согласятся ли любящие друг друга и желающие сочетаться браком пойти для свидетельствования к эксперту и подчинятся ли они его решению, как бы доказательно оно не показалось государственным чиновникам, от которых зависит выдача разрешения? Согласятся ли на кастрацию больные, «дегенераны», «преступные» натуры? Согласятся ли близкие их и их любящие? И т.д. и т.п. А если государство, уступив требованиям служителей «чистой» науки (см. статью «The scientific claims of Eugenics» bay professor L.T.More in «The Hibbert Journal», 1915, January), вздумает осуществлять эти требования разума, науки и пользы для грядущих потомков, то согласятся ли люди обратить общество и государство в конский завод или в громадное стадо, подвергающееся опытам улучшения его породы? Откажутся ли они от свободы, любви к ближним, а следовательно и религиозной веры, личных желаний, стремлений, удовлетворения даже таких всеобщих инстинктов, как инстинкт половой? Не возгорится ли вечная, непримиримая война и вражда между «образованными с научным миропониманием» и неразумными простецами? Но посмотрите, как отражаются в публике сведения

о новой науке «евгенетике» и ее требованиях, принятые, как и всё, что идет от столь мощного кумира как «Наука»! Какие практические следствия: в Сев. Америке, в некоторых штатах принимаются законы о кастрации преступников, неизлечимых душевнобольных, о санитарном надзоре за вступающими в брак. У нас «образованные» отцы городов и земские гласные властною десницею сокращают бюджеты на призрение и лечение душевнобольных и оправдывают такую «экономию» не стыдливым и сокрушенным признанием недостатком средств, а аппелируют к неразумности и вреду траты общественных средств на поддержание и улучшение учреждений для лечения и призрения разных дураков и психопатов, ссылаясь на науку евгенетику и ее требования! А о других моральных результатах влияния ее учений на публику, на малых сих – я уж и не говорю…

А помните ли вы Писарева с его проповедями о мыслящих реалистах, популяризацией учений Бюхнера, Молешотта, Фогта и Дарвина, увлекавших в то время всю молодую мыслящую Россию, поставивших «детей» ее в оппозицию с «отцами»? Помните ли его статьи против Пастера – увы, тогда еще не имевшего всемирной известности и славы и осмелившегося научно доказывать, что до сего времени наука не может констатировать ни одного факта самопроизвольного зарождения организмов? Какими помоями Писарев, а за ним вся «мыслящая» Россия обливала тогда такого отсталого ученого и глупца, как г. Пастер! Помните, конечно, как вся эта школа «передовых» россиян повлияла на литературу и жизнь? Как породила она писателей, последователей Писарева: Благосветова, Зайцева, Шелгунова и прочих – сотрудников «Русского Слова», а затем «Дела», «Знания», отчасти «Современника» и пр. и пр.? Как прилагали к практике эти учения и принципы их последователи? Каких, наконец, людей, она создавала: Базаровых, Ситниковых, Кукшиных, Белеволенских (Лесков), Раскольниковых, Ив. Карамазовых, Петров Верховенских, Кирилловых, «наших Клод-Бернаров» вроде Ракитиных и т.д. и т.п.? И наконец, венец всего – Смердяков. Как калечили они самих себя и русскую жизнь и какие плоды от сего происходили и произошли? Вспомните, что несколько поколений между 60-80 г.г., благодаря Писареву и его школе, не знало, и тем не менее плевало на Пушкина, на Рафаэля, – вообще на искусство, а следовательно, были лишены их благотворного влияния, огрубели, утратили часть своей восприимчивости к «художественному», к красоте, к прекрасному языку Пушкина, не испытали нравственно благотворного влияния его произведений – т.е., говоря проще, понизились в своем развитии и одичали? Мало того, Писарев и «передовая» интеллигенция советовали даже Льву Толстому и Щедри-

ну бросить пошлое занятие искусством и учили и молодежь бросить этот вздор, а лучше читать произведения Бюхнера, Молешотта, Фогта, Дарвина. Даже вынимали из рук отцов Пушкина и вкладывали сочинения сих последних! Что поделаешь: и они сами были слишком увлечены; и... малообразованы. Им чуждо было то преемственное влияние философии и науки Запада, которое там ставило в границы всякую новую возникающую гипотезу, ограничивало и ее влияние на массу, воспитанную в духе веры отцов, традиций предания отцов и силой традиций той же философии и науки, популяризованных среди массы предыдущими поколениями при посредстве школы, литературы, беллетристики, в свою очередь лишь отражавших на себе влияние верхов философских и научных. Они, т.е. Писарев и прочие наши «дети», не знали и этих самых – философии и науки, не имели потребной для обладания знанием дисциплины ума, полного усвоения философских и научных методов и проникновения ими. Поэтому безудержно и безгранично, со всей силою веры они отдавались служению «новым словам» якобы всесильной западной мысли.

БЕСЕДА 11-я

Дети последующих эпох. Отражение верхов научной мысли в публике через популяризаторов. Пример – Геккель и его «Мировые загадки». Последнее слово «науки». Где основа «миросозерцания»? Эксперты о Геккеле. Психология Геккеля. Его вера и кумир.

До эпохи 60-х годов эта же история происходила с их отцами и прaотцами во время их бытия «детьми» и плодила вольтерианцев, мартинистов, массонов, мистиков, шеллингианцев, гегельянцев, сенсимонистов, социалистов, фурьеристов и т.д. После них - не претендую, читатель, на полноту, даже приблизительную - материалистов, бентамистов, утилитаристов, мыслящих реалистов, лассальянцев, интернационалистов, коммунистов, народников, марксистов, индивидуалистов, анархистов, социал-демократов, федералистов, ницшеанцев, декадентов, импрессионистов, футуристов и т.д. У отцов была еще сдержка: патриархальный уклад жизни, свежие предания, близость к народу, неподвижный уклад натурально-хозяйственного быта, нерасшатанность и крепость общего уклада жизни и политического строя, поэтому и происходили не с такой головокружительной быстротой, сохранялась большая связь между типами «отцов» и «детей», да и преемственного образования было побольше, потому что тогдашние «отцы» были малочисленны и все принадлежали к самым «сливкам» общества и народа. С течением времени сдерживающие условия,

одно за другим, отпадали, и установилась настоящая скачка «направлений»: нынешние «отцы» попадали завтра в «дети» и последние утверждали, что «дети» прошлого года уже не «могут» понять их, ибо «отстали»...

Литература и беллетристика подхватывали крохи, падающие со стола мужей науки и мысли, перечеканивали их в ходячую монету и идольчиков, бывших в спросе. Эти последние, в свою очередь, значительно поистирались в обращении, теряли ясность чеканки, теряли в своем весе, искажались и уродовались, переходя из множества рук в множество других, катились все дальше и дальше, все ниже и ниже по ступеням общественной образованности и общественных классов, доходя иногда и до самого дна народной жизни... А какие иногда могут быть эти крохи, лучше всего может показать пример «популярных» сочинений первосвященника современного монизма – Геккеля, сочинения которого, например «Мировые загадки» и другие, десятками тысяч, в разных переводах, в повторных изданиях, наводняют публику, переходят, катясь все ниже по ступеням «образованности» и доходя до семинаристов, гимназистов и гимназисток, до рабочей массы, до грамотных сынов народа. И ему верят, и веруют его учению. Ибо полагают, что оно «последнее слово» науки, и самое новое, и самое верное. Оно кладется в основание миросозерцания, получающего название «научного». Миросозерцание дает лейтмотивы действиям, поступкам людей. Оно определяет направление воли и практики морали, отвечает религиозным потребностям души человеческой. Отражается на всей их жизни с ее литературой, следовательно творит эту самую жизнь, о «логике» которой мы и ведем речь. Так каковы же достоинства этого якобы «научного» миросозерцания? В основу его полагаются, для разрешения всех «мировых загадок» и для устранения царящих над людьми якобы «предрассудков» – главным образом религии, – «законы» механики, физики, химии и наук биологических. К экспертам от этих наук нам и нужно, обратиться, чтобы знать, действительно ли таковы положения науки, на которые ссылается Геккель, правильно ли он их применяет и правильно ли построяет из них свою собственную философию. Ибо миросозерцание или миропонимание не есть область или данное науки. Это – философское построение. Если самые основные, исходные пункты для построения даже точной науки лежат вне сферы наук, вне сферы рассудка, а берутся из других сфер человеческой природы, как-то: убеждение в неизменности и законосообразности хода явлений природы, их причинной зависимости, понятие вещества, энергии и т.д. – из сферы разума и веры, то тем паче нельзя построить научное мировоззрение исключительно на том, чего наука не дает. Мировоззрение – это уже метафизика, не наука, дело не дискурсирующего

только ума, а всей духовной природы человека, результаты всего его опыта, внешнего и внутреннего (*собственно говоря, это деление совершенно не имеет основания и есть неточное словоупотребление; гносеология нам непререкаемо показывает, что есть только опыт внутренний; ибо явления внешнего мира доступны нам как данные нашего сознания**) всего знания, накопленного человечеством, а может быть, и его предками животными и всей живой материей, прародительницей этих животных; в построении миросозерцания участвуют и рассудок, и интуиция, и чувство, и воля, и вся подсознательная сфера. Следовательно, нам придется выслушать экспертов и от философии. А так как Геккель делает, кстати и некстати, нападки на христианство, то выслушаем и мнения экспертов-богословов. Прежде всего Геккель настолько наивен в делах философии, гносеологии и их истории, что и не подозревает, что создавая «мировоззрение», он занимается философским построением. Он настолько неосведомлен по части «границ чистого разума», что можно только удивляться, как человек решается говорить о том, чего совершенно не знает. Словно на 30.000 скачущих курьеров полагается. Известный и у нас широким кругам публики философ Ф.Паульсен, произведя добросовестную и подробную экспертизу, заключает ее, со свойственной ему вообще мягкостью суждений, следующими словами: «Не знаешь, чему более удивляться: недостатку ли знаний или невозмутимо торжествующему легкомыслию, с которыми он ведет речь о вещах, о которых он только издалека слышал». И далее: «С чувством жгучего стыда читал я эту книгу – стыда за общий уровень образования нашего народа и его образования философского; за то, что такая книга стала возможной; что она была написана, напечатана, покупалась, читалась, вызывала удивление, что ей верили в среде народа, который обладает Кантом, Гете, Шопенгауэром – это вызывает душевную боль». Профессор церковной истории Loops указывает кучу грубейших ошибок и незнания предмета, где Геккель касается христианства, его истории, догматики и сущности. Такие же отзывы дают и другие философы и богословы, например Юлий Бауман, Эрих Адикэ и пр. Но может быть это по части философии – ведь большинство г.г. ученых естествоиспытателей не без греха по этой части, – а по части основных наук естествознания – механики, физики, химии и прочих, дело обстоит совсем иначе? Заключения механиков, физиков, химиков еще решительнее и категоричнее: законы, которые Геккель выставляет как основные законы вселенной, добытые наукой и ей непререкаемо установленные, оказываются частью вовсе не законами, а гипотезами, или уже отжившими свой век в науке, или еще не обоснованными, или подвергающимися сильным и основательным сомнениям; частью оказы-

ваются измышлением самого Геккеля, не понявшего или не знающего тех законов, которые за таковые временно в подлежащих науках принимаются; частью основываются им на незнании или неверном истолковании элементарнейших фактов и принципов науки, к которой они относятся; частью – просто представляют вранье. Я мог бы, читатель, все это подтвердить тебе соответствующими цитатами из трудов ученых физиков и химиков, но это отвлекло бы меня слишком в сторону. К тому же ты можешь прочесть сам книжки, например профессора физики Хвольсона «Гегель, Геккель, Коссут и двенадцатая заповедь», профессора физики О.Лоджа «Жизнь и материя», профессора ботаники С.Деккерта «Мировоззрение современного естествоиспытателя», существующие и в русском переводе, и другие, не существующие на русском языке. Позволю все-таки для читателей, не имеющих времени для такого чтения книг, а не «журнальчиков» и «современной» литературы, привести заключение хоть одного эксперта, ну хоть проф. Хвольсона:

«1. Геккель объявляет, что некий физический закон служит основанием, путеводной звездой его философии.

2. Геккель не считает нужным даже поверхностно познакомиться с этим законом, хотя бы по элементарному учебнику физики.

3. Вместо того он очевидно довольствуется какими-то популярными статьями или собственными тусклыми воспоминаниями.

4. Он не имеет никакого понятия о содержании закона энергии, который должен составлять одну из двух половин закона субстанции.

5. Каждое из его многочисленных изречений, касающихся закона субстанции ошибочно».

Или еще: «В вышеприведенных двадцати одной фразе Геккеля яснее, чем где-либо, проявляется тот печальный недостаток элементарных физических познаний, который он, будем надеяться, не разделяет ни с одним из своих коллег». Наконец: «Результат нашего исследования можно назвать ужасным; при чтении «Мировых загадок» местами волоса дыбом становятся. Все, буквально все, что Геккель говорит, объясняет и утверждает при упоминании вопросов физики, ошибочно, основано на недоразумениях или указывает на почти невероятное незнакомство с самыми элементарными вопросами. Даже относительно закона, который он сам объявляет «путеводной звездой» своей философии, он не обладает элементарнейшими школьными сведениями. И вооруженный таким абсолютным незнанием, он считает возможным объявить основание современной физики, кинетическую теорию субстанции «недопустимой», и утверждать, что следует «отказаться» от одного из величайших, пожалуй самого великого приобретения человеческого гения, от закона энтропии, или второго начала термодинамики».

БЕСЕДА 11-я

Продолжение.

В заключение проф. Хвольсон устанавливает по поводу Геккеля двенадцатую заповедь: «Никогда не пиши о том, чего ты не понимаешь». Вроде этого и заключения, к которым приходит и профессор О.Лодж по очереди после исследования решений Геккеля каждой мировой загадки и и каждого его «основного закона Вселенной», разрушающих, по мнению Геккеля, и христианство, и религию вообще, и все верования, которыми до него, Геккеля, жили и живут народы, человечество. И профессор О.Лодж, не только первоклассный и истинный ученый, но и живой, глубокий мыслитель, говорит следующие прочувствованные слова, обобщающие значение произведений Геккеля и ему подобных: «Я сказал бы интеллигентному рабочему или всякому другому читателю с понятливой головой, который смотрел бы на христианскую веру, как на подорванную, и на все здание религии, как на разрушенное философией, проповедуемой профессором Геккелем под именем монизма, я сказал бы ему, перефразируя изречение Рёскина в предисловии к «Сезам и Лилии», следующее: «Не думайте иметь в руках трактат, в котором, наконец, была бы удачно провозглашена окончательная и крайняя истина о Вселенной, где чистая истина была бы отделена от ошибок предшествующих веков. Не думайте, друг, это не так».

Но, может быть, дело обстоит лучше с отношением Геккеля к наукам биологическим? Или наукам, составляющим прямую его специальность – зоологии, эмбриологии и сравнительной анатомии? Увы! Здесь столпы, даже отцы этих наук, с такими именами, как Рудольф Вирхов, Карл Бэр, Колликер, Гис (His), Гензен, Семпер, Бастиан, Дорн, Рютимейер, Карл Фогт и др., решительно не согласны с ним в тех положениях, которые он считает основными для биологической стороны своего учения. При этом его изобличили в том, что он для вящего доказательства читателям не только сходства, но и тождества в известных фазисах развития зародыша человека с зародышами других животных предъявляет читателям рисунки, взятые из классических работ по эмбриологии, подправляя местами эти рисунки для получения большего сходства. Мало того, для вящего убеждения читающей публики в происхождении человека от животных Геккель предъявляет в одной своей книге снимки с трех зародышей: собаки, обезьяны и человека, и с торжеством восклицает: «Они настолько сходны, что отличить их друг от друга невозможно!». Компетентные эмбриологи, зная, чго этого не бывает в природе, подивились такому чуду природы и при тщательном исследовании рисунков Геккеля доказали, что все три рисунка напечатаны одним клише, но под каждым из

3-х оттисков клише подписаны названия разных животных – собаки, обезьяны, человека *(см. об этом, а также разбор с биологической стороны учения Геккеля в книге профессора ботаники Деннерта, уже названной выше. Его же «Религия естествоиспытателя», 7-е изд., на немецком языке, и профессора физиологии И.Циона «Бог и наука», часть 1-я, немецкий язык*). Знаменитый физиолог Дюбуа-Раймон сказал о Геккелевской «Истории Мироздания» следующее: «Если мне захочется почитать роман, то я сумею найти получше, чем «История Мироздания» Геккеля». Несмотря на указания компетентнейших ученых, имена которых известны даже рядовому читателю, что учение Дарвина есть только еще гипотеза, для превращения которой в теорию не достает еще очень и очень многих звеньев, а в учении о происхождении человека – в особенности (*Обзор более старой литературы по дарвинизму и поправок к нему любознательный читатель найдет у Виганда, на немецком языке, и у Данилевского в книге «Дарвинизм»; более новый – у Уоллеса и у профессора Паули «Дарвинизм и ламаркизм», немецкий язык. Современное положение вопроса о происхождении человека см. в любопытной книге профессора Duright «Throughts of Catolic Anatoms», не переведенной, к сожалению, на русский язык; а также в ранее указанных сочинениях Деннерта, Циона, Паульсена «Введение в философию» и других. Можно ознакомиться с этим, кроме того, во всяком трактате по апологетике, в обширных, с исчерпывающей полнотой, сочинениях , например , Цоклер «История отношений между теологией и естествознанием», том 2, немецкий язык; Шанц «Апология христианства», том 3, немецкий язык*), что оно требует многих и многих поправок и трансформации, которым оно действительно в настоящее время и подверглось, – Геккель упорно оставался на первоначальной точке зрения, что оно, в его изложении, уже готовая научная истина, в которой никто сомневаться не должен. Он настолько был ослеплен своей монистической догмой, что в 1878 году даже предложил на конгрессе естествоиспытателей и врачей в Берлине требовать, чтобы оно вместе с учением о филогинетическом развитии организмов было введено в нормальных и средних школах.На это он получил заслуженную отповедь Р. Вирхова, и предложение было отклонено. Насколько отношение истинных ученых должно быть и бывает осторожно в подобных вопросах, показывает постановление Биологической секции Британской Ассоциации Наук, единогласно принявшей положения за несколько лет до смерти Дарвина, по предложению своего президента д-ра S.Jefferey`s, что «трансформистские теории лишены всякой доказательности». И нужно сказать при всем том, что в своей узкой специальности зоолога Геккель имеет действительные заслуги, хотя и здесь его

фанатическая догматизирующая натура, при отстутствии широкого образования, как естественнонаучного, так главное – философского, так и недостаток осторожности и добросовестной вдумчивости в выводах – черт, свойственных всякому истинному ученому, и здесь, в его специальности, влекли по временам за собою для него «мировые конфузы». Напомню открытие в 1868 году пресловутого Bathybius primordialis - Геккель тотчас же подхватил открытие, объявил, что это-то и есть премордиальная (изначальная) протоплазма, еще не организованная в индивида, из которой «несомненно» произошли все существовавшие и существующие на Земле организмы. Открытие прогремело на весь мир, всполошило всех ученых, дошло и до нас – читающей публики (смотри статьи Михайловского и других популяризаторов); оно перевернуло много мозгов у последней, заставив отказаться от многих «предрассудков и верований»… Снаряжались целые ученые экспедиции для уловления этого батибия из глубин океанов. Геккель осыпал своих оппонентов градом презрительных насмешек по поводу их указаний на отсутствие научных фактов, доказывающих возможность перехода от материи неорганизованной к организованной... Ученые, наконец, после долгих изысканий внесли его в классификацию живых существ, и Циттель в своем трактате по палеонтологии, опубликованном в 1876 году, резюмировал все существующие изыскания, выдал ему торжественно патент на это звание и сопричислил к лику класса protozoe – чином Bathybius primordialis… Прошло несколько лет. Научная экспедиция, снаряженная в составе судов Porcupine, Lightning, Challenger, исколесила все океаны, драггируя глубины морские. Наконец ученым судна Challenger удалось поймать батибия. Но к удивлению, он обнаруживал свое бытие исключительно тогда, когда в сосудах, куда помещалась добыча драггирования, прежде содержался спирт; а без этого, подобно глубинам души человека, проявляющимся с помощью спирта, батибий не проявлялся. Тщательные исследования химика экспедиции известного Буханана и главы экспедиции знаменитого Murray`s, наконец дали несомненные доказательства, что батибий есть ничто иное, как известковые соли, осаждающиеся из морской воды в присутствии алкоголя, а обнаруживаемые им движения есть молекулярное движение, уже давно известное в науке под именем броуновского. Отцы батибия на первых порах горячо протестовали против такого невежества; Геккель метал громы и молнии своих насмешек, тон которых хорошо известен читающей публике по его популярным сочинениям. Наконец, около 1880 года батибий был всенародно и торжественно похоронен, окончательно признанный подлинно и безнадежно умершим всем синклитом ученых во главе с Гекели, который первый заговорил о батибии и честно и мужественно, всенародно признал свою ошибку…

БЕСЕДА 12-я

Резюме о Геккеле и других отвергнувших Веру. Новые идеи и новые моды. Влияние ходячих идей. Их союзница беллетристика. Притягательная сила Зла. Человек – создатель психофизической организации своей и потомства. Нервные яды. Яды психические – нематериальные. Человек – создатель организации и психики потомков.

…Итак, крупный, но узкий специалист, исследователь в своей области, Геккель благодаря неумеренной вере своей в науку, ее непогрешимость, но не знакомый вовсе с ее гносеологическими основаниями и философией, дерзает сокрушить все, чем жило и живет человечество, торжественно отрекается от веры, которую не стесняется всячески хулить и позорить (в русских переводах, разумеется, выпущены все непозволительно резкие и неприличные выходки его по адресу религии вообще, христианства в особенности и против Самого Христа); впадает в грубейшие заблуждения и непозволительные для ученого поспешные обобщения и выводы; выдуманную им теорию считает за настоящую святую научную истину, приводит ей все в жертву, творит из своего учения кумира, которому и поклоняется всенародно. Слепой фанатизм его веры, прямолинейность и решительность ее утверждений, кажущаяся простота решения всех вопросов, волнующих извечно людей, привлекает к нему толпы поклонников из «малых сих». Но уничтожая истинную веру, Геккель не может жить без веры и без Бога. Он творит ложных богов, и сам и его паства им поклоняются. Основывается даже что-то вроде нового культа «Монизма» и обновленного им человечества, даже воздвигается нечто вроде храма для собраний Геккелевской паствы с ультранаучным наименованием. Человеческая природа не удовлетворяется однобоким позитивизмом; он не удовлетворяет законнейших потребностей всех других сторон духа человеческого, кроме сферы рассудка, и ищет в ложной вере удовлетворения себе. История известная, часто повторявшаяся и повторяющаяся на свете. Фейербах отверг религию и всю жизнь посвятил ее искоренению, но основал... религию человечества. Огюст Конт, отец позитивизма, в своем «Курсе позитивной психологии» доказал самым логичным образом, что человечество уже изжило века фетишизма, веры и метафизики, и поэтому не нуждается в религии: наука и положительное знание все это могут заменить… И написал плохую метафизику сам, основал …новую религию человечества, новый культ – человеческого разума, с особым первосвященником, ритуалом поклонения, святыми, календарем и т.д. Об учениках Фейрбаха – Марксе и Энгельсе – не гово-

рю уж. И т.д. и т.д. Ибо, как говорит глубочайший знаток человеческого сердца и страшный человеческий ум – Великий Инквизитор: «Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем поклониться».

Вот какие крохи иногда становятся достоянием современной литературы и общества. Идеи, как и книги, – habent sua fata. Зародившись в лабораториях лучших и высших умов своего времени, они идут и распространяются все дальше и дальше, все ниже и ниже по ступенькам различных по образованию и социальному положению классов. Подобно модным изделиям Парижа, прибывающим сначала в столицу, да и в столице вначале в магазины на Невском, затем – в Гостинный Двор, потом уже переходят и на другие улицы, в Апраксин, на толкучки, и т.д. В известный срок достигают они провинциальных больших центров, после них – уездных и т.д., пока вы в один прекрасный день не увидите всех фабричных и крестьянских женщин одетыми в цвета бордо или гаванна, в юбки столь «рассудку вопреки, наперекор природе» узкие, что обладательницы их не могут ходить свободно и падают при более скором движении, а костюм, предназначенный для сокрытия того, что по уставам благочиния в публичных местах показываться не должно, обнаруживает со всей наглядностью скульптуры все, что прикрывать он обязан; или увидите в юбках широчайших и двухэтажных, столь коротких, что они не выполняют своего естественного назначения, не соответствуя чувству стыдливости и общественного приличия, а при легком дуновении ветра показывающие то, показывание чего в публичных местах должно влечь ответственность по определенным статьям того же устава.

То же и в мире идей. Распространяясь и распространяемые популяризаторами, призванными, а чаще всего – вовсе к тому не призванными ни по таланту, ни по познаниям и образованию своему, они уже порядочно искаженные, обтрепанные и урезанные иногда до неузнаваемости, становятся ходячей, общепризнанной монетой. Они становятся руководящими лозунгами и паролями; они создают взгляды, понятия и убеждения; направляют ход мыслей эпохи; служат для оправдания и защиты преобладающих интересов личности и классов; ложатся в основу системы воспитания и образования; определяют личную деятельность человека и общества, давая им направление движения или развития; одно тормозят, другое поддерживают; останавливают и искореняют одни мысли и убеждения, придают поддержку, размах, оценку и энергию другим; затирают одни идеи и направления, привлекают внимание к другим; одни поступки индивидуумов и общества венчают лаврами, другие – осмеивают, карают, подвергают остракизму и т.д. Им на помощь приходит беллетристика и художествен-

ное творчество, еще шире популяризуя одни и искореняя другие – с одной стороны; а с другой, – творя их внушению, оно создает образцы для подражания и образцы; ставит живые, воплощенные типы иделами современности, в особенности юношества; с третьей, если она талантлива, заражает людей против их воли, сознания и разума. Я сказал уже, что художественное творчество есть сила реальная и огромная; но, подобно другим силам – силе знания, мышления, науки и т.д. – вообще подобно всякой силе – оно может быть направлено на добро и на зло, смотря по тому, чему оно служит и что изображает. Сила Красоты может принадлежать Добру и Правде, может – и часто действительно бывает – атрибутом лжи и Зла. По исконной слабости человеческой природы, влияние последней обладает даже большей притягательностью для людей силой: вся история человечества состоит из борьбы влияния и притяжения этих двух сил. Понятно само собой, что современное искусство и публика, по принципу применяющие к созданиям искусства только критерий Красоты и отвергающие два другие члена прежней троицы – Правду и Добро, еще более шансов служить не последним двум, а первой и, следовательно, и тому злу и лжи, внешней оболочкой которых она является. А искусство, как Прометей Гете, «творит людей по своему образцу и подобию». «Our deeds determine us we determine our deeds" (S Eliot.), т. е. «Наши дела столь же влияют определяющим образом на нас, сколько и сами зависят от нас». Ибо мысль, всякий психический акт – желание, стремление, поступок – раз родясь, имеют тенденцию к повторению: они оставляют след в подсознательной сфере или, говоря языком физиологическим, в нашей психофизиологической организации, служащей субстратом проявления нашей психической жизни; эти следы по мере повторения укрепляются; движение по их пути облегчается; они и пути организуются в живую материю: человек сам создает свою организацию и еще в большей мере – организацию своих потомков. Улитка созидает свою раковину, и не может быть больше ее размеров. «Мысли одного поколения образуют чувства следующего поколения» (Якобс) – эти слова выражают только малую часть действительно происходящего: они становятся не только чувствами, но и мотивами его поступков, его действиями – и его поступки определяют его дальнейшие поступки и его самого. Our deeds still travel with us from afar And vhat ve have been makes us vhat ve are, т.е. «Наши дела из далекого прошлого все путешествуют с нами, и то, чем мы были, делает нас тем, что мы есть».

Они воплощаются в организации следующих поколений. Они создают строй и учреждения общества; в них залоги преобразования общества: «Dans la société comme dans la nature les transformations sopèient par le dedans» – замечает мыслиттль художник А.Франс. («Преобразования в

обществе, как и в природе, совершаются изнутри»). О физиологических путях и способах этого воплощения психического в организации живой материи я говорил подробно в своих лекциях «О психических влияниях на организм». Каждая рюмка выпитого вина указывает и облегчает путь для следующей; повторение облегчается, а повторение повторений – путем уже изменений в тканях организма, делает Вас алкоголиком, привычным пьяницей.

Желая избавиться от нестерпимой боли, вы впрыскиваете себе морфий. При повторении боли прибегаете к морфию уже раньше, чем страдания сделались невыносимыми. В дальнейшем впрыскиваете его при еще меньших болях, легкой ломоте, при простом нерасположении, так как морфий в первую стадию своего действия дает вам приятные ощущения, повышает настроение, ускоряет и облегчает течение мыслей, угнетает неприятные чувства и воспоминания, возбуждает фантазию, дает, хотя и ложное, ощущение подема сил телесных и душевных. Вы чаще и чаще уступаете искушению испытать вновь эти приятные вещи: не вы, не ваша разумная воля, а влечение к яду становится уже господином положения, вы же безвольным рабом-морфинистом. Проследите филиацию явлений: вначале – акт чисто психический по вашей разумной воле; затем – повторения его при ослабевающем с каждым разом ее участии; после многих повторений – воля определяется уже вопреки разуму, сначала желанием испытать приятное, доставить себе удовольствие, и наконец – вами двигает уже влечение, со временем становящееся непреодолимым, неудовлетворение которого не только невозможно, без серьезного потрясения всего организма, но даже может вызвать приступ бешенства, бреда, упадок деятельности сердца и в далеко зашедших случаях морфинизма – даже смерть. Лечение от морфинизма идет обратным этому порядком, но опираясь и руководствуясь теми же принципами психологии и психофизиологии – «приучая к отучению», отнятию морфия, пересозданию привычек психических и привычек организма и созданию новых, полезных в смысле противодействия влечению к морфию. Если же вы вовремя этого не сделаете, то нервные яды – алкоголь, морфий, опий, кокаин, эфир и проч., разрушают вашу психику, разрушают и организацию, а затем ведут к преждевременной смерти. То же самое и с психическими ядами нематериального порядка (или которые мы считаем нематериальными, ибо материя и нематерия проявления одной энергии, и материя иначе не мыслится современной наукой). Вы уступаете искушениям покутить, сходить лишний раз в балет, в общество легкомысленных женщин и т.д. Берегитесь! Недремлющие молекулы вашей организации регистрируют каж-

дый ваш шаг, каждое действие, копят свои записи на скрижалях вашего организма; придут времена и сроки, баланс будет роковым образом подведен, плюсы и минусы сочтены, итог выявлен, и решение, кем или чем вам быть, – состоится! И автором этого решения в сущности будете вы. «Воздастся каждому по делам его» – какая вечная, неумирающая истина, которую наука и философская мысль раскрывает только медленно и постепенно, блуждая туда и сюда и вводя попутно других в заблуждения и... погибель. Еще более резко совершается то же самое в последовательной жизни поколений, путем как воздействия одного поколения – психического – обычаев, предания, быта народа, языка, плодов его мысли и творчества, религии, на каждое следующее, так и путем превращения актов психических в организованные следы, путем конструирования, по принципу приспособления, самой живой материи соответственно психическим влияниям. И все это передается, закрепляется наследственностью из поколения в поколение. Грех отца награждает его сифилисом; сын ему наследует, и через одно поколение, два–три поколения или следует вымирание рода, если только не вмешается стечение благоприятных обстоятельств или разумная воля человеческая; или следуют хилость, уродство, недоразвитость, психопатия, идиотизм. То же с алкоголизмом и другими вредоносными агентами. Если отец или отцы предавались распутству, то дети хилы, болезнены, больны, нетрудоспособны и т.д., или еще того хуже. Итак, разумная воля одного индивида отчасти определяет его психику и его тело, а следовательно, – его судьбу; например, нравственно невоспитанный, не приученный с детства к сдерживанию и подавлению аффектов человек, с каждой новой уступкой аффекту становится все более и более легкой добычей будущих аффектов и страстей и их усиления. Аффекты и бурные страсти разрушают нервную систему, например, хоть путем быстро повышающегося кровяного давления и вызывая артериосклероз, а через него другие органы тела, а еще более прямо влияя на нервную систему; например, бурный гнев или испуг могут вызвать многие нервные явления, даже смерть (об этом см. в моих лекциях «О психических влияниях на организм» и указанных там сочинениях). Это самопределение путем психических актов одного индивидуума влияет на судьбу последующих поколений, предопределяя их психическую и физическую организацию. Эти положения, которые можно осознавать уже на основании данных, накопленных в сокровищницах наук, были открыты человечеству уже давно; знание их было закреплено для блага человечества в установке известных обычаев, правил морали, общественного поведения, в его пословицах, поговорках, преданиях, законах, его литератур-

ных памятниках. Еще глубже, еще с большим ясновидением, пониманием природы человеческой, законов его психического и нравственного бытия дают нам это знание Святое Писание и святоотеческие творения. Только язык их другой, в сущности более уместный, чем наш современный, пытающийся мир психический и нравственный выражать в терминах механического материализма – нервной физиологии – того, что по существу доступно познанию человека только в терминах сознания – психологических. Но мы отвыкли уже, увы, читать и понимать этот язык и эту глубочайшую откровенную премудрость…

БЕСЕДА 13-я

Эволюция человечества – эволюция человеческого логоса. От него к воплощенному Божественному Логосу. Заблуждение и путь обратный – от человеко-бога к человеко-зверю. Германия. Гимн германскому мечу. Воплощение народом известной идеи. Школа. «Из Альбома Пензенской Учительской Семинарии»

Таким образом, путем эволюции цивилизация преображает доисторического дикаря в Сократа, Платона, Шекспира, Гладстона, Гете, Пушкина, Достоевского, руководясь стремлением каждой индивидуальной личности и совокупности их – племен, народов, наций, человечества к следующей ближайшей ступени усовершенствования. А рулем и путеводной звездой для всех и каждого из рода в род служат идеалы, даваемые религией каждому народу. И вот постепенно совершается процесс воплощения человеческого логоса в живых людей. Человечество идет в историческом пути своем от зверя к человеку. Ни ход истории не может остановиться: от грубо и низменно человеческого продолжается процесс дальнейшего одухотворения плоти: путеводная звезда от человека к богочеловеческой природе, по пути к недосягаемому Совершенству воплощенного Бого-человека. Когда человек, общество, народ теряют свой путь, заблуждение сказывается эпохами упадка, застоя, болезни, разложения, даже смерти. Временные уклонения, как человека, так и общества или народов, дают вновь понижение их на одну из уже пройденных исторических ступеней – языческого человеко-бога, обожествления грубой материи; ведут к поклонению идолам и кумирам, явлению или факту жизни, ее логике. Человек падает, народ вырождается или в эллина и римлянина эпохи их упадка, или в нацию рыжих бестий, обожествляющих создание рук своих, поставивших свое отечество

выше Отца и Его заповедей, идола фатерлянда на место веры Христовой. И люди, забывшие, что они части Одного Тела, дети Одного Отца, начинают бесконечные счеты своих отдельных «интересов», порождающих раздоры и вражду непримиримые – ибо не могут они устроиться между собою. «Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы... Вместо твердого древнего закона, – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, – но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и Твой образ и Твою правду, если его угнетать таким страшным бременем как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в Тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал Ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач» («Великий Инквизитор» Достоевского). И начинается жертвоприношение кумиру Молоха-государства, «своего фатерлянда» и поедание жертв и поедание друг друга... И звучит гимн Германии: (*Перевожу этот гимн с английского перевода. Положенный на ноты для пения и музыкального исполнения, он был напечатан в Лейпциге в сентябре 1915 года и в течение недели потребовалось уже 12-ть изданий**)

«Гимн германскому мечу».

«Не для меня долг быть справедливым или сострадательным; достаточно, чтобы я был освящен моей возвышенной миссией, чтобы я ослепил глаза врагов моих такими потоками слез, от которых даже самые гордые из них будут вынуждены пресмыкаться в пыли от страха под сводом небес».

«Я убивал старых и несчастных; я отсекал груди женщинам; я насквозь пронзал тела детей, которые смотрели на меня глазами раненного льва».

«День за днем, на коне-привидении, я несусь ввысь по аллее из кипарисов; и на пути своем я исторгаю кровь жизни из каждого сына врагов, которые осмеливаются оспаривать у меня путь мой».

«Правильно и справедливо, чтобы во всеуслышание воспевал мою гордость, ибо разве я не огненный посланец Всемогущего Господа?»

«Германия стоит настолько выше и отдельно от других наций, что все остальные на земле, кто бы они ни были, должны чувствовать, что с ними обошлись хорошо, если им позволили драться с псами из-за крох, падающих с ее стола».

«Когда Германия, одна божественная, счастлива, остальной мир не-

жится в улыбке; но когда Германия страдает, Сам Бог в Своем лице раздирается мукой и, гневный и мстительный, Он обращает в кровь воду всех потоков»...

Так по закону Вечной Правды на человеке и народах исполняется фатально: Quem vult perdere prlus dementat. Ибо «Мне отмщение Аз воздам»!...

Таков закон не внешней необходимости, а внутренней, его же не прейдеши.

История Германии и германской мысли со времени реформации, нагляднейший и ближайший к нам исторический пример воплощения германской идеи и мысли в культуре и живых ее героях и деятелях способами и путями, о которых я только что говорил. Не один кайзер с милитаристской партией и кучкой юнкеров и капиталистов повинны в этой войне и способах ее ведения. Все вожди народа – его «голоса»; профессора, писатели, журналисты, вожди партий, пасторы, учителя и т.д. – все вместе с кайзером, все они чтут тот же кумир – обожествленное языческое государство; целый ряд поколений народа воспитывался на этих идеях и идеалах; последние претворились в чувства, стремления, желания, веру целого народа. Опять пример того, как воплощаются мысли и верования в живого человека – претворения человеческого логоса в плоть. И не один кайзер и ближние его, а весь народ ответственен за настоящую войну и будет отвечать по непреложным законам морального миропорядка, где так же царит своя необходимость. Можно сказать: это не только разительный пример наглядного обучения, преподаваемый человечеству, но и предметный урок наглядного обучения: явление целым народом обратного шествия на пути к богочеловечеству, от человекобога к человекозверю. Имеющие очи да видят и имеющие уши да слышат! И в истории множество таких примеров, но предрассудки века сего, основанные на якобынауке и позитивном мышлении, мешают понимать их... Но вернемся к более мелким вопросам, нас занимающим. Итак, не прав ли был Карлейль, воскликнув: «Разве книги не совершают до сих пор чудес подобно тому как, согласно баснословным рассказам, совершали некогда руны? Они формируют убеждения людей. Кто воздвиг собор Святого Петра? Загляните поглубже в сущность дела и вы убедитесь, что это была божественная еврейская книга». Прибавлю от себя: и в том, что еврейский народ, гонимый, испытавший крайние превратности судьбы и скитания по всему свету, сохранил сво национальность, свою физиономию, телесную и духовную, благодаря только первой части той же своей книги.

Как? – скажете вы: а влияние школы, экономического, хозяйственного, политического строя? И т.д. Ну, читатель! Подумай уж сам об этом,

но не только при свете ума, но и чувства, и знания, совести, всей своей духовной природы, опыта, накопленного всем человечеством. Тогда, наверное; найдешь и ответ, не похожий на те, которые разыгрываются грамофонными пластинками... Я же не могу в данном цикле бесед вдаваться в эти важные и обширные сюжеты: тогда нам не придется никогда кончить речь об этих ближайших предметах, которую мы повели. Думаю, что сказанного выше достаточно для того, чтобы понять, что и тут следует идти тем же путем и применять тот же метод изыскания истины. «Plus cela change, bjplus cela reste la même chose» (т.е. в вольном переводе: поверхность может меняться сколько угодно, а суть остается та же). Поэтому здесь скажу только: школу творят люди; и учат в ней люди... Ты, вероятно, знаешь сам и слышал об отзывах профессоров, рассматривавших по поручению Министерства Народного Просвещения все сочинения абитуриентов наших средних школ, что кончающие курс в них, учившиеся 8-мь – 9-ть лет юноши обнаруживают поразительное неумение правильно писать по-русски, выражать ясно, точно и последовательно свои мысли, безграмотность письма ужасающую. Так вот, любезный читатель, не поленись зайти в библиотеку Лермонтова или Белинского и просмотреть маленькую книжечку, изданную в Пензе. Называется она: «Из альбома Пензенской Учительской Семинарии». С величайшим и отрадным удивлением увидишь, что воспитанники Пензенской Учительской Семинарии не только сами, радостно и охотно, пишут не на заданные темы, по внутреннему побуждению, но пишут правильно, хорошим, гармоничным стихотворным языком, которому могут по справедливости позавидовать многие из современных «поэтов», печатающихся, продающихся, разбираемых критикой. Мало того: в нескольких из помещенных в «Альбоме» стихотворений чуткий читатель, любящий поэзию, почувствует проблески настоящего, подлинного поэтического чувства и творчества. Что же это значит? Гимназисты и гимназистки из Лекарской, Дворянской и прочих улицах, по свидетельству ревизоров, писать не умеют, а в лесу, в Учительской Семинарии – пишут, да еще стихами, и хорошо, грамотно пишут. Всякий сведущий человек сейчас же заметит на этих ученических произведениях влияние литературных образцов и не только тех, которые входят обязательно в программу русской словесности, а иных, даже современных. Стало быть, воспитанники читают, читают сверх положенной нормы, не по принуждению, а охотно, с любовью. И не только читают, а. изучают, воспринимают и глубоко усваивают и... любят русскую литературу. Что за диковина! А еще и контингент воспитанников здесь набирается из сравнительно менее интеллигентного слоя населения, даже и просто из крестьян. И там директора, преподаватели,

программы, ревизоры, округ, Министерство и... обстоятельства. И здесь директор, преподаватели, программы и проч. и. проч. И... обстоятельства. Вот тебе, читатель, и задачка, которую разрешай сам с помощью всех ходячих и модных критических, политических, социальных, общественных, историко-литературных и т.д. критериев и штампованных суждений! Я же помолчу, ибо говорил об этом и прежде и теперь уже много.

БЕСЕДА 14-я

Состоящая вся из цитат по политической экономии и просто цитат, к ней относящихся и не относящихся.

Что касается до влияния на жизнь, на людские типы, на устроение общественности экономических условий, то, находя, что этот предмет еще более обширный, приведу лишь несколько цитаток; предоставляя остальное твоей самодеятельности – желанию поучиться, почитать, пораздумать, отрешившись от повторения граммофонных песенок. «Политическая экономия усвоила от Бентама абстрактное, одностороннее, упрощенное и представление о человеке, которое и до сих пор в значительной степени царит в ней. Таким образом сложилась, между прочим, предпосылка классической политической экономии об «Экономическом человеке» (economic man), который не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками; это – счетная линейка, с математической правильностью реагирующая на внешний механизм распределения и производства, который управляется своими собственными железными законами. Уже Адам Смит в основу своего исследования положил условно-методологическое различение альтруистических и эгоистических инстинктов человека, причем влияние одних он исследовал в «Теории нравственных чувств», по ведомству морали, влияние же других в «Богатстве народов», по ведомству политической экономии. Последняя и начала, таким образом, с дробной величины, вместо целого. «Сходное представление о личности положено в основу и экономического материализма, и теми же противоречиями страдает и опирающийся на него социализм. Поскольку социализм духовно остается здесь на почве манчестерства, он есть то же манчестерство навыворот, или контр-манчестерсгво, с той разницей, что вместо уединенного индивида, здесь ставится общественный класс, т.е. совокупность личностей с общим интересом, – тот же экономический человек, но не индивидуальный, а групповой, классовый». «Политическая экономия делает здесь то, что делает и всякая наука: для того, чтобы узнать нечто, забыва-

ет обо всем остальном, действует, как теперь выражаются, «прагматически». Ошибка начинается только тогда, когда забывается вся условность этого приема, и когда «прагматическая» стилизация принимается за подлинную действительность, и, вместо живых людей, подставляются эти методологические призраки. Этим отчасти объясняется то преобладание своеобразного экономизма, которое отравляет духовную атмосферу XIX-го века. Так говорит профессор политико-экономических наук С.Булгаков в своей статье «Народное хозяйство и религиозная личность». А профессор Шульце-Геверниц в своем исследовании «Британский империализм и английская свобода торговли» пишет: «Генезис духа капитализма приводится в связь с духом протестантизма и аскетизма. Корни современного народного хозяйства открываются не только в хозяйственных нуждах эпохи, но и в духовной жизни человеческих личностей. Особенно большую роль в этом играют некоторые течения реформации, и прежде всего кальвинизм, в Англии принявший облик пуританизма. Основная особенность новейшей истории Англии состоит в том, что здесь реформация сливается с революцией, и главные завоевания освободительного движения, как и его идеи (в частности, идеи о правах человека и гражданина, о свободе совости и слова), неразрывно связаны с религиозным движением реформации. Но с ним же связаны и экономические судьбы Англии. Происхождение английского капитализма стоит в связи не только с огорживанием полей и промышленной революцией, но и с духом пуританизма». Тот же Шульце-Геверниц замечает, что и теперь «купец, сидящий за конторкой, заполняет место, к которому Бог приставил именно его, а не кого-либо другого, он может чувствовать себя как небольшое и, однако, важное колесико в удивительном экономическом космосе. Тот же купец за своей конторкой служит вместе с тем и интересам британского могущества; если он занимается морской торговлей, он полагает основу для антлийского военного флота к защите протестантизма». «Из школы пуританизма, – замечает он же, – англо-саксонский мир вынес половую, национальную и социальную дисциплину, составляющую противовес капиталистическому духу. Англия достигла господства, между прочим, и потому, что превосходила конкурентов чистотой семейной жизни, готовностыо жертвовать из любви к отечеству, чувством социальной ответственности. Превосходство англо-саксонского типа основано на капиталистической, половой, национальной и социальной дисциплине». Исследователь хозяйственной истории Готгейн в своей «Хозяйственной истории Шварцвальда» замечает: «Кто ищет следов капиталистического развития, в какой бы стороне Европы это ни было, всегда будет наталкиваться на один и тот же факт: калвинистическая диаспора есть вместе с тем

рассадник капиталистического хозяйства. Испанцы выразили это с горьким раздумьем в такой формуле: еретичество содействует торговому духу». «Господство утилитаризма и упадок личности угрожают надорвать хозяйственное развитие, как этого начинают опасаться уже относительно Англии и еще более относительно Франции с ее хозяйственным застоем. Народное хозяйство требует духовного здоровья народа. В русском обществе, среди интеллигенции развитие производительных сил (выражение, столь часто повторяемое марксистами), как своеобразная религиозно-этическая задача, как вид общественного служения, пока еще недостаточно оценивается. В воззрениях на экономическую жизнь, – особенно на ход промышленного развития, у нас господствует крайний бентамизм в той или иной форме (чаще всего в его марксистской разновидности), и фикция «экономического человека» принимается без анализа и критики. Преобладающее внимание сосредоточивает на себе момент распределения, понимаемого как результат конкуренции, классовой борьбы, сравнительно слабее сознается значение развития производительных сил, как творческой задачи, роста всего народного хозяйства, как совокупных усилий человеческих воль». «Общественное мнение принадлежит к числу невесомых, духовных факторов исторического развития и экономической жизни, особенно, если сравнивать его со столь осязательным влиянием железного экономического механизма мирового рынка, то можно прийти к полному его отрицанию или совершенному к нему пренебрежению. Однако, невесомые силы и современным естествознанием признаются иногда наиболее могучими, – и подобным же невесомым, но реальным и могучим фактором экономического развития служит и общественное мнение и, в частности, те верования и убеждения, которые им руководят. Ибо, повторим это еще раз: народное хозяйство есть не только механизм, но и активная деятельность человеческих личностей, а социальная жизнь есть не только борьба классов, но и сложная система взаимных обязанностей этих классов. И если личность, играющая роль фактора экономического развития, развивается под определяющим влиянием своих, этических и религиозных убеждений, то стало быть, и то или иное религиозное самоопределение личности и вообще религия, как оказывающая влияние на все области жизни, также относится к числу важных факторов развития народного хозяйства. Поэтому, преследуя цель экономического оздоровления и обновления России, не следует забывать и о духовных его предпосылках, именно о выработке и соответствующей хозяйственной психологии, которая может явиться лишь делом общественного самовоспитания». – О влиянии религиозных верований на устроение государственной жизни, выработку правовых норм и закона на рас-

пространение просвещения и культуры, на семейные отношения и быт, на отношение к низшим классам и рабам; о влиянии на образование единства нацонального самосознания и защиту государства от врагов, влияние на русский характер; влиянии, монастырей, рассадников духовного просвещения и умственной образованности, на развитие школ, на колонизацию и сельскохозяйственную культуру страны, ты, читатель, можешь узнать в сочинениях любимых русских историков – Соловьева и Ключевского, ищи в курсе русской истории, так и в сборниках отдельных статей последнего, в сочинениях проф. Иконникова и др. историков церкви, не говорю уже о малоизвестных тебе, к сожалению, сочинениях первых и лучших писателей славянофилов – Киреевских, Хомякова, Аксаковых и Ю.Самарина, Вл. Соловьева.

Может быть, тебе вспомнятся и слова проф. В.Джемса: «Истинная или ложная, содержательная или бессодержательная в умственном отношении, религия не есть какой-то пережиток прошлого, а вечная функция человеческого духа» (В.Джемс, «Многообразие религиозного опыта», франц. пер., стр. 423).

«Несомненно, что некоторые чувствования без веры в Бога не могут и возникнуть у человека, и точно так же несомненно, что это именно те чувствования, которые наиболее возвышают самочувствие человека и которые воодушевляют его к величайшим, лучшим и прекраснейшим деяниям»... «Защитники принципа веры в человечество не принадлежат к людям, презирающим искусство: искусство, конечно, принадлежит к лучшим воспитательным средствам человечества, к важнейшим самой человечности. Но если мы поставим веру в человечество на место религиозной веры и посмотрим, что останется от самого искусства и вдохновения художника. Все храмы были бы низвергнуты или никогда и не воздвиглись; статуи греческих богов, образцы для всех времен, никогда не могли бы явиться; для величия гения Рафаэля и Микель-Анджело не было бы соответствующего материала; холодная историческая живопись стала бы вершиной искусства; ибо вся теплота, даже простого портретного изображения человека, имеет скрытый источник в вере в его высшее, чем просто человеческое, предназначение, и если мы вглядимся поближе, то окажется, что все искусство развивается из релитиозных начал». «Конечно, там, где на сцену являются интересы человека, он становится слеп к высшим истинам; но не в том заключается его слепота, что он свои интересы преследует вопреки истине, но в том, что он не достаточно соблюдает свой интерес: преследуя мелкие, узкие, низкие интересы за счет больших, высших, более широких, более прочных, на которых в конце концов покоятся прочность и фундамент первых; или же в том,

что свой отдельный, личный интерес преследует вопреки тому общему, который обнимает собой и его и интересы всех; таким образом он впадает в противоречие только с истиной» – так говорит основатель современной психофизики, физик и философ Г.Т.Фехнер, к сожалению, малоизвестный у нас как философ, а известный только как выразитель основного: закона психофизики, заучиваемого нами в школах под именем «закона Фехнера» (Г.Т.Фехнер, «Три мотива и три основания веры», 2-е изд., 1910г., стр. 71-73, на нем. яз.).

Хотя я мог бы еще много дать цитат тебе для размышления, но довольно! Теперь же, по неисправимой моей слабости и недостатку, приведу просто два мнения: «История великих идей человечества – учит нас, что до сих пор все логически оправдываемые великие общественные идеи всегда одерживали победы и уничтожали воздвигаемые против них препятствия и помехи» (Л.Штейн, «Социальный вопрос», стр. 520). Другое, выписанное мной в 1906 году из статьи американской распространенной и влиятельной мировой газеты «New Jork Herald», принадлежащее перу исконного англосакса американца: «Теперь русская свобода хочет строить собор, купол которого доминировал бы над целым светом. Но где же фундамент для такого здания? Где соображения с требованиями времени и возможность для развития такого замысла? Где точное понятие о том, к чему стремятся? Ведь великая французская революция имела позади себя целую культуру, а русское движение хочет одним взмахом создать свободу прежде культуры. И при таком-то человеческом материале! Не полуонемеченные ли рабочие будут строителями этой культуры?».

Наши рабочие, прибавлю от себя, ослабленные физически, награжденные различными конституциональными болезнями и наследственной хилостью вследствие жизни в вертепах и трущобах тех больших вертепов, которые зовутся большими промышленно-заводскими центрами; оторванные уже давно, иногда на несколько поколений, от своей родины, полей и лесов и чистого незараженного воздуха; от преданий, веры и обычаев своего народа; рабочие, дети которых по воле того же эгоистического и безрелигиозного строя современной культуры и капитализма лишены с нежнейшего возраста питания грудью матери, ее ласк и попечений; лишены семейной обстановки и воспитания; брошены одиноко среди развращающего и тлетворного влияния больших центров; дети не видящие света божьего солнца из-за тумана и дыма фабричных труб; не знающие и никогда в жизни не видевшие, что такое поле, нива, как растет хлеб; не слыхавшие свободных песен птиц и песен своего народа; осужденные с малого возраста быть прикованными в тех же мрачных, зловонных и ядовитых казармах к какому-нибудь рычагу или колесу; рабочие,

не имеющие, по воле бессердечия людского, досуга зачастую даже для молитвы, посещения школы, чтения, саморазвития и самовоспитания… Забыв слово Божие, что каждая личность не цель, не средство для кого-нибудь или чего-нибудь, а самоцель, образ и подобие Божества – Его дети – их причисляют, как и машины, к орудиям производственного процесса! Кто? Люди же! Братья во Христе! Ведают ли что творят? Какие семена сеют? Какие будут всходы? Какую участь приуготовляют себе самим?... – И это зовется: культура, современная цивилизация! И все призываются слушать ходячие истины этой культуры и не сметь свое суждение иметь, а петь в унисон трафаретные мотивы!

БЕСЕДА 15-я

Снова о логике. Чья же вина? Идолы и кумиры Запада, перенесенные на русскую почву. Опять цитата. Байронический протест и русские Чайльд Гарольды. Корни байронического протеста на Западе. Борьба за право свободы и разума. Начало философии и науки и их заблуждение.

Итак, читатель, ты видишь, что логика во всем этом не при чем. Она всегда и везде остается одна и та же, одним и тем же неизменным орудием на службе тебе, подобно рычагам, колесам, блокам или машине. Они могут доставить тебя в лифте на десятый этаж, могут опустять на дно морское или в подземные шахты; могут в часах показывать тебе время, или в гильотине – отрубить тебе голову. Со стариком Диогеном ты должен признать, что без нее тебе нужно поскорее искать веревку. Следовательно, все дело в том, кому и для чего она служит. Если ее отправные пункты или ее посылки – негодны, то получается или ложный или односторонний вывод. Если ты берешь «жизнь», т.е. исторические условия или исторический момент, как высший критерий, решающий, как тебе вести себя, что делать, куда идти, то, разумеется, неизбежно, что ты придешь к заблуждению, абсурду, упадку, погибели. Ибо ты поклонился, вместо единого истинного Бога, кумиру, тобой самим сотворенному, и приносишь ему жертвы, нарушая первые две заповеди закона жизни. Если ты, вместе с блестящим, но не глубоким умом и знанием Герцена, своими собственными очами, своим собственным сердцем испытал и отверг современную культуру Запада и подобно ему проклял ее, но в то же время закрываешь глаза, как и он, на причины и источники, создавшие эту самую культуру и приведшие ее к тому, что есть, к той истории Европы, какую ты знаешь, да еще и принимаешь за образец и стараешься пе-

ресадить ее, ничтоже сумняшеся, на русскую почву, чтобы облагодетельствовать русский народ, – виновато в этом ослепление твое, воспитание на началах этой культуры, созданной западной мыслью. Во всяком случае ты забываешь, что нет следствия без причин, и что если тебе не нравятся следствия, то устраняй причины их: sublata cansa tollitur effectus. Ищи же эти причины, что делают и лучшие умы и сердца Запада, а у тебя в России это сделано уже давно с поразительной ясностью мысли и прозрения, почти пророческого, ибо исторические факты и события, наступившие с того времени за шестьдесят-семьдесят пять лет, оправдывают предвидение этих лучших умов России... Там на Западе были для этого свои причины, вызвавшие такое направление мысли и цивилизации, там позади этих заблуждений стоит «целая прошлая культура», история. А наша интеллигенция, оторванная от почвы, от своей истории народа и веры, воспринимала все без рассуждения, ибо преклонилась перед кумиром Запада: брала и фрак, и французский язык, заменяя им свой богатейший и лучший; брала выводы философской мысли и науки целиком, без соображения с условиями, без критики и поверки, отбрасывая все свое с пренебрежением, да часто и не потрудившись узнать его. Брал, например, передовой хозяин-помещик пример с западного культурного хозяйства, выписывал семена, скот, машины, немца-управителя и... разорялся, взваливая вину на химию, на агрикультуру, на русского рабочего, ни в чем неповинных. Ибо, как горячо доказывал это Толстой устами Левина, был забыт главный элемент: свойства и психика русского человека. Не говорю уже, что в деле наивного увлечения агрикультурой забывались и более элементарные условия – русский климат, состав почвы, русская метеорология, условия сбыта и т.д. То же и вообще с направлением интеллигентской мысли. Возьму пример, – хотя вся наша новейшая история почти сплошной пример такого обезьянства, простого и сложного, вытекающего из предпосылок западной мысли: Байрон протестовал. Его поэзия огненным словом бичевала ложь Запада. Его протест вылился в известных всему миру байроновских героях. Протестовал и русский человек и рядились в плащи Чайльд-Гарольдов, Дон-Жуанов, Лары и пр. И вот пошли жалкие типы Онегиных, Печориных, Бельтовых, Тентентниковых, Рудиных, Щигровских Гамлетов и т.д. и т.д. – скитальцев земли русской, никчемных, никому не нужных, другим и себе в тягость. А эти плодили по образу и подобию своему меньших братьев своих, еще более жалких, мизерных, смешных. И стоны, и нытье шло по всей земле от этих интеллигентов, смотревших на все окружающее с высоты якобы своего величия, презиравших простых людей, всю русскую жизнь, ибо каждый из них «по свету рыщет, дела себе исполинского ищет». «А кон-

чали или преждевременной никому не нужной смертью – это немногие; а масса их – кончала или пошлостью и падением до скотского образа, еще ниже, чем образ окружавших их простых русских людей, или кончали превращением в Швабриных, в Пигасовых, приживальщиков знатных барынь, в Рудиных, в смехотворных Грушницких, Тамариных, лежебоков Обломовых и в тысячи других житейских разновидностей. То же самое я мог бы повторить, проанализировав и позднейших представителей нашей интеллигенции вплоть до наших дней, mutatis mutandis. Прочтите блестящий очерк Ключевского о предках Онегина, блещущий тонкостью психологического анализа и знанием русской жизни! Перемените, что надлежит, и проделайте то же с героями Чехова, Горького, Андреева, Арцыбашева и бесчисленных разновидностей русского «интеллигента» – увы, в последнее время даже это название приходится брать в кавычки, ибо и по части интеллигентского развития. суммы знания, хотя бы того же Запада, обстоит худо, все хуже и хуже, И как не повторить горькие слова В.С.Соловьева: «Мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая, вместо образа подобия Божия, все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, – мы должны же, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумира изо всякой узкой, ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую высшую действительность. Конечно, эта вера не зависит от одного желания, но нельзя также думать, что она чистая случайность и падает прямо с неба. Эта вера есть необходимый результат внутреннего душевного процесса – процесса освобождения от той житейской дряни, которая наполняет наше сердце, от той мнимо научной школьной дряни, которая наполняет нашу голову. Ибо отрицание низшего содержания есть тем самым утверждение высшего и изгоняя из своей души ложных божков и кумиров, мы тем самым вводим в нее истинное Божество» (Соловьев, «Три силы»).

Байронический протест корнями своими уходит в далекое историческое прошлое Запада, есть законное и необходимое его последствие и был необходим, логически нравственно, там на Западе для освобождения человека от пут и оков, им самим наложенных на себя в прошлом своем. Там он есть шаг вперед в истории человечества, имеющей высший смысл: устранения препятствий на пути к богочеловечеству. Там началась рознь между сынами единой церкви Христовой с IX века, когда папизм начал делать попытки наложить свою тяжелую руку на свободу человеческой совести и мысли. Вместо Христовых «Милости хочу, а не жертвы», «Аз есмь путь, Истина и жизнь», «Познайте Истину и Истина сделает вас свободными»,

вместо единства, на любви и свободном признании Его, папство хотело соединить людей в одно стадо силой внешней – силой чуда, тайны и авторитета. Как Великий Инквизитор, оно прибегло к «мечу светской власти», чтобы «исправить подвиг Христа», «обуздать бесчинства свободного ума, науки и свободы», подчинить себе, своему непогрешимому руководству и дать этому стаду **счастье!** И орудием, конечно, должно было избрать ум, полагая тем начало рационализму. Устами западной схоластики объявило оно, что philosofia – ancilla theologiae, «философия – служанка теологии» (только служанка!), и зажгло костры инквизиции. Вымогая покорность внешними средствами, церковная (папская) власть хочет отнять у человека силу нравственного самоопределения. Обращаясь не к нравственным силам человека, а к его физической слабости, церковь (католическая) тем самым теряла свое нравственное превосходство над личностью, и вместе с тем справедливо восстанавливала их против себя. Этим церковный авторитет вызывал на себя сильнейшего врага и готовил себе самый чувствительный удар» (Вл.Соловьев). И вот в защиту себя и свободы человеческой восстала мысль Запада. Вот где корни Байронического протеста! Но объявив себя свободным, ум человеческий положился только на себя. Он даже отверг другие стороны человеческого духа, не только свидетельства опыта человеческого рода, откровений, им уже полученных, нарушив единство свободной любви; в течение целых веков и доныне блуждает из одной крайности в другую и творит жизнь, полную заблуждений, разногласия, вражды и борьбы одного ума против другого, человека против человека. Наука, созданная умом, поступает точно так же. Прежде всего она пропиталась такой же враждой противу христианства, приписав ему то, что принадлежало исключительно человеческому заблуждению папизма, впервые поднявшего знамя рационализма в делах самой церкви. Наука даже забыла, что развитие ее стало возможно именно благодаря воцарению христианства на место язычества; ибо только тогда научное исследование получило возможность искать истинные причины и связь явлений, когда были уничтожены боги, заведовавшие и управлявшие каждой областью явлений природы, демоны и специальные боги каждого явления. Только с признанием Единой Причины, единства всего и закономерности всех явлений стало мыслимо изыскание причин их и законов. И действительно, только с проявлением христианства стала основываться наука о природе, и первыми ее деятелями были деятели христианской церкви, священнослужители и монастыри. Там ее родина.

Но дитя философии – наука, напала и на мать свою – философию, а эта последняя на науку. Доходит дело до объявления кризиса современной науки… Но ошибка и той и другой в сущности одна и та же: дробление духа, откуда обе они исходят, и дробление даже до бесконечности, до

атомизма того мира, который они изучают. Вся история их есть перечень одной крайности, опровергаемой другой, одной односторонности, вызывавшей перегиб в другую сторону, одного кризиса против крайности и однобокости своего предшественника. Я не претендую сделать с тобой, читатель, обозрения всего их хода и должен ограничиться примерами для уяснения высказанного положения. Историю же тебе придется читать и изучать самому. Для облегчения полезно начать с критики западной мысли, сделанной нашей русской мыслью и ранее нас восточной – заключающейся в философских творениях учителей греческой церкви. Наиболее сжато и сильно выражена эта критика Ив. Киреевским, Хомяковым и В.С.Соловьевым (см. его «Кризис западной философии» и «Критика отвлеченных начал»). Изучение истории философии и науки послужит тебе на каждом шагу подтверждением их положений.

БЕСЕДА 16-я.

Обзор западной философии, a vol doiseau. Декарт, Кант, Гегель. Начатки обожествления языческого государства. Фейербах и религия человечества. М.Штирнер и провозглашение человекобога. Ницше и современные «рыжии бестии». Поправки Шопенгауэра и Гартмана. Другие направления философской мысли. Эмпиризм. Материализм. Этические системы, на них основанные. Распространение и влияние их у нас.

Прежде всего, человеческий ум признал себя самодовлеющим началом, и на себе самом и через себя одного стремился обосновать все постижение мира, мировоззрение, жизнь и деятельность людей. Он даже не допускал, чтобы человек без его согласия счел достоверным собственное бытие свое! С отцом всей современной философии, Декартом, он счел нужным доказывать тебе и это: Cogito, ergo sum! (я мыслю, следовательно, я существую). Ты не можешь верить, не должен верить ничему, что он не признал и не оправдал, гордый твой рассудок! Ты профан, если полагаешь, что видишь свет, испытываешь боль, чувствуешь сострадание и любовь. А какому праву? – спрашивает он. И эта история повторяется до наших дней и в философии и в науке, разумеется, с надлежащими вариациями и изменениями отправных пунктов. Кант исследовал законы этого «чистого разума» с помощью опять-таки исключительно только его самого – его способности суждения – и доказал, что и этот кумир «Разум» имеет очень тесные границы. В результате операций Канта получился мир «явлений» и «вещей в себе». Первые познаваемы только постольку, поскольку

рассудок может их разместить по своим кагегориям; вторые – непознаваемы вовсе. В этот круг, как белка в колесе, заключен твой ум. Таким образом «чистый разум» доказал сам свою несостоятельность в деле нахождения истины. Но очутившись в безвоздушном пространстве непознаваемых «вещей в себе», Кант написал «Критику практического Разума»; ибо человеку нужно жить, действовать, надеяться и верить, без чего он не может прожить и одного дня. И вот уничтожая левой рукой то, что создала правая, Кант и написал последнюю «Критику практического Разума». Между первой и второй критиками глухая стена. Таким образом, вместо цельного познания действительно сущего получается дробное, неполное, между собой несвязанное, одностороннее восприятие мира или рассудком или «практической» стороной нашей духовной природы, так сказать, для обихода жизни. И до сих пор западная мысль и наши перениматели ее, следуя мощному толчку Канта, вертятся в кругу, им очерченом. Гегель все, все, всю мировую действительность, хотел вывести из одной только стороны человеческого духа – диалектического разума и развития понятия. Опять получилась пустота, ибо действительность на понятие не сводима: мир эмпирический из него и из идеи невыводим. Пришлось провозгласить знаменитое: «Все действительное разумно» и «все разумное действительно», так соблазнившее нашего Белинского в одну из эпох его развития. Гегель же положил и основание для позднейшего обожествления самовладеющего государства; ибо без этого как бы сохранился необходимый для каждого входящего в состав государства индивида, имеющего свой индивидуальный разум, обязательный порядок, дающий возможность жить, не поедая друг друга. Ученик Гегеля, Л.Фейербах, развивая дальше идеи учителя, обоготворил человечество. Но так как человечество только отвлечение, а не реальность, и вера в него не может стать верою, управляющую массами, пришлось часть обожествления перенести на государство. Получилось человеческое стадо. Одна односторонность вызвала одностороннюю реакцию. М.Штирнер, опровергая и издеваясь над Фейербахом, провозгласил своего Единственного, самодовлеющего и не признающего никаких ограничений. Ф.Ницше продолжил его дело и со свойственной ему неустрашимостью довел идею до абсурда. Не человество, а только сильные человечества – «рыжии бестии» – получили право служить нормирующим понятием жизни человечества; их ивтересам должно служить все слабое, дряблое, смиренное. Явилась проповедь аморализма. Раньше Ницше недостаточность мировоззрения Канта, и в особенности Гегеля, была выяснена Шопенгауэром, указавшим, что ими не принята во внимание «воля». И вот он строит мир, как представление и волю. Опять представление само по себе, воля сама по себе. Воля не имеет мотива и цели, представление не служит

воле. Воля представляется как ипостась, вне волящего субъекта. Кроме того, ипостазируя эту волю, Шопенгауэр говорит, что она страдает, а отсюда страдание и зло в мире... Гартман сделал частичную поправку Шопенгауэра, внеся представляющую волю. Но наш опыт дает нам представление и волю, как атрибуты субъекта, лица... После этих корифеев мысли следуют их эпигоны, толкущиеся на месте, пережевывающие старое, комментирующие учителей, но дальнейшего развития западная философская мысль уже не обнаруживает. Философия сама себя разрушила и, будучи призвана по сущности своей удовлетворить неистребимую потребность человеческого духа к цельному знанию, цельному миросозерцанию, – удовлетворяла главным образом только одну – его дискурсивный рассудок, да кроме того – брала и предметом своим не все, не цельное, а раздробляла его или выхватывала только часть всего. Боже упаси, если кто-нибудь подумает, что я хочу сказать, что труд философии не нужен, и что изучение ее пустая трата времени. Напротив, она сделала свое историческое дело; она показала несостоятельность ума, который сам по себе захотел бы царить в мире, самодовлеюще и безраздельно; она указала точные границы ему для познавания; она выработала методы и основные принципы для выработки истинной цельной философии и знания. Следовательно, изучение ее предохранить каждого от повторения вновь ошибок, уже пройденных и превзойдённых мыслью человека в своем историческом развитии (см. В.С.Соловьева «Историческия дела философии»). Нам, русским, изучение ее, кроме вышеуказанной причины, важно еще и потому, что ничто так не дисциплинирует ум, не приучает его к точности мысли ее и выражения, как изучение философии, давая в то же время изощрение проницательности мысли при открытии заблуждений и глубину собственному мышлению. Знание прошлого облегчит и построение будущего цельного знания.

Другие направления философской мысли (материализм, сенсуализм, позитивизм, агностицизм, монизм, энергетизм со всеми их разветвлениями и разновидностями), настолько слабы в своих основаниях и неудовлетворительны по результатам, что можно было бы обойти их молчанием если бы именно у нас не нашли они наибольшее распротранение и самых горячих приверженцев, именно вследствие недостатка дисциплины ума и изучения основ философии. Неудовлетворительны эти направления вследствие главнейших недостатков: 1) Своей некритичности, 2) Еще большего суживания круга знания, доступного человеку, ограничивая его только изучением явлений внешнего мира; и 3) Оставления без ответа самых важных и существенных запросов человеческой жизни, так что на них нельзя основать критерия должного и недолжно-

го, а следовательно и системы этики. Эти направления, которые можно обозвать эмииирическими, не удовлетворяют даже и критического рассудка, ибо кладут в основание свое только внешнее – мир явлений, даваемый нам внешними органами чувств, без исследования самой способности познавания. Опыт, даваемый нашими внешними чувствами, они относят к произвольно устанавливаемой сущности (материи), тогда как всякий опыт мы знаем только как данное нашего сознания. Весь мир явлений обращается в ряд данных субъективного сознания, которые только и даются нам первично. Все остальное только из них выводится при посредстве разума. Пространство, время, протяженность, материя, сила и т.д. есть выводы нашего рассудка – его категории, т.е. условия и способы мышления, а не данные опыта. Материализм же самые разум и сознание пытается обяснить из материи, которая есть создание и плод разума и сознания. Новейшие данные наук психофизиологии и экспериментальной психологии, благодаря главным образом трудам Гельмгольца, доказали, что то, что принимается за основание всего внешнего опыта – простейшее ощущение – на самом деле есть сложный психический акт, в который привходят и бессознательное суждение, умозаключение, прежние данные опыта и мысли и их оценки, сделанные человеческой психикой. Принимая материю, как сущность, а силу или энергию, как ее свойство, материализм, следовательно, с первого шага построяет ничто иное, как метафизику и, как я выразился в своем возражении на съезде психиатров в Москве покойному профессору Краинскому, ярому последователю психоэнергетики, – метафизику весьма плохую, ибо она и не подозревает, что она метафизика, а думает, что она наука. Таковы же достоинства и понятия атома, с которым оперировал материализм. При анализе он обращается в «центр действующих сил», т.е. в ничто, в не-материю. Я не могу подробно излагать этих наивных учений; они имеют только отрицательную важность. Ибо будучи по плечу неподготовленным умам, они обратились в ходячую монету, и на них-то, к сожалению, главным образом и строится современное безрелигиозное и арелигиозное мировоззрение и все заблуждения эпохи, претворяющиеся, как я старался показать выше, в действия, поступки, старой жизни, отношение человека к миру и ближним, в его мораль и эстетику и т.д.; между тем ошибки этих философских направлений ясно излагаются в каждом «введении в философию» (См. введение в философию – самое элементарное проф. Челпанова, Кюльпе, Паульсена, Роджерса, Риля, Куно-Фишера, Виндельбанда и др., сущесгвующих и на русском языке. С исчерпывающей полнотою излагается вопрос в «Истории Материализма» Ланге и более доступном сочинении «Мозг и Душа» проф. Челпанова, а.затем в философских

сочинениях Канта, особенно Шопненгауэра, Гартмана и Лотце). Этические выводы этих учений – моральные системы: гедонизм, эвдемонизм, бентамизм, утилитаризм, эгоизм, к сожалению, также у нас очень распространенные, отражающиеся на всех почти направлениях, воплощаемые в большинстве типов современной «художественной» беллетристики, к которым «протягивает сочувственные нити» современный читатель, настолько опять-таки наивны и лишены последовательности, что всякий, читавший хотя бы элементарный учебник по этике (например, Мюрхеда, Маккензи, Липпса и более обширные – Паульсена, Гердинга, В.Соловьева «Оправдание Добра», «История этики» Иодля и т.д.), не затруднится усмотреть их неосновательность, противоречивость и ошибочность. Но самая распространенность таких элементарных заблуждений, господство типов, их воплощающих, в произведениях современной беллетристики, театральной и стихотворной литературы и общее направление проявлений современной жизни частной и общественной – с поразительной ясностью свидетельствуют об ужасающем одичании мысли и упадке религиозно-нравственных начал, руководствующих жизнью и воспитанием индивида и общества. Впрочем, иначе и быть не может: лишенное религиозных основ общество живет еще некоторое время капиталом, накопленным предыдущими поколениями, воспитанными на началах религии; с каждым поколением капитал этот, – состоящий из нравственных привычек поведения, воспитанных чувствований, основанных на них убеждениях, деятельной и бдительной совести, – капитал расходуется и получается нравственное разложение личностей и общества.

БЕСЕДА 17-я

Современная наука. Специализация и раздробленность, Влияние их на деятелей науки. Границы науки. Анализ и синтез. Примеры: физиология, механизм и витализм. Их неосновательные претензии. Еще примеры. Несоответствие понятий и их определений реальной действительности.

Вышеуказанные недостатки философской мысли отражаются крайне неблаготворно и на науке. Науки также обособляются, теряя свою цельность, дробясь все более и более на специальности, атомизируясь и распыляясь до такой степени, что каждая из них может удовлетворять только самые ограниченные натуры – Вагнеров, а не пытливых Фаустов. Даже со стороны испытующего ума, не говорю уже о других сторонах человеческого духа и его потребности иметь цельное знание. Кругозор ученых суживается. Наука обращается в технику, и только техническая по-

лезность ее делается мотивом для научной деятельности, а не искание научной истины. С другой стороны, раздробленность специальных знаний, не позволяя ученому усвоить даже сопредельные области знания, влечет за собой узость взглядов и узость интересов. В каждом предмете только сторона, относящаяся до его специальности, вызывает отклик; всё другое тускнеет, а у иных отпадает и вовсе. Вместе с тем неизбежно падает даже и специальное знание до уровня специальной техники. Ибо в каждом реальном предмете все его стороны, свойства, особенности, значения и т.д., между собою связаны неразрывно, одна зависит от другой, влияет на другую; предмет на предмет и т.д. Следовательно, увеличивается и практическая беспомощность ученого, как только он выходит за пределы своего кабинета или лаборатории.

Он теряется перед фактами, никогда не являющимися в раздельности, а всегда в связности целого реального явления, состоящего из сложнейшей путаницы элементов, слагающих и их взаимодействия. И вот наука и ее жрецы (впрочем, жрецы становятся анахронизмом; господствуют наемники ее и эксплуататоры), чем далее, тем более превращаются в простых коллекционеров фактов и явлений; обобщающая мысль проявляется все менее; материал, годный и негодный, растет не по дням, а по часам, и даже в одной специальности достигает таких размеров, что массой своей подавляет даже способных людей. Научная критика, а с нею и достоинство накопляемых материалов, понижается. Их закономерная связь не ищется. Самое понятие о ней, вследствие недостатков предварительного образования бледнеет. Являются представители науки и позитивной мысли, которые утверждают, что обязанность науки только наблюдать, констатировать и изучать последовательность явлений, а не изучение их причинной связи. Наконец, индуктивные логики начинают утверждать, что и самое понятие о причинной зависимости не что иное, как привычная нам смена постоянно повторяющихся явлений (См. Дж.Ст.Милль и вышеупомянутого Mercier «Ou causation»). Отсюда следует, что мы не можем утверждать, что то, что было привычным явлением или их последовательностью в наш короткий век или в краткий миг существования всего вообще человечества, останется таким же и в будущем, и всегда таковым было в прошлом. Из эмпирического познания мы не можем установить ни закономерности, ни причинности, ни постоянства, ни необходимости явлений. Все обращается в хаос, и самая возможность науки и научных истин разрушается в прах. И Мерц, подводя в своей «Истории европейской мысли в XIX веке» (англ. язык) итоги развития науки за столетие, говорит: «Полное и простое описание, допускающее и вычисление описываемого, есть цель всякой точной науки; нам нечего ждать от нее раскрытия конечных истин; наука не нау-

чит нас пониманию природы и жизни». Знаменитый математик Пуанкаре говорит: «Только для поверхностного наблюдателя и большой публики, да для лицеистов, получающих первые познания в физике, математические истины представляются стоящими вне каких-либо сомнений, присущими не только нам, но и самой природе и ставящими границы свободе самого Творца». А вот резюме другого ученого, Г.Ле-Бона: «Гипотез, способных быть строго проверенными, не существует; законов физических, абсолютно верных, также не существует». «От абсолютного ответа на великую мировую тайну наука должна отказаться. Такое объяснение, способное дать удовлетворение жаждующим его, надо предоставить философии и религиям. У науки же здесь, перед потемками неизвестного, есть пока только синтез наших неведений, да наших надежд» (Le Bon, «L' Evolution delà matière»). Вот как говорят истинные ученые и не предлагают, подобно Геккелю, решение всех мировых загадок и не требуют, подобно ему, не соблюдающему двенадцатую заповедь, отказа от всякой веры, от всякой религии!

А вот вам крик души величайшего энциклопедиста ученого А.Гумбольда в конце его долгой жизни, посвященной целиком науке: «Жизнь» есть величайшая бессмыслица. Восемьдесят лет стремишься и исследуешь и в конце концов приходится сознаться, что стремился ни к чему и исследовал ничто. И еще если бы мы знали, зачем мы существуем! А то все есть и остается для мыслителя загадочным, и самое великое счастье – это родиться дураком!».

Но ученые специалисты, особенно немецкого типа, схоласты и эрудисты в своей тесной области научного ведения, верят в своего кумира – науку, даже не потрудившись познакомиться с приобретениями всей современной науки и ее границами. Они рассекают дальше и дальше, больше и больше, даже и тот объект небольшого обема, который служит предметом их специальных изысканий, руководствуясь иключительно аналитическим методом дискурсивного рассудка. Синтезом не занимаются, ибо не могут. И в результате, например, физиологических изысканий получают человеческий механизм -автомат, а не субъекта-человека. Они рассматривают и изучают порознь системы кровеносную, лимфатическую, пищеварительную, мочеотделения, дыхания, нервную и... пишут отдельные главы о каждой в своих трактатах физиологии. Общего центра – цельного человека, координирующего деятельность всех физиологических систем и процессов для одной цели – существования индивида, его личности, в результате мы не получаем. Целесообразность и целемерность в каждом процессе исчезает, или ограничивается узкими рамками одной системы или ее части, В этих узких пределах еще можно утверждать, что

организм есть автоматический аппарат, в котором действуют лишь «законы» (!) физики, химии и механики. Но если взять целого человека, то является ряд неразрешимых вопросов и непонятных противоречий с этими «законами». А если взять не отдельного человека, а его филогенетическую связь с другими особями рода, если взять явления наследственности, передачу микроскопическим яйцом, деятельною, а не питательною которого является еще меньшая частица, едва усматриваемая в микроскоп, то «объяснение» «законами» механики, физики и химии передачи возможности развития из этой ультра-минимальной частицы, согласно известному плану – родовому типу – целого организма, кроме того, заключающего в себе потенциальные энергии для развития различных индивидуальных своих особенностей и различных особенностей, получаемых ими при посредстве той же минимальной частицы яйца и семени, от бесчисленного количества предков, способности и потенции развития не только в утробе матери, но в течение всей своей жизни, с многоразличными физическими и психическими, наклонностями и способностями, с предрасположениями даже к известного рода болезням, и кроме всего этого принять в соображение, что эта ультра-микроскопическая частица заключает еще в себе достаточную энергию для передачи через порожденного индивида его бесчисленным потомкам всех возможностей развития, всех приобретений предков, всех индивидуальных уклонений от основного типа; – тогда, как говорит русский народ, «ум за разум зайдет», и недостаточность механического взгляда на организм выступает с поразительной ясностью. Некоторые физиологи (меньшинство) хватаются за «витализм», но заменить непонятную вещь другой (жизненной силой), подставлять слово – не значит объяснить. И вот изучение целого организма, как такового, еще и не начиналось; такой физиологии не написано, да на основании существующих данных физиологии и не может еще быть написана, ибо они недостаточны. (*См об этом замечательную книжку английского физиолога J. S. Halldane, вышедшую в 1914 г. и еще не переведенную: Mehanisme, Life and Personality**). А с каким важным видом изрекаются популяризаторами физиологических «законов», требования оных и декреты, подрывающие твое доверие, читатель, к достоверному свидетельсгву опыта веков, твоего собственного и веры в твое высшее назначение и в смысле твоей жизни! И создаются новые требования «логики жизни», перед которыми ты пасуешь. Поневоле приходят на память слова столь читаемого и почитаемого англичанами, Мэтью-Арнольда: «Если людям позволительно мечтать о невозможном, то я желал бы, чтобы дети мои были хорошо обучены физическим наукам, но только в должном подчинении полноте и ясности сведений их о мораль-

ных вопросах. Я полагаю, однако, что это сочетание невозможно; поэтому я охотно предпочел бы, чтобы сын мой думал, что Солнце ходит вокруг Земли, а что звезды не что иное, как множество блесток, усеивающих небесную твердь». Так думает образованный сын Альбиона, гордый своим отечеством, общественностью, наукой и свободой; но не так думают у нас, не так поступают по отношению к своим детям и своему народу жаждущие «общественности» наши «интеллигенты»...

БЕСЕДА 17-я

Продолжение.

Возьмем еще два-три примера. Попробуй, любезный читатель, дать, определение, выдерживающее критику, что такое «стол». Ручаюсь, что ты много попотеешь над такой простой задачей, касающейся определения всем известного предмета, видимого, осязаемого, употребляемого ежедневно всю твою жизнь. А попробуй взять что-нибудь посложнее, поотвлеченнее: или предмет из области, познаваемой непосредственным внутренним чувством, или интуитивно! Определи, например, что такое боль, гнев, гордость, любовь. «Немецкие художники» тебе докажут, что свечи, о которую ты, или твои предки, обжегся, не существует. Ты, вероятно, сердился и сам на своих докторов, особенно из школы строго патолого-анатомической и «точной», что болезнь твоя так... – воображение, нервные пустяки; современный медик скажет тебе «понаучнее», что ты напрасно беспокоишься, страдаешь и мучаешься, потому что это у тебя психоневроз, самовнушение, психическая боль и т.п., а болезни в сущности и нет. Позвольте, милостивый государь, вопиешь ты: «Я не могу ни спать, ни есть, ни работать, ни любить, ни наслаждаться существованием не могу! Я чувствую боль, избавьте меня от нее, а что она такое, мне и дела нет!». Разве ты не считаешь того же самого о многих существеннейших для жизни души предметах? Я бывал многократно, например, свидетелем рассуждений, конечно, немножко мной для наглядности и ясности видоизмененных, вроде следующего: является, например, к очень молодому, обученному во всевозможных лабораториях, при употреблении всевозможных новейших, сложнейших инструментов, врачу больной – ну, хоть в последних градусах чахотки (беру резкий пример для показания абсурда). Опытный старый фельдшер шепчет: «Чахоточный…». Но молодой жрец науки, провозившись с больным с час, использовав весь арсенал инструментов, до микроскопа включительно, распоряжается сделать культуру микробов из мокроты больного и пробные при-

вивки кроликам... А фельдшера ошарашивает следующим научным доказательством: «Вы говорите – кашель. Но кашель встречается при плеврите, бронхите, отеке, glottidis, ларингите, эмфиземе, воспалении легких, отеке слизистой оболочки бронх; бывает кашель рефлекторный – от заболеваний желудка, кишок, печени, селезенки, матки, яичников, бывает кашель носовой, нервный, психический и т.д. и т.д., так что этот признак ничего не доказывает. Вы указываете на лихорадку, но она бывает... и опять следует целый синодик болезней. – «Вы говорите о глухом своеобразном голосе? Но он»... и опять тоже: «Вы ссылаетесь на поты, но».... и опять тоже: «Вы считаете верным признаком каверны в легких... Но они бывают при бронхоэктазиях, при сморщивании легких, как исход гнойников, некоторых опухолей и пр. и пр. Вам кажется, что изнурение говорит в пользу чахотки? Но оно…» – и опять бесконечное перечисление болезней. И перебрав таким образом все симптомы и признаки, имеющиеся у больного, молодой ученый эскулап торжественно заключает: «Стало быть, существование чахотки не доказано». Многие читатели, вероятно, знакомы с книжечкой Уэтли или брошюрой Переса, в которых они, в точности пародируя ход рассуждений и архинаучные аргументы так называемой исторической критики и ее отрицательные результаты относительно многих героев, древнеисторических деятелей, целых народов, событий и т.д., логичнейшим и неопровержимым образом доказывают, что Наполеон I не существовал, а есть лишь мифический герой из цикла мифов об Аполлоне. Разве не в точности тот же самый метод встречаете вы и у критиков библейской истории, Евангелия, посланий Апостолов? Не точное ли повторение слышите вы в опровержениях существования Бога при критике доказательств Его бытия? Или в излюбленных модных рассуждениях о религии, или о том, что такое патриотизм и любовь к отечеству? Не так же ли строится аргументация опровержения реальности понятий народности, национальности, национального духа народов? Начинают с признаков антропологических, переходят к расовым, к историческим; затем поодиночке к суду привлекаются выражения духа народного в его языке, мифах, сагах, преданиях, песнях, пословицах и т.д.; в истории его литературы и быта; его церковного, гражданского, политического строя; особенностях его поэзии и поэтов, литературы, искусства вообще и т.д., и т.д. – и с торжеством, подобно нашему юному эскулапу, заключают: «Понятия о народности, национальной психологии и пр. и пр. противоречивы, не точны, не определимы; следовательно, существование всего этого не доказано»... А вы чувствуете вот эту самую свою народность, дух своего народа, любовь к нему реально и пламенно. Но как всякая любовь, она подлежит ведению внутреннего опыта и руководимого интуи-

цией восприятия реальности. Как ваша любовь к жене, родителям, детям, предкам, Богу, – она несводима и не выводима из простейших понятий или чувств: она так же, как и эти чувства, мистична. Заключу эту беседу словами А.С.Хомякова: «Слепорожденный человек и приобретает познания; он в полном круге наук встречается с оптикой, изучает ее, постигает ее законы, остроумно характеризует некоторые ее явления (например, яркий багрянец зари сравнивает со звуком трубы), даже, может быть, обогащает ее некоторыми новыми выводами; а дворник ученого слепца видит. Кто же из них лучше знает свет? Ученый знает его законы; но эти законы могут быть сходны с законами других сил; быть может, найдется даже сила, подчиненная самому характеристичному из всех, закону интерференции; но кто же знает что-нибудь подобное самому свету? Зрячий дворник знает его; а ученый слепец не имеет даже понятия о нем, да и все то, что знает об его законах, знает он только из данных, полученных от зрячих. То же самое, что мы видим в сопоставлении двух лиц, происходит в каждом человеке, в сопоставлении знания непосредственного от веры с знанием отвлеченным от рассудка. Это непосредственное, живое и безусловное знание, эта вера есть, так сказать, зрячесть разума».

БЕСЕДА 18-я

Ложь рационализма, эмпиризма и эгоизма. Практические их последствия. Поклонение факту и логике жизни. Хлеба и зрелищ! Опять на сцене отдел новой беллетристики в Лермонтовской библиотеке.

Итак, вы, читатель, думается мне, достаточно уясняете себе, в чем состоит это «немецкое художество», создавшее рационализм, позитивизм и эмпиризм, господствующие в нашем веке и творящие на практике грубый материализм, поклонение факту и практический аморализм, у нас, русских, выражающийся в форме добродушного эгоизма, лености, снисходительности, в равнодушии к добру и злу, апатии к делу, общественному и государственному, в распущенности нравов, в грабительстве и беззаконии хищников и в теоретическом самооправдании, Отделившись от веры отцов своих, мы блуждали за западной мыслью, дробили вместе с нею все сущее, обратили мир и себя в бездушные механизмы–автоматы; разделение и атомизирование внешнего неизбежно повело за собой разделение внутреннее, потерю цельности духа, расслабление ума, чувства и воли. Смысл существования, смысл мира, вера в смысл истории не могут существовать при таком отсутствии цельного миропонимания. Утра-

та же последней разнуздала все личные, низшие инстинкты, дало полную волю побуждениям и потребностям низшей животной стороны нашего существа – непреображенной плоти. И с каждым поколением развал растет, ибо нет критерия и для воспитания и образования растущих поколений. Запасы прежних, скопленных еще под руководством религиозного воспитания индивидов и масс, моральных принципов и чувствований убывают с каждым поколением; навыки нравственного поведения слабеют, и воцаряется ничем не сдерживаемый индивидуализм. Но по двойственной природе своей, соединяющей земное и божественное начало, человек не может довольствоваться такою жизнью. Отсюда всеобщая неудовлетворенность, недовольство, погоня за наслаждениями и суетой жизни. Ибо отъединенному от Бога и людей человеку страшно и невыносимо одиночество; опустошенная душа его боится остаться наедине с собой; пред ней грозно встают вопросы о смысле жизни и смерти, поднимается голос совести... И человек старается заглушить сутолкой жизни, беспрерывной занятостью, удовольствиями все более и более острого, возбуждающего характера крик страдающей души. Одурманивает себя, ищет нового, прилепляется к идолам и кумирам. Но страшная пустота, бессмыслица жизни ставит те же роковые вопросы; более сильные и последовательные кончают самоубийством, слабые – сумасшествием, алкоголизмом, морфинизмом и проч., передавая потомству и дряхлую ослабевшую организацию и разлагающуюся психику... Мораль, кладущая в основу чувство эгоизма и отрицающая высшие критерии – должного и недолжного, Добра, Правды и Красоты, обосновывающихся только религиозно, влечет за собой господство интересов, несогласование их на почве любви и чувстве нераздельности и единства всего человечества. Отсюда непримиримая противоположность интересов индивидуумов, поколений, классов, сословий, народностей, государств и вражда всех против каждого и каждого против всех.

Социальный строй шатается, и проницательные умы с ужасом, скорбию спрашивают себя: «Где же новые варвары, которые призваны обновить мир?» (См. историч. статьи С.М.Соловьева). И факт, действительность, сила становится богом, и современный человек вторит вместе с Мефистофелем: «На земле весь род людской чтит один кумир священный». А он, отец лжи, отец этого кумира, хохочет, хохочет, громче и громче звучит его торжествующий адский голос: «Сатана тот правит бал, сатана тот правит бал!»...

От высокого до смешного, от великого до повседневной мелочи нет и одного шага. Неумолимая логика нравственной необходимости выводит из главной Лжи всю жизнь с ее повседневными мелочами, проника-

ет все ткани, соки и органы жизни частной и общественной. И вот идолопоклонники силы и факта с торжеством разят вас «логикой жизни», – которую сами сотворили и творят. «Логика жизни» требует опьяняющих напитков. Извольте – вот они. Их нет – извольте суррогаты, кваски, медки, денатурированный спирт. Потребует она развратнаго и развращающего фарса, сценических одуряющих совесть пьес – извольте, вот они. Требует бесстыдства и неприкровенной наготы, соблазна женского тела – извольте, вот модные костюмы для выставления напоказ животных самок. «Хлеба и зрелищ!» – вопит толпа, бегущая на всякую новинку, ибо страшно одну минуту остаться ей наедине с собой, с пустотой в сердце, пустотой в голове, наедине с этой бездушной для нее природой, которой она поклоняется и законы которой ставит себе высшим критерием. Забыться, забыться, забыть этот призрак гниющего мяса царя природы, этот сухо позвякивающий костяк!..

Речью уверенной, чуждой сомнения,
В смерти, мудрец, ты сулишь мне покой
И нескончаемый отдых забвения –
Сладостный отдых во тьме гробовой
«Смерть,–говоришь ты,–глаза утомленные
Нам благотворной рукою смежит,
Смерть убаюкает думы бессонные,
Смерть наше горе навек усыпит»,
Знай же, мудрец, той мечте обольстительной
Всю мою веру я в жертву принес;
Но подымается с болью мучительной,
С прежнею болью упрямый вопрос:
Что если там, за безмолвной могилою,
Нам ни на миг не давая уснуть,
Те же мученья, но с новою силою
Будут впиваться в усталую грудь?
Что, если вырвав из мрака ничтожного
Душу, бессмертную душу мою,
Не потушу я сознанья тлетворного,
Жгучей тоски я ничем не убью?
Буду о смерти мольбой бесполезною
Я к безучастной природе взывать,
Но отовсюду холодною бездною
Будет угрюмая вечность зиять,
Вечность унылая, вечность бесцельная,

Вечносгь томленья и мук без конца,
Где не уснет моя скорбь беспредельная,
И не изменится воля Творца;
А надо мной в красоте оскорбительной
Будет злорадное небо сиять,
Звездные очи с улыбкой презрительной
Будут на стоны мои отвечать...
Нет, перед страхом немой бесконечности
Разум твой гордый бессилен, мудрец...
О, беспощадные призраки вечности,
Кто же вас вырвет из наших сердец?!

(Д. Мережковский)

И для удовлетворения «требований жизни», вы, повинуясь ее логике, считаете себя обязанным делать всё и усыпляете свою совесть. «Да» – сказал бы совестливый человек, опуская долу глаза и смиренно признавая свою собственную, русскую дряблость и лень: «Да! Необходимо удовлетворить требования публики, жаждущей современной беллетристики, Ибо мы от нее зависим – публика дает нам средства для существования библиотеки». И снисходительный русский человек подумал бы: «Что же, все мы слабы, все человеки не без греха»... И открыл бы новый отдел современной беллетристики. Но если вы, вместо стыдливого сознания, начинаете оправдывать и себя и публику, вы или считаете нужным, по выражению А.С.Хомякова, «к низости прибавлять проповедь низости», или вы лицемер и иезуит, прелюбодей мысли и слова, для которого цель оправдывает средства. Если бы вы чувствовали себя человеком, вы бы трудами вашими, подвигом достали те средства, которые нужны для хорошего общественного дела: вы собрали бы пожертвования, вы читали бы лекции, вы устраивали бы собеседования, вы издавали бы для продажи труды Общества и ваши... Да, наконец, неужели же так мала вера ваша в исповедуемую вами «общественность», что вы боитесь кликнуть клич: «На помощь, друзья! Хорошее дело погибает!»

Вы не верите в дело, которому служите, и в общественность и пытаетесь поддержать его ложью. Увы! Непрочное основание и разрушительное для самой веры в дело!

БЕСЕДА 19-я

«Отцы» и «дети». Путь Луны по науке и в действителыюсти. Прошедшее, настоящее и будущее. Разрыв между настоящим и прошлым – главное препятствие на пути прогресса. Любовь к прошлому главный его двигатель. Индивидуализм. Что принадлежит индивидууму. Ты и предки.

И всюду разделение и вражда и непонимание. Ибо только единящая любовь дает понимание и прекращает вражду. Одно из прискорбнейших разделений, специфически свойственных русской интеллигентской жизни и нигде в других странах в такой форме не встречающееся, – деление общества на «отцов и детей». Название «отца» звучит презрительной насмешкой в устах «детей». Чтить своих «отцов» и быть «отцом» не стыдно. Лишь Хам мог и может надругаться и надсмеяться над своим отцом. И последствия в реальной жизни бывают, и должны быть те же, что для Хама. Постыдно быть отцом лжи. Непохвально и стыдно быть Иваном Непомнящим родства. Вчера я был «сыном», а нынче «отец», а завтра вы, юный читатель, будете «отцом».

Следуя призракам, созданным якобы «научной» мыслью, вы уверовали в это раздробление вашего бытия, вашего целостного и неразрывного опыта на вчера, ныне и завтра; так же как в гимназии, и в качестве интеллигента вы верите, что Луна или Земля описывают в небесном пространстве эллиптические круговые линии. Рассматривая отдельно взятую вами, произвольно для ближайших целей вами изолированную, данную систему, вы вправе так думать и выражаться. Но как только вы выходите из пределов вами же отграниченной системы, и берете живую реальность, ваше утверждение уже не истинно. Луна стремится описывать круговое движение вокруг Земли; но Земля, двигается вперед вокруг Солнца; Солнце движется вокруг своей центральной звезды; а та еще дальше, а та в свою очередь тоже и... вы попадаете в мир бесконечного движения, исследовать которое бессилен ваш ограниченный ум. Нарисуйте же действительную линию, которую совершает Луна! Попробуйте ее вычислить! Где же ваш эллипсоид? А если вы еще прибавите к этому все уклонения от так называемых «возмущений» движения планет – годичных, вековых и иных, то какова же в действительности линия движения Луны? Дробя неделимое время (см. Бергсон «Время и свобода воли»), вы создаете неразрешимый Зеноновский софизм, что Ахиллес никогда не может перегнать черепаху. Тем же путем созданы софизмы о свободе человеческой воли. И вот вы дробите цельное «время» и создаете прошедшее, настоящее и будущее. Вы говорите: теперь его уже не стало; пока вы говорили, наступил момент, ко-

торый был будущим. Прошедшее создается вашим воображением: вы его творите из элементов вашего настоящего опыта, частью из ваших стремлений и чаяний, т.е. элементов создания будущего. Ибо всякий творит прошлое по-своему; отсюда невозможность «объективной» истории. А прошлое и настоящее – творец будущего. Вы творите свое будущее в прошлом и творите его в настоящем. Вы мечтали юношей стать путешественником, как мой товарищ по Медико-хирургической Академии, известный путешественник д-р Елисеев. Мечта побуждала вас приготовлять из себя «путешественника». И вот, вы – путешественник: будущее сотворено прошлым. «Отец» настоящего – творец «будущих детей». Материалы прашлого образуют в его руках глину для сотворения себя и детей. Недостаток любви и почтения к прошлому равносилен недостатку их по отношению к будущему. Без связи любви с прошлым является разрыв и удаление от лучшего будущего. И это разделение есть главное препятствие на пути непрерывно поступательного движения к лучшему будущему. Ибо разрыв с жизнью прошлого означает его незнание и разрыв с традициями своих отцов, своего народа, предков. Каждый отъединяющийся «Сын» должен сам намечать и пролагать путь для своего поколения и самостоятельно вырабатывать нужные для этого «механизмы»; следовательно, открывать вновь Америки, тратить бесплодно и в ущерб скорости и успешности работы и движения, отвергая и отбрасывая ту механическую силу, которая зовется инерцией движения. Мало того: энергия, дающая движение, есть любовь к своим предкам, духовная связь с ними. Любовь к себе и грядущему только часть, а часть меньше своего целого. Не уменьшайте же добровольно запас энергии! Ибо прошлое равно бесконечности, а относительно вашего будущего еще неизвестно, будет ли оно бесконечно (Ницше и ученые в том сомневаются); следовательно, и запас энергии, там скопленной, больше. Но допустим, что и будущее есть бесконечность. Тогда, допустив их противоположение, вы получаете: плюс бесконечность и минус бесконечность, т.е. нуль. Итак, не отвергайте и не насмехайтесь с Хамами над «отцами» вашими, т.е. предками, народом – былым. Почитайте их. Начало всякой религии в почитании сначала домашних, затем родовых, а потом народных божеств, приводящее к Одному Истинному Богу, Туть корень всякой религии, а она есть главный двигатель всего человечества: мысль сама по себе не заключает в себе движущих элементов, а чувствования и воля имеют источники в той же сфере, что и религия. Последняя поддержнвает, питает и укрепляет их сферу. Без этого они иссякают (См. указанные сочинения Джемса). «Странно! Вы носите галстук, вы соблюдаете обычаи вежливости и приличия, и гнушаетесь преданиями и обычаями предков и народа! По природе своей человеческий дух являет себя только через посредство

символов. Иначе – он знает только себя, да и то, как утверждают ученые-психофизиологи, и не вполне и неясно. Возможна ли мысль без символа – слова? Сомнительно, т.е. развитие её. Возможно ли постижение народа без знания и понимания его символов – обычаев, верований, исповедания? Возможно ли взаимное понимание между вами и народом, если нет у вас с ним одного языка из тех же символов?

Он вас не поймет, вы будете для него чужой господин, «стрюцкой», полуиностранец. И эта простая мысль, этот опыт всех веков и народов, элементарнейший принцип исторического прогресса отринут нашей интеллигенцией вот уже около двухсот лет. Мало того, она хочет учить свой народ по-своему. В результате голый нуль, или еще того хуже…

Но на каком основании, ты считающий себя организмом, автоматом, порожденным неуправляемой слепой игрой физических и химических сил, отделяешься в гордом уединении, называя себя «Единственный»? Твое тело – не твое: оно состоит из частиц азота, углерода, кислорода, частичек солей и металлов земли. Они текут через тебя непрерывно; завтра уже не те, что были вчера; ныне они вошли в состав растения, животного, тебе подобных; вчера они были достоянием червей, а позавчера – проносились через организмы животных, насекомых, Цезаря или Терсита, цветущей красавицы или зловонного прокаженного. Твоя энергия, способность двигаться, «протягивать нити к сродным типам», твоя любовь самца к бесстыдно обнаженной самке – это энергия луча солнца, электрических и магнитных волн, притяжения Земли и небесных тел. Каждое мгновение они влияют на тебя, на процессы твоего тела, его питание, т.е. усвоение им не своего, а чужого. Ты привязан нитями притяжения к центру Земли, ты несешься с нею вокруг Солнца», а с ним – в бездонные бездны эфира. Твой голос – колебания частиц твоих легких и гортани, взятых из Земли и атмосферы; твое зрение – колебания частиц всемирного эфира; материя твоего тела, по словам новейшей науки, есть сумма центров математических точек приложения сил.

Где же «ты»? Ты связан, сплетен со всем; и каждый миг «твое» делается не твоим, и «не твое» входит в твой состав. То частица скифа или доисторической обезьяны, то частица Рюрика, то гордого римлянина, то древнего холопа или раба, то Ивана Грозного, то Малюты Скуратова, то червя, то мамонта – приходят, уходят, проносятся через то, что ты называешь своим телом, и ты полагаешь, что игрой всех этих энергий и частиц материя создается и твоя психика и твой телесный состав. А твоя психика? Почерк твой принадлежит отцу или прадеду; твой голос – голос деда; твоя любовь к искусству – достояние твоей прабабки; твои жесты – дагерротипный снимок с жестов и манер твоего дяди; слог твой

– слог брата матери; твоя похотливость – портрет разнузданного барина-крепостника XVIII-го века, державшего гарем из своих рабынь; твоя общительность и тщеславие – примесь французской крови, влитой твоей бабкой твоему отцу в твой славянский состав; твое упорство и настойчивость – многие капли финской крови врагов твоих предков – чуди, веси, мордвы; узость твоей рационалистической мысли – примесь монгольской или немецкой крови к стволу твоего рода; твой революционный, мятежный дух – это души буйных новгородских ушкуйников, воскресших в тебе... Где же ты – твоя индивидуальность, которую ты так оберегаешь от других, противопоставляешь миру и твоему народу? Ты весь – частица целого, всей Вселенной, каждый миг, с нею связанный, ею проникнутый, с нею сплетенный, к ней привязанный лучами солнца, звезд, тяготением, лучами света.

Ты весь – души твоих отцов, твоих предков, твоего народа. По какому же праву ставишь себя отдельно от него, от того, чем создал он себя, чем живет он, что дало ему силу и мощь совершить свой великий исторический путь, создать для тебя организованное государство, оградить тебя от опасности стать и быть теперь – монголом, печенегом или германцем?

БЕСЕДА 20-я

Английская интеллигенция. Ее религиозная настроенность. Уважение к религии, традициям и обычаям народа в английском обществе. Его религиозно-нравственная связь с народом. Влияние ее на воспитание народа. Джентльмен.

Посмотри на Англию: там нет «отцов» и «детей», там нет пропасти между верхами общества, его лидерами и вождями и простым народом, между их верой и его верой: и тут они вожди, они воспитатели и учителя своего народа, и учат его руководиться основами общей их веры, просветленной, но не отринутой разумом, развитым тысячами поколений отцов; они учат построять жизнь, быт и государство на основах того лучшего, что завещано предками английского народа, свято хранить, свято чтить и беречь его реликвии, его обычаи, его традиции. Они молятся с ним вместе в храмах. Глава семьи или дома читает молитву и молится вместе со всем домом перед принятием пищи; в праздники говорит ему проповеди и читает старую неизменную Библию, лежащую на почетном месте, и в замках лордов и в коттеджах работников; вмеете с народом они чтят его праздники, его воскресный день, его празднества церковные и

народные. Они вместе празднуют Christmas Day, вместе режут Christmas goose и украшают жилище ветвями остролистника; пируют и пьют вместе с ним свою кружку эля. Они разделяют с ним его любовь к старинным народным увеселениям, играм, спорту; волнуются вместе, смотря на петушиный бой, на гребную гонку, на дерущихся боксеров, на состязание в крикет, голл или лаун-теннис; поют одни и те же старинные английские баллады и песни; слушают и смотрят вместе одного Шекспира и понимают его одной англо-саксонской душой. «Разве мы (англичане) не отдали бы охотно любого англичанина, целый миллион англичан за нашего стратфордского крестьянина (Шекспира)? Нет, он величайшее наше достояние, какое только мы приобрели до сих пор. От чего англичане согласились бы скорее отказаться от своих индийских владений, чем от своего Шекспира? Останутся ли у нас индийские владения, или не останутся, но мы без Шекспира жить не можем. Индийские владения во всяком случае когда-нибудь отпадут от нас, но этот Шекспир никогда не умрет, он вечно будет жить с нами. Мы не можем отдать нашего Шекспира», – под этим мнением Карлейля подпишется каждый англичанин – от лорда до поденщика. Вожди английского народа, духовные и политические, не только не стыдятся сидеть со своим народом каждое воскресенье на скамьях храма, петь по одному и тому prayerbook (молитвеннику) или псалтирю. Его верховные вожди, перед которыми раболепствуешь ты, но только не английский народ, чтущий и любящий их свободной душой, – его премьер-министры, Биконсфильд, Гладстон, А. Бальфур и др.; и не только молятся вместе, но и поучают народ церковными проповедями с кафедры или в своих частных молельнях; среди своих многочисленных обязанностей руководителей политической и экономической жизни четырехсотмиллионной мировой державы, владения которой разбросаны по всем материкам и океанам, среди обязанностей кипучей парламентской деятельности, избирательных кампаний, объездов всей страны и ораторства на предвыборных митингах и т.д. – среди этой неустанной работы не только находят время читать свою Библию, изучать ее научно и богословски, но и нравственным долгом считают сообщать своему народу результаты этих богословско-философских, догматических или богословско-практических изысканий и печатать трактаты, как гладстоновский «Незыблемая скала Священного писания»; Бальфура «Основания веры» и т.д. Ученые английской нации тоже с народом разделяют веру отцов своих. Они издают для народа, для общества, для всего мира свои религиозные проповеди к народу, свои богословские и богословско-философские или этические трактаты. Они заботятся прежде всего о его духовно-нравственном просвещении. Вспомните Ньютона и его «Толко-

вания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис»; Стокса, называемого Ньютоном современной физики, с его чтениями о Natural Religion; астронома Pricard с его «Nature and Religion» (природа и вера); физика Фарадея с его методистскими проповедями; физика, ректора Бирмингамского университета, Э. Лоджа с его «Сущность веры, и катехизис для родителей и воспитателей», его чтения о бессмертии душ; дарвиниста Ромэнса с его «Thought on Religion» (мысли о религии); Лэдда с его «философией религии» и «Doctrine of Sacred Scripture»; проф. Макса Мюллера с его «Natural Religion»; герцога Аргайля и его «философию религии»; дарвиниста Уоллэса и его «Чтения и опыты о естественной религии и этике»; Друммонда с его многочисленными религиозными сочинениями: «Естественный закон в духовном мире», «Преображенная жизнь», «Отношения между учением Апостольским и Христовым» и т.д. и т.д. – бесконечный ряд имен деятелей политики, философии, науки, социологии и пр.; имен, которыми справедливо гордится английский народ, из которых каждое сделало бы честь любому народу, как крупная звезда человеческой мысли, чувства, слова или деяния. Вся жизнь, общественность, свобода Англии построены на моральной дисциплине и моральной закалке характера, моральных навыках, воспитанных под руководством религиозной веры, претворяющейся в личное и общественное дело и поведение. Один из ее писателей и политических знаменитых ораторов, бывший и министром (небезизвестны и у нас его книги «О компромиссе», «Вольтер и энциклопедисты», «Ж.-Ж.Руссо»), Джон Морлей говорит: «Справедливо сказано, что в основании всех великих споров современного общества лежат два важных вопроса: первый – существует ли Бог; второй – бессмертна ли душа?» («О компромиссе», русск. пер., стр. 134). Так же крепко держится Англия за свои старые обычаи и бытовые формы, зная, что они символизируют прошлую историю народа; роднят ее с ней; учат ей и доблестям предков – не их, ее знающих, а массы народные; говорят чувству народа и дают ему веру в смысл его исторической жизни. И англичанин не смущается малодушно, подобно нашим перекати-поле интеллигентам, а сам деятельно участвует или почтительно смотрит, как его король со свитой и войском в средневековых костюмах шествует к Сити, ворота которого перед ним запираются, и как он просит у лорда-мэра Лондона разрешение на проезд через Сити. Члены обеих палат слушают торжественно доклад комиссии перед началом сессии, что ею тщательно осмотрены все подземелья и подвалы Вестминстерского дворца, и бочек с порохом в них не оказалось. Обычай этот неизменно соблюдается со времен Порохового заговора во времена Стюартов. Лорд-Спикер палаты торжественно в мантии и парике, занимает место на поду-

шке с шерстью, лежащей на его кресле, и перед ним кладется старинная булава. В длинных мантиях, в шапочках и париках величаво заседают судьи Англии – лучшие судьи во всем мире, и адвокаты также облечены в эти средневековые одежды и т.д. и т.д. Наряду с законами, только что принятыми обеими палатами и утвержденными королевской властью, вы услышите ссылку на закон или прецендент, имевший место при Плантагенетах или во времена завоевания Англии норманнами. Вы найдете не отмененный закон, угрожающий смертной казнью за ввоз из-за границы оловянных пуговиц. И это не мешает Англии быть мировой державой, самой свободной страной на свете, а народу ее – народом, в котором более всего крепка любовь к свободе своей и других, уважение к ней и своему человеческому достоинству. Англичанин уважает и в себе человека, христианина и джентльмена, и это чувство поддерживает чувство чести и личного достоинства. Он даже местоимение «я» (I) всегда пишет и печатает с большой буквы. А эти чувства и полученные при их посредстве, путем воспитания, дисциплины, твердость характера и убеждений, и самообладание ведут за собой свободу слова, уважение к нему и мнению других. Преданность религии, любовь к старине, предкам, традициям и народным обычаям нашей беспочвенной интеллигенции кажутся «путами» и «китайщиной». Китай, страна неподвижности и застоя, не потому таков, что он чтит и приносит жертвы своим предкам, а потому что у него нет собственно религии и философии: он имеет лишь узкорациона-листическое мировоззрение и рационалистический кодекс морали, вроде наших толстовцев; его религия служит жизни и человеку, а не человек ей. Не Высшее и Абсолютное служит критерием, а временное, человеческое. Она всецело доктрина практического рационализма. Отсюда и китаизм, служащий доказательством, что и способный, трудолюбивый, дисциплинированный народ обращается в труп, если он не исповедует Абсолютного Совершенства и Его Духа – свободного Ему подчинения и поклонения: «Не Жертвы хочу, а милости». Не жертвы предкам в ожидании пользы от них, а любви к ним, которая заставляет помнить и чтить их и символически не прекращать связь с их душами. Таков и дух Англии, почему она и есть страна свободы, морали и непоколебима в устоях общественности Нравственная связь с народом дает силу и вождям его – его интеллигенции. И во время исторических испытаний Англия вся – один человек: замолкают все домашние несогласия, оттенки мнений сглаживаются различия социальных положений. Прекрасные герцогини и пэры Англии, в жилах которых течет королевская кровь, становятся рядом с детьми народа за рабочие станки, или вместе проливают кровь свою за «старую веселую Англию» (old merry Ingland). И по-

разительная всегдашняя дисциплина, в которой воспитан весь народ, делает чудеса: в один год создает миллионные армии, обращает торговую страну в фабрику орудий и снарядов для себя и всех союзников, ради торжества идеи правды и справедливости. Английский интеллигент – судья, чиновник, клерк, писатель, торговец – не позволит, нет! не может себе позволить нарушения закона или принятых на себя обязательств. Ибо и он прежде всего уважает себя, он – джентльмен. Писатель не отдаст в печать книгу, не обработав ее в меру личных своих сил, до возможного для него совершенства: он уважает себя, публику, печатное слово. Книгоиздатель не выпустит ее в неряшливом виде, в каком выходят русские книги, напечатанные дурным шрифтом, неопрятные и неизящные на вид, плохо сброшюрованные, на плохой бумаге, полные опечаток: он уважает себя и не позволит, как и всякий английский торговец, обманывать, а следовательно и обкрадывать публику, продавая плохой товар. Английский ремесленник, рабочий, поденщик не станет на том же основании, руководимый религиозно-нравственным воспитанием, нечестно относиться к работе, хотя бы «хозяйской», потому что он джентльмен и не может себе позволить того, что есть unchristian, – не по-божески! Если английская публика видит в общественном месте несправедливость, обиду или нарушение закона или обязательного постановления, – все равно – она не пройдет равнодушно мимо, вся обрушится на нарушителя закона, или обидчика, или не соблюдающего нравственных приличий. Никакой сан, ранг, никакая прежняя популярность не спасет их от ее негодования и расплаты с ними! Вспомните историю с Парнелем, многообещавшим министром Дильком, стоявшими на верху популярности, когда они нарушили даже в семейном быту своем законы религии и нравственности. Вспомните поучительный пример с нашим соотечественником М. Горьким в Америке за то, что он дал только неверные показания относительно своей спутницы, и вспомните, что воздействие общественного мнения не ограничилось одними словами. Англичане не допускают и не понимают деления нравственности на личную, семейную и общественную. Кто в малом неверен, как будет верен в большом? Для них неприемлема мысль, что плохой и развратный семьянин может быть честным общественным деятелем, ибо по их христианскому воззрению семья есть основа всякой нравственности, и частной и общечеловеческой; ибо семья есть основная ячейка общества и государства, воспитательница характера и нравственных устоев и пример для растущих, будущих граждан.

БЕСЕДА 21-я

Родные картинки: наша интеллигенция, наше общество, его верхи, его вожди – общественные и духовные. Г.г. профессора и г.г. студенты. Вопрос о нервном переутомлении. «Après nous – le déluge!». Лучшее средство против современной неврастении.

Теперь посмотрим родные картинки, в малом и большом. Знаете ли вы, на что расчитывали главным образом германские стратеги, надеясь быстрым разгромом прогнать Россию в Азию, сделать нас и всех славян, чающих спасения и опоры только от могучей России, своими вассалами и послушными рабами, политическими, культурными, финансовыми? Наш известный ученый славяновед, академик, проф. Ламанский еще в 1892 году писал в своей замечательной, правдивой и дышащей любовью к России и скорбью за ее недужества, книге «Три мира азийско-европейского материка» (вышла 2-м изданием в 1916 г.): «Главный расчет германских военных стратегов в будущей предполагаемой войне с Россией оонован именно на неряшливости и неисправности как железнодорожных, так и прочих наших органов управления. Те же грехи отличают, по большей части, нашу печать, литературу, науку» и все наше общество от его верхов до простого рабочего. Апатия, лень, халатное отношение к принятым на себя обязательствам, частным или общественным, к своему труду, к предмету труда, к закону, времени, к нарушителям закона, справедливости, нравственности. Раз только эти нарушения не затрагивают личного интереса, никто не подумает вмешаться, никто даже не осудит, прямо, громко и честно, и не назовет настоящим именем того, что вокруг делается. Пройдитесь по парку Белинского: вы каждые четверть часа встретите негодяев, которые летят на велосипедах по парку. Всякий знает, что это запрещено, всякий понимает разумность этого запрещения. И никто, никто не возмутится, не остановит, не попросит нарушителя «для своих прогулок избрать подальше закоулок!» Разве только тот, у кого сшибут с ног ребенка или испугают до смерти. А кто нарушители? Взрослые гимназисты, студенты, чиновники, блюстители и охранители всяческих законов – настоящие и будущие! Постовой городовой тут же равнодушно посматривает или предпочитает растянуться на лавочке и мирно почивать, подобно российской публике. Пойдите в присутственные конторы или места: целый хвост публики дожидается у окошечка кассы или в приемных, посматривая на часы и потихоньку ропща, что прошло уже четверть часа, полчаса после узаконеннаго срока, а вершителей судеб ее нет и нет. И слышно, как ругают чиновников и бюрократию и обвиняют ее во всяческих неуспехах России. Пойдите, од-

нако, в заседания городских или земских излюбленных людей– его голосов – г.г. гласных. Проходит час, два, больше, иногда и целый день, назначенный для открытия Собрания, «отцов отечества» не набирается столько, сколько следует по закону, кворума нет; более совестливые гласные, наказанные потерей нескольких часов рабочего времени, расходятся или разъезжаются за десятки и сотни верст в свои места, не дождавшись вовсе открытия собрания, от решений которого зависели финансовые, имущественные, правовые и другие интересы стольких горожан, жителей уезда или губернии! Сколько потрачено времени, денег, испорчено крови! А там через некоторое время ожидай призыва в новое собрание думы или земских гласных с возможностью такого же результата. Или заседание состоялось, прошло два или три часа в горячих дебатах – глядь! Кворума нет. Собрание закрывается с результатом усталости, потери времени и перспективой новых экстренных заседаний! Пойдите в учреждения, где работают «чистые» интеллигенты – в больницы, в библиотеки, в судебные места, в Государственную Думу, в департаменты и т.д. и т.д. – врачи, заведующие, члены, директора и пр., являются на один–два часа позже временн, назначенного или установленного правилами или законом. И вы услышите: «Бесполезно ходить раньше – все равно не соберутся!». Следовательно: «А я все-таки прав; виноваты другие, обстоятельства» и пр. и пр. И сколько зависимых низших работников, сколько просителей, зрителей, тяжущихся, слушателей терпят в напрасном ожидании, теряя свое рабочее время! Как двигаются дела! Сколько народного труда пропадает даром! Возьмем цвет нашей образованности – наших духовных вождей, и учителей и нашу надежду – будущность России – возьмем г.г. профессоров и студентов. Сто восемьдесят праздничных дней в году **по положению**! Нет! Все-таки переутомляются…

Студенты съезжаются, а г.г. профессора начинают свои лекции вместо половины августа в половине сентября, да и то вяло, с перерывами, ибо слушатели не собираются. Кое-как, в конце сентября машина начинает действовать! Правда, на первую лекцию народу является маловато: еще бы, попасть к 9-ти часам! Это только г.г. французы да немцы начинают лекции в 8-мь, а нередко в 7-мь и даже в 6-ть часов утра. Наши «барчуки» – ибо впоследствии народ их будет называть «барин» – к такому стеснению своей дорогой свободы не привыкли, да и примера такого в матушке-России нет и не было! Каждый г. профессор почти зауряд начинает лекции на четверть часа, а то и полчаса позже, вольно или невольно, ибо приход опоздавших слушателей мешает слушать и прерывает лектора. Поучились до конца ноября; опять устали. Разъезжаются иногда уже и в половине ноября. Толпами фланируют по Московской ули-

це, или читают в отделе г. Феоктистова душеспасительную литературу. Профессора прекращают чтение лекций в первых числах декабря: «Что поделаешь? Не читать же в пустой аудитории да, признаться, и за границу съездить хочется – в библиотеке Парижской, Лондонской или Берлинской посмотреть только что найденный папирус в саркофаге Рамзеса XXX-го или черепки из Моссула с клиновидными письменами эпохи царя Бэлы XI-го». После рождественских каникул дай Бог начать чтение и слушание лекций 15-го – 20-го января. До второй половины марта, с их перерывом дней на семь по случаю «религиозно» чтимой русской Масленицы (О! В этом отношении мы свято чтим обычаи и праздники русского народа!), лекции идут. Но уже время подумывать об экзаменах, зачетах, программах... На дворе весна... В университетском центре – вонь, грязь, эпидемии... Родные беспокоятся по случаю развития эпидемий тифов, дифтерии, скарлатины... Пасха ранняя: все равно лекции на шестой в половине недели кончаются... И вот с половины марта на Московской появляются перелетные ласточки, с синими и иными околышами, с золотыми пуговицами, с умопомрачительной красоты наплечниками, в гусарских рейтузах и куртках того еще короче... С каждым днем прилетные гости умножаются... Профессор читает двум – трем праведникам и в пятницу на шестой умолкает... Ну, а после Пасхи… Помилуйте, какие же там лекции?!.. Господа профессоры вздыхают, жалуются... И никаких мер, от них зависящих, не принимают. «Помилуйте: разве это школьники или гимназисты! Не приказывать же насильно учиться?!..». И семьи, зачастую урывающие у себя последние крохи для «воспитания и образования» детей, и общество радушно принимают дорогих приезжих, кормят их сдобными куличами и пасхами и... ни одного слова осуждения, ни одного напоминания о долге перед собой, перед Родиной, перед народом русским. А ведь образование каждого г. студента обходится этому народу в несколько тысяч, а в иных заведениях – свыше десяти тысяч рублей кровных народных денежек! И в совещании при Министерстве народного просвещения раздаются голоса в защиту невозможности, даже вреде от сокращения продолжительности университетских курсов с четырех на три, и с пяти на четыре года! И голоса принадлежат цвету г.г. профессоров. И в Государственной Думе не слышно запроса: «Известно ли г. Министру Народного Просвещения, что… и т.д.». Если Вы, юный читатель, если Вы можете еще говорить по совести, то скажите: не злоупотребление ли это? Не растрата ли, не хищение ли народного труда и невозвратного времени? Почему же так горячо громите Вы за это г.г. бюрократов, кулаков, мародеров тыла?!... Две меры, двое весов. Забыты слова: «Какою мерою меряете, так и вам отмерено будет». Забыто и еще бо-

лее важное: вы вожди народа в будущем; вы – будущие военачальники, «градоначальники», правители, просветители; вы – соль земли; народ, ваши подчиненные, будут идти по вашим стопам; вы – пример для вольного и невольного подражания для малых сих и вы творите соблазн и сеете ложь и семена лжи среди вашего народа. А лучше «тому, кто соблазнит единого из малых сих, да обесится жернов мельничный»... Тщетно величайшие авторитеты невропатологии, как Charcot, проф. В.К.Рот и другие, будут доказывать, что переутомления детского мозга не существует и вообще, по существу детского мозга быть не может (*Литературу и сущность вопроса смотрите в диссертации из психологической лаборатории проф. В.М.Бехтерева: д-р Телятник «О психическом утомлении учащихся», 1897г.**), что недостатки и зло, калечащие детей современной школы, лежат в другом; «интеллигентное» общество будет вопиять об облегчении детей своих, переутомленных школою, и наградит дружными аплодисментами того, кто отзывчиво «пойдет навстречу» его требованиям... Что за беда, если трудоспособность питомца облегченной школы, и без того так низко стоящая по сравнению с трудоспособностью наших западных конкурентов и врагов, все понижается? Что русский человек и без того работает и способен к устойчивому, равномерному труду в несколько раз менее, чем интеллигент с Запада, – все равно «aprѐs nous – le déluge!» (после нас хоть потоп). Забыта история, забыто, какой гнев Божий и гнев народа последовал за этим откровенно-циничным признанием верхов и... Тщетны и голоса, обращенные к великовозрастным лентям, прибегающим за помощью и свидетельством для получения отпусков к врачам-невролотологам, говорящие вместе с покойным незабвенным, европейским авторитетом по невропатологии, Владимиром Карловичем Ротом: «Пусть неврастеники знают, что хороший умственный багаж, привычка к работе, чистая совесть и любовь к ближнему представляют собою такую динамогенезирующую силу, которая может расшевелить самую неподвижную нервную клетку». – Тщетно! Мы всю Россию обратим в серых людей, воспоем, оправдаем вместе с чеховскими героями...

БЕСЕДА 22-я

Наши оправдания и самооправдания. «Свободная Женщина». Ресса fortiter! Эзоповский язык. Обходитесь со словом честно! Последствия несоблюдения этого завета. Связи в мире нравственном. Братья Карамазовы. Все за всех ответственны.

Мы только и делаем, что оправдываем, извиняем, опрэвдываем себя, ссылаемся на... нечто и некто, вне нас или свыше находящихся. Мы, не смущаясь, позволяем коснуться поруганием самых дорогих святынь и устоев общества: семьи, матери, женщины… Мы читаем не без удовольствия и даем читать подросточкам – будущим матерям «художественные произведения» с соблазительно-красивым описанием героинь, меняющих мужчин скорее, чем свои перчатки. Мы равнодушно смотрим,как читают эти произведения наши сыновья и подросточки – будущие матери – и поучаются... Встречая в жизни нечто подобное этим героиням, мы не только не произносим надлежащего названия для этих распущенных сладострастных самок, – нет! мы называем их и в жизни, как в романах, «героинями»! Мы, в ослеплении от их блестящего ума; разносторонних талантов, их изящества, их полуприкрытых роскошью туалета, мы даем им титул «Свободная Женщина»; им воскуряем фимиам и покупаем, если только возможно, их за десятки и сотни тысяч, миллионы (правда, чаще не свои…). И другие, менее бесстыдные и нахальные, или более робкие и нерешительные матери – женщины, в тайне сердца своего, завидуя этим развратным животным, оправдывают их. Чем же? Развратностью мужчины! Создают равноправие низости. И дочери народа, крестьянские женщины, наша прислуга, наши работницы, смотрят, поучаются и следуют, как это бывает во всем мире, примеру высших и богатых слоев. Современные крестьянские женщины, для которых лет 25-ть – 30-ть тому назад еще слово «закон» было свято, и свято блюлась чистота «закона». Или, в случае его нарушения, кончалась всенародным покаянием,–теперь не хуже любой героини из образованных и героинь романов меняют «закон», а то и сразу без всякого закона имеют по два–три его суррогатов, что, впрочем, полагается и современным героиням романов и образованного общества… Ибо: Le peuple est ce que nous le faisons etre: ses vices sont nos vices contemplés, enviès, imites, et, sils retombent de tout leur poids sur nous, cela est juste» (Jule Lagneau). Это значит: «Народ это то, чем мы его делаем: его пороки – это наши пороки, которые он созерцает, которым завидует и подражает; и, если они вновь со всею их силою обрушиваются на нас – это вполне справедливо». Нет! Мы даже не можем быть настолько честными, чтобы признать вместе с Ланьо, что это – juste, т.е совершенно справедливо. Мы так малодушны и лживы перед собой, что не следуем даже приглашению Лютера: pecca fortiter! (согрешай, не увиливая). И нет голоса, всенародно слышимого – нет Достоевских, нет Хомяковых, нет В.Соловьевых, чтобы обличить эту «царующую ложь и неправду». Нет Лермонтовых, чтобы «бросить им в лицо железный стих, облитый горечью и злостью».

Нет пророков светских; осиротел народ. Молчит и Церковь… Разве только в келье скорбит она сокрушенно, что отвратил Господь лицо Свое от народа Своего и посетил народ гнев Его и ослепил очи его. И молится о ниспослании покаяния всенародного, о пробуждении усыпленной совести народа, о даровании ему сил для подвига духовного перерождения и возрождения...

Прискорбнее всего то, что молчит правдивое слово. Рабство печати и мысли наложило на нашу интеллигенцию клеймо, которое до сих пор не может стереться. Выработался даже особый способ выражаться экивоками, прозванный, кажется, Щедриным «эзоповским языком». Но «со словом надо обращаться честно», ибо нечестное обращение со словом отражается и на способе мышления и, пожалуй, глубже – на честности мышления и чувствования не только людей, которые не имеют нравственного мужества правдиво и честно относиться к слову. но, главным образом, молодежи, незаметно усваивающей от взрослых и «учителей» эту неряшливость в обращении с высшим Божьим даром – Логосом. Угасание потребности и чуткости к правдивости слова влечет за собой постепенное угасание внутренней потребности следить и за правдивостью внутренней, строго карать в себе и следить за чистотой своей собственной духовной жизни, помыслов, желаний – этих источников наших поступков и поведения. Если вы снисходительно называете подлость слабостью; внутреннюю дряблость и отсутствие идеальных стремлений в человеке – влиянием среды и обстоятельств; равнодушие к неправде, творящейся вокруг, беззаконию и злу, происходящим у вас на глазах, – житейским благоразумием; пассивное подчинение своим низшим инстинктам и влечениям не низостью и невоспитанностью, а широкой русской натурой; половую распущенность и разврат – отрицательным отношением к буржуазной морали; эгоизм – самоутверждением личности, развратную, пустую женщину – свободной женщиной и т.д.; вы постепенно понижаете и свою собственную нравственную личность, отвыкаете от мужественного называния вещей их собственными именами. А это первые шаги на пути к их искоренению. Несознанное укрепляется в подсознательной сфере; обращается в привычку; выражается мыслью, словом, действием и таким образом влечет за собой, как я говорил выше, повторения предопределяет собою ваше будущее – ваши последующие поступки. Отсутствие импульсов к сопротивлению, пассивная покорность факту, силе, логике жизни,; насильникам – есть результат постепенного угасания этих импульсов, вследствие того, что вы отучиваете себя постоянно, в каждом деле и слове вашем, применять критерии совести, оценивать все с точки зрения должного и недолжного. С течением времени слабеет и голос совести; или он и совсем атрофируется, замирает

до какой-нибудь страшной катастрофы в вашей жизни. Мужество высказывать правду – долг каждого гражданина в надлежащих случаях сказать свое: «Не могу молчать», долг христианина не вводить молчанием в соблазн малых сих, принимающих ваше молчание за согласие или одобрение – падают в вас еще раньше, и можно исторически проследить процесс их атрофирования в нашей среде, обществе, литературе даже за последние какие-нибудь пятьдесят-шестьдесят лет.

В мире нравственном так же всё связано между собой неразрывными нитями и законами причинности, как и в том, что мы зовем физическим или естетственным миром. Мало того, ни одно нравственное проявление отдельной личности не остается только в нем самом, ведя за собой неизбежные для личности результаты – добрые или злые. Нет! Все отражается на всем, на целом, на обществе. Как волны, вызванные брошенным в воду камнем, расходятся дальше и дальше, до крайних пределов, так и ваше индивидуальное дело или поступок отражается на всех вас окружающих, на том круге общества, где вы вращались, на всем общесгве, на всех людях. «Нет ни одного такого несправедливого и злого дела, за которое мог бы нести наказание только один человек: вы не можете себя изолировать и сказать, что та ненависть, которая в вас, не распространится. Жизни людей так всецело сливаются между собой одна с другой, как воздух, которым они дышат: зло распространяется с такою же необходимостью, как и заразная болезнь» (Джордж Эллиот). Наша интеллигенция совершенно отвыкла изучать и думать об этих законах моральной необходимости. Только потрясающие факты или события жизни, личной или исторической, какова, например, настоящая война, заставляют нашу поверхностную интеллигенцию встряхнуться и задуматься над этими вопросами. Иван и Дмитрий Карамазовы только после совершения Смердяковым убийства их отца начинают понимать свое соучастие в кровавом деле и свою ответственность за него: первый сознает, что он виновник безнравственного воспитания Смердякова в известном направлении мыслей; что он заронил и укрепил в нем мысль о том, что «все позволено», что нет в сущности никакой ответственности, кроме внешней перед уголовным законом, ибо человек тоже животное и бессмертия души не существует; что даже полезно освободить общество от низкого, бесполезного или вредного человека. Дмитрий сознает, что он тоже виновен в убийстве, потому что ненавидел отца всеми силами души своего необузданного темперамента, что презирал его низость, напоказ оскорблял его, думал о его смерти, желал ее, даже в минуту вспышки ревности к Грушеньке хотел убить его, – смотрел на него, как на средство, а не самодовлеющую высшую ценность – личность человека. Он нарушил закон любви и заповедь Бога. Как влияет известное убеждение, от-

рицающее моральную закономерность, отрицающее бессмертие души, а следовательно и ответственность, с неизмеримой глубиной и силой показывает нам Достоевский в своем маленьком рассказе: «Сон смешного человека». Влияние моральных идей и убеждений на все исторические судьбы человечества показано Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе» с глубиной и прозрением, которые ставят это произведение на высоту, еще никем и нигде во всемирной литературе не достигнутую. К сожалению, вот эта-то обязанность и это свойство всякого истинного художника показывать эти незримые нити, эту связь вещей и явлений в мире, эту внутреннюю целостность мира и его сущность – эти качества истинного художника совершенно не встречаются в современной литературе, а критика даже и забыла о существовании этого наивысшего критерия для оценки художественных созданий целостности интуитивного восприятия художником мира и адекватного отражения этого восприятия в своем творении. И в этом дурное влияние и зло для общества современной «художественной» беллетристики.

БЕСЕДА 23-я

Фабричный штамп на всех. Истинный демократизм. Укрепление трезвости. Факты отрицательные и положительные. Pia fraus.

Эго заглушение голоса совести и искажение его органа свободного слова – влекут за собой и ту поверхностность отношения ко всему миру; придают как личным, так и общественным господствующим идеалам характер трафаретности, фабричного производства: у всех, всюду и везде одно и то же, модные, избитые, пошлые идейки, лишенные отпечатка личного продуманного и крепкого убеждения, личного творчества, проводящего каждую мысль и убеждение через горнило сомнений, через испытание совестью – через мысль, сердце и разум практический. Поверхностные и стадные идейки эти общедоступны, по вкусу толпе, ибо ей недоступны глубокие мысли, истинные создания искусства: она покупает только фабричные изделия, штампованные на одном станке. И дешево, и *у всех так*, следовательно, и мне нужно так. Постепенно внедряется даже боязнь всего оригинального, своего. Боязнь показаться отсталым, мало либеральным, *не демократом*. Казаться, а не быть, – теперь истинный всеобщий лозунг. Истинный дух демократизма не в этом, а в истинной свободе духа, освобождении себя от всякой рутины, пошлости, буржуазного преклонения перед всяческой догмой, перед сотворенными

людьми кумирами и идолами. «Истинный демократизм не только не соединяется с культом посредственности, среднего или даже низшего уровня духовного развития (это уже вырождение демократии в сторону демагогии и охлократии), но, напротив, внутренно связан с почитанием героев в Карлейлевском смысле. Торжество истинной демократии устраняет все фальшивые ценности, суррогаты героизма, какими является аристократическое происхождение, имущественный ценз и т.п. Оно делает возможным оценку человека во имя его внутренних достоинств, как человека, а не как представителя того или иного общественного класса, притязающаго на почитание в силу внешнего факта принадлежности к нему. Культ героев, аристократизм духа, основанный на свободном признании и уважении к героическому служению, требует для полного своего осуществления именно господства демократизма. Демократия не должна противоречить иерархизму» (С. Булгаков: «Два Града», т.1, 132 стр.). Истинный демократизм не в равенстве всех, что по природе невозможно, а в добровольном единстве всех, основанном на единении, любви, а не на принуждении действием внешней силы, численности большинства. Истинный демократизм в признании божественной самоценности каждого человека, кто бы он ни был и какой бы ступени общественной он не стоял. Рабство большинству хуже и пагубнее для мысли и развития человечества, чем иго какого угодно деспота. С нравственным мужеством англичанина, отсутствующим у нас, радикальнейший мыслитель, не раз упомянутый ученый Гексли говорит: «Спасительно для нас не забывать, что первое занесенное в летописи истории судебное убийство научного мыслителя (Сократа), было затеяно и осуществлено не деспотом, не жрецами, а совершено красноречивыми демагогами». У нас, напротив, не только интеллигенция не говорит народу, «малым сим», слова осуждения, когда они того заслуживают; нет! Своим молчанием или оправданиями всех их действий, противоречащих самому девизу «свободы», положенному в основу их стремлений, ее к тому поощряет. Вспомните, какие деяния в эпоху нашей революции прикрывались и брались под защиту «святых знамен». Или малодушное молчание некоторых партий, когда во всеуслышание следовало сказать крайним партиям того или иного толка: «It is unchristian!», и судить их судом общественным, судом высшей Правды! У нас же, напротив, сплошь и рядом, хорошее и необходимое само по себе дело стараются связать, оправдать и требовать его осуществления во имя чего-нибудь другого, в известное или иным причинам получившего популярность и одобрение общества или всеобщее признание. И вот с другим связывается первое, хотя между ними нет никакой причинной связи, или другое только в малой мере может помочь пер-

вому, или его обосновать.. Хорошим примером этому может послужить то, что теперь всюду и везде говорится, пишется и печатается по поводу «укрепления трезвости в народе». До 1905 года различные общества и съезды выносили резолюции, требования для борьбы с алкоголизмом уничтожения винной монополии, связывая распространение пьянства в народе со спаиванием его казною в целях фиска, ибо доход от казенной монополии прикрывал почти половину государственного бюджета. Другие шли дальше: требовали изменения всего государственного политического строя для водворения народной трезвости. Ибо таков был тогда всеобщий лозунг времени, и все связывалось, требовалось, оправдывалось и основывалось на этом. Что поделаешь! Недавно читали же мы, как один из избранников народных требовал немедленного введения земских учреждений на Кавказе, между прочим видя в них лекарство от царящей в тылу роскоши и безумного расточительства! На Киевском съезде отечественных психиатров и невропатологов при обсуждении проектов подобных резолюций я должен был сказать – увы! очень и очень общеизвестные истины в ответ на подобные чаяния. Вот резюме того, что пришлось мне высказать: «Никто здесь не привел данных, чтобы запрещение отпуска алкоголя не повлекло за собой распространения употребления других наркотиков: опия, гашиша, эфира и т.п. Никто не доказал здесь цифрами, что страны, довольно высоко стоящие как в отношении политического развития, так относительно просвещения и культуры, меньше страдали бы от этого бича человечества; что, например, в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии и т.д., алкоголизм давал бы меньшие цифры алкоголиков, меньше психозов на почве алкоголизма, им причиняемых или им осложненных. С другой стороны – партизаны этого мнения не проанализировали перед ними, почему среди самых вопиющих по ненормальности политических условий, в невежественной и темной, деспотической и бесправной России, встречаются общественные группы, среди которых алкоголизма абсолютно не существует: я разумею сектантов. Говорят, что терапия должна покоиться на знании этиологии (учение о причинах болезней); а что же де нам лучше известно, чем причина алкоголизма – алкоголь. Смешивается причина с явлением симптоматическим, влекущим уже за собой ряд других явлений» (Труды 2-го съезда отечественных психиатров и невропатологов в Киеве в 1905 г., стр. 338).

БЕСЕДА 23-я

Продолжение.

Политический строй абсолютизма отменен. Казенная продажа питей уничтожена. Продажа, распитие водки и вина запрещены и караются. И тем не менее, слова мои, произнесенные более десяти лет тому назад, оправдываются фактами: народ стремится опьянять себя чем попало: денатуратом, политурой, лаками, квасками, бражками, одеколонами и пр. и пр. Теперь под влиянием нового модного лозунга раздаются новые требования необходимо сейчас же, немедленно покрыть Россию, для противодействия этому стремлению народа к опьянению, народными домами, школами, библиотеками-читальнями, музеями, читать повсюду лекции, устраивать народные спектакли и развлечения, кинематографические представления и т.д. и т.п. Все это нужно – ох как нужно! Но почему же вы не требуете этого во имя этих самых нужных самих по себе, полезных и прекрасных вещей? Разве они не нужны уже по тому одному, что вы сами, интеллигенты, их имеете: следовательно, и народ имеет право, по своему человеческому достоинству, также иметь то, что вы считаете безусловно необходимым для **достойного** человеческого существования? Зачем же вам это прикрытие, эта подпора требованию справедливому и не нуждающемуся в оправданиях и доказательствах? А ведь теперь нельзя развернуть газеты, чтобы не прочесть статей, корреспонденций, прений в общественных собраниях и т.д. без того, чтобы не прочитать бесконечных однообразных рассуждений и ламентаций на эту тему. Забывается, правда, маленькое обстоятельство, что для покрытия матушки России – равномерной и планомерной сетью этих культурно-просветительных учреждений, снабжения их всем необходимым, вознаграждения подготовленных и к сему приставленных деятелей, на обновление инвентаря, на поддержание всех этих учреждений и т.д. требуются даже не сотни миллионов, а миллиарды народных денег. Следовательно, это Маниловские разговоры, дающие, однако, право сложить ручки и плакаться: вот де что нужно для укрепления трезвости, но нам не дают средств и нам мешают!.. А посему, пей, народ русский, пей, пока мы сыщем эти миллиарды, упразднив, например, ну, хоть милитаризм и военные бюджеты!.. Но оставим эту экономическую сторону дела: мы ведь большей частью такие же экономисты, как Манилов с его проектами. Уверены ли вы, есть ли у вас сколько-нибудь веские доказательства, что осуществление этих мероприятий будет действительно радикальным средством для укрепления народной трезвости? Что в них есть по существу то, что может заглушить, подавить, искоренить это стремление народа к опьяняющим на-

питкам? Разве вы, интеллигенция и верхи народные, у которых имеются и лекции, и библиотеки с отделами г.г. Феоктистовых и театры, и клубы, и кинематографы, и музеи, и пр., и пр., разве вы не потребляете алкоголя гораздо более душевого потребления его народом? Разве даже теперь, в такой исторический момент, вы оставили пьянство? Разве в странах, покрытых этими учреждениями, как Соединенные Штаты Америки или Бельгия, алкоголизм меньше, а не больше, чем у нас? С другой стороны – разве вы не видели, не слышали, не читали, например, о рядом расположенных селах – русском и мусульманском: в первом пьют, во втором – нет. Или о раскольничьих, сектантских поселениях рядом с обычными русскими? Сектантов и раскольников преследовали, угнетали, облагали усиленными законными и незаконными поборами, лишали некоторых прав гражданских противу исповедующих государственную религию. И что же? У нас бедность, грязь, пьянство, разврат, хулиганство. А тут у них ничего подобного. Разве вы забыли из истории, какая трезвость, тишина и благолепие, например, в лагерях воинов Густава Адольфа, гугенотов, Оливера Кромвеля по сравнению с пьянством, необузданным разгулом, картежной игрой, развратом в лагерях их противников? Неужели вы не знаете, что евреи, конечно не отщепенцы – еврейские интеллигенты, а верные вере отцов своих, не страдают вовсе алкоголизмом, точно также как мусульмане, хранящие свою веру? Разве евреи меньше угнетены, стеснены в своих начинаниях и стремлениях, чем интеллигенты и массы народа? Почему же хранят они среди вековых гонений и преследований народный лик свой и свою трезвую общественность, крепкую, неразрушимую, сильную до такой степени, что борьба с нею никакой другой общественности даже не под силу? Не могу здесь не остановиться на отвратительном для всякого мыслящего и чувствующего человека мнении Карла Маркса о сущности своего родного народа – еврейства, интеллигентная молодежь которого так увлекалась учением Маркса – и так усердно его пропагандировала. Вот слова Маркса о сущности еврейского народа: «Каково мирское основание еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ евреев? Барышничество. Каков его светский бог? Деньги. Итак, эмансипация от барышничества и денег, стало быть, от практического реального еврейства, была бы самоэмансипацией нашего времени. Организация общества, которая уничтожила бы предпосылки барышничества, сделала бы невозможным и еврейство. Его религиозное сознание рассеялось бы как редкий туман в действительном жизненном воздухе общества. Эмансипация еврейства в таком значении есть эмансипация человечества от еврейства.

Какова сама по себе основа еврейской религии? Практическая по-

требность, эгоизм... Деньги есть ревнивый бог Израиля, рядом с которым не может существовать никакой другой бог... Бог евреев обмирщился, он сделался мирским. Вексель есть действительный Бог еврея. Его Бог есть иллюзорный вексель. То, что абстрактно лежит в еврейской религии, презрение к теории, искусству, истории, человеку как самоцели, это есть действительно сознательная точка зрения, добродетель денежного человека... Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека» (Карл Маркс, «К еврейскому вопросу»). Можно упрекать еврейство в практическом материализме как недостатке, подлежащем сознанию еврейства и стремлению к его искоренению. Но видеть сущность еврейской религии и еврейского духа в материализме может только Хам, поднявший руку на отца своего, может только однобокий, сухой и бессердечный рационализирующий ум материалиста-теоретика, каким был К.Маркс. Мне неизвестно, по крайней мере, ни одного еврейского мыслителя, за исключением тех, разумеется, которые презирают и враждуют со всякой религией, как Карл Маркс, который бы был теоретическим философом материализма... С большим правом можно было бы обвинять еврейство в узком исключительном национальном эгоизме, против которого евреи так вооружаются, видя его в других нациях, сознавая, следовательно, его теоретическую незаконность. Вы, вероятно, читали, какой целительный эффект на алкоголистов оказывало, например, присоединение их к обществу братцев-трезвенников в Москве, о чудесах, совершенных пропагандой общества Христианского лечения, армией Спасения Бутса и т.п.? *(ср. в книге д-ра Worcester: «Religion and Medicine», и В.Джемса, «Многообразие религиозного опыта» и др. *).*

Люди, не могшие не пить, дошедшие до крайнего алкоголистического вырождения и общественного падения на самое дно, становились вновь людьми полезными, честными работниками, хорошими семьянинами. Что же произвело этот чудотворный переворот? Нечто не внешнее, невесомое, отрицаемое интеллигенцией, забывшей или еще не потрудившейся узнать, что и современная наука эти невидимые невесомые силы находят иногда самыми могучими. Зачем же эта pia fraus, этот благонамеренный обман? Разве он не усыпляет совесть каждого порознь и всех вместе – совесть общества? Здесь также в основе заблуждения лежит не ошибка ума, а поклонение внешнему, преклонение перед материальным и забвение того, что лежит в основе всех явлений мира, того, что дает ему движение, силу и смысл, что полагает и дает ему все законы. Так однобокое, нецельное знание, разделенный дух ведет за собой и однобокие заключения, однобокую, нецельную философию, создающую такое же мировоззрение и его естественные, неизбежные следствия.

БЕСЕДА 24-я

Что несем мы народу? Каков будет результат? Заключение.

И такое свое однобокое знание «образованный» человек стремится нести народу. В нем видит спасение народа от тьмы невежества и его пороков. Результаты получаются. Но мера их еще не исполнилась. Не пришли еще времена и сроки полного распространения в народе и торжества этой внешней интеллигентской веры. Но отрицательное электричество уже копится в массе народной. Кто может себе представить тот катастрофический момент, когда между скопившимся отрицательным электричеством и положигельными творческими силами народного духа – произойдет соединение? Какая всесокрушающая искра пронесется от полюса и до полюса существующего мира!..

Но уже часть народа, близкая к нам, просвещенная нами, присматривается к жизни «господ», кое-что усваивает. И странен ей кажется барин, бранящий ее за отношение к работе, которую барин у него покупает. Барин, учивший его, что в мире царит закон спроса и предложения, закон противоположности, классовых интересов, закон утилитарной морали и «рыбы, ищущей где поглубже». Подросток-дворник знакомого мне дома, высказал из глубины сердца постигнутую истину: «Вишь ты, по нонешним временам, да чтобы я за десять рублей стал тебе работать все, что полагается!».

Усвоил народ, глядя на барчуков, учащихся из-за дипломов, и пользу учения: мечта каждого родителя вывести своих детей «в люди», которые, получив диплом, садятся ему на шею и 187 дней и больше в году празднуют, когда от него, народа, требуют работы. Перенял с господ и пример непочитания религии и святого – «заповедного», и начинает подражать им и возмущается, что запрещают ему кушать убоину, которую он сам вырастил и упитал. Он научился уже и политикоэкономическому правилу, что рост цивилизации есть рост потребностей, и видя, как господа развивают себя, и умножают по «науке» потребности, смеется над проповедями о необходимости для разумного существа ограничивать свои потребности ради высшего, ради высших интересов. Видя разврат городов, он несет разврат в деревню. Окруженный разгулом потребности к роскоши, нарядам, украшениям, увеселениям и развлечениям, он покупает «лаковые ботинки», шляпку с перьями, модную материю, пинджак последнего фасона, граммофон... «Чем мы хуже?!... Тебе можно, и я хочу, в своем праве...». Он слышал уже, и что нет Правды, нет Закона для всех; есть только реальное соотношение сил... И горе сеявшим ветер! Ибо сила

он – и числом, и верой своей в нее, а верить и действовать согласно своей силе он по свежести нетронутости своей натуры умеет не по-барски; болтать и попусту разговаривать по-ученому не станет... Он наслышался уже, что «нет Бога», а если его нет, то всё дозволено. И тяжко, невыносимо тяжко сиротство его души, взыскующей Града и Правды его. Чем усыпить эту тоску, в чем забыться, чем подтвердить, чем накрепко окончательно убедить себя, что действительно он все может. Может, делает, но тоска та же. Забвенья нет, и нет удовлетворения. По мере удовлетворения все новых и новых потребностей, по психологическому закону, требуются все новые, большие и острейшие возбуждения, чтобы душа получила какое-нибудь впечатление и избавилась от невыносимой скуки и пустоты. Страшно и ему остаться наедине с опустевшей душой. Хлеба и зрелищ! Зрелищ и хлеба! Алкоголя, дурмана, опьянения, сладострастия, забвения в неумолкающем шуме разгула, непрерывной сутолки, чтобы ни на миг, ни на секунду не остаться с собой, перед этой бездонной пропастью грозящей вечности, с мыслью о вонючем трупе и копошащихся на нем червях, ждущих его для своего пира – его, «свободного» человека, его красавицу, его милых детей!

Мы, конечно, не исчерпали весь материал, представляемый литературными произведениями г.Феоктистова и служивший нам отправным пунктом для наших бесед с тобой, читатель. Но есть и другие материалы, пригодные для этой же цели. Разговор с г.Феоктистовым должен кончиться: он имел целью помочь выявиться физиономии общественного деятеля. Она выявилась вполне достаточно и определенно: Sapient sat! В будущих беседах наших, если, конечно, Произволение Божеское избавит г.Феоктистова от труда присутствовать в близком будущем на моих похоронах и почтительно снимать шляпу, разные другие явления литературы и жизни послужат нам в качестве исходных пунктов. Но будем стараться подходить к ним не с готовыми модными словами, ходячими фразами, меркой, изготовленной штамповальным способом с аршином общераспространенных взглядов и «общепризнанных» теорий – особенно квазинаучных. Будем, и по крайней мере, стараться подходить к ним с анализом собственного испытующего ума. И не только ума и рассудка, а с критериями, основанными на данных всех сторон нашей духовной природы, – критериями разума и целостного знания и философии. Русский интеллигент – скиталец, после долгих блужданий и всесветных странствий, ценою мучительных сомнений и бесплодных исканий, осознал два понятия: **правды–истины** и **истины–правды**. Русский народ знал и говорил только об одной **Правде**, прибавляя иногда к ней слово – «Божья», – но всегда, непременно его подразумевая; ибо без этого он не допускает правды и не признает за таковую. Во-

оруженные этим критерием мы будем избавлены от необходимости повторять вопрос язычника Пилата: «Что есть истина?» и умывать руки. Это сознание русский народ увековечил в краткой пословице своей: «Все минуется, одна Правда останется». Итак, до свиданья, дорогой читатель!

* * *

Ассоциация психиатров, психотерапевтов, наркологов, клинических психологов Пензенской области

«ОН ПРАВДЫ ВСЕЙ ДУШОЙ ИСКАЛ»

(К 150-летию со дня рождения Константина Романовича Евграфова)

Подготовка к публикации, редакция и вступительный историко-биографический очерк Михаила Григорьевича Архангородского, Олега Александровича Макарова

Верстка: А.Ю. Соколов

Печатается по решению правления Ассоциации психиатров, психотерапевтов, наркологов, медицинских психологов Пензенской области по тексту работы К.Р. Евграфова «Беседы с читателем», опубликованной в пензенской газете «Чернозем» за 1916 год, подвергшейся правке автора, сохранившейся в музее Пензенской областной психиатрической больницы имени К.Р. Евграфова в единственном экземпляре.

Подписано к печати 14.10.2009 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага ксероксная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 12,2. Тираж 100. Заказ 14/10.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Тугушева С.Ю.
440600, г. Пенза, ул. Московская, 74, к. 220, тел.: 56-37-16.